

Стивен Кинг
Ловец снов

«АСТ»

2001

Кинг С.

Ловец снов / С. Кинг — «АСТ», 2001

ISBN 978-5-457-23911-1

Бред странного, безумного человека, ворвавшегося в лагерь четверых охотников, – это лишь первый шаг четверых друзей в мир кошмара, далеко превосходящего человеческое понимание. В мир крошечного Ада, правит которым Зло. Абсолютное Зло, пришедшее, дабы нести людям погибель и страх. Зло, единственное оружие против которого кроется в тайной магии старинного индейского амулета – «Ловца снов»...

ISBN 978-5-457-23911-1

© Кинг С., 2001

© АСТ, 2001

Содержание

Сначала новости	6
ДДТ	11
Часть 1	29
Глава 1	29
1	29
2	29
3	30
4	31
5	35
6	36
Глава 2	39
1	39
2	40
3	41
4	43
5	47
6	48
Глава 3	51
1	51
2	55
3	57
4	58
5	60
6	61
7	62
8	62
Глава 4	65
1	65
2	67
3	68
4	71
5	72
Глава 5	74
1	74
2	75
3	77
4	79
5	83
Глава 6	85
1	85
2	86
3	88
4	93
5	94
6	97
Глава 7	100

1	100
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Стивен Кинг Ловец снов

Сьюзен Молдоу и Нэн Грэм

Сначала новости

Из газеты «Ист Орегониен» от 25 июня 1947 года:

СЛУЖАЩИЙ УПРАВЛЕНИЯ

ПО БОРЬБЕ С ЛЕСНЫМИ ПОЖАРАМИ ЗАСЕК «ЛЕТАЮЩИЕ БЛЮДЦА»

Кеннет Арнолд утверждает, что видел девять дискообразных объектов.
«Блестящих, серебристых и передвигавшихся с неслыханной скоростью».

Сообщение из Росуэлла (Нью-Мексико), «Дейли рекорд» от 8 июля 1947 года:

ВВС ЗАХВАТИЛИ «ЛЕТАЮЩЕЕ БЛЮДЦЕ» НА РАНЧО В ОКРУГЕ РОСУЭЛЛ.

СОТРУДНИКИ РАЗВЕДКИ ОБНАРУЖИЛИ ПОТЕРПЕВШИЙ КРУШЕНИЕ ДИСК

Сообщение из Росуэлла (Нью-Мексико), «Дейли рекорд» от 9 июля 1947 года:

КОМАНДОВАНИЕ ВВС УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ТАК НАЗЫВАЕМОЕ
БЛЮДЦЕ – ОБЫКНОВЕННЫЙ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ ЗОНД

«Чикаго дейли трибьюн» от 1 августа 1947 года:

ВВС США ЗАЯВИЛИ, ЧТО НЕ МОГУТ ДАТЬ ОБЪЯСНЕНИЕ УВИДЕННОМУ АРНОЛДОМ

Еще 850 свидетельств очевидцев появления необычных предметов
после первого доклада Арнолда.

Сообщение из Росуэлла (Нью-Мексико), «Дейли рекорд» от 19 октября 1947 года:

ПО СЛОВАМ РАССЕРЖЕННОГО ФЕРМЕРА, ТАК НАЗЫВАЕМАЯ
КОСМИЧЕСКАЯ ПШЕНИЦА – ПРОСТО «УТКА»

Эндрю Хоксон отрицает какое-либо воздействие блюдец. Он твердо убежден, что пшеница с красноватым отливом не что иное, как чей-то розыгрыш.

Сообщение из Кентукки, «Куриер джорнел» от 8 января 1948 года:

КАПИТАН ВВС ПОГИБАЕТ В ПОГОНЕ ЗА НЛО

Последняя передача Ментела:

«Металлический, невероятных размеров».

ВВС хранят молчание.

«Брэзилиен нейшнл» от 8 марта 1957 года:

**ИНОПЛАНЕТНЫЙ КОРАБЛЬ «КОЛЬЦО»
ТЕРПИТ КРУШЕНИЕ В МАТО-ГРОССО!**

**ДВЕ ЖЕНЩИНЫ ЕДВА НЕ
ПОГИБЛИ ВБЛИЗИ ПОНТО-ПОРАН!**

«Мы слышали пронзительный писк изнутри», — заявляют они.

«Брэзилиен нейшнл» от 12 марта 1957 года:

УЖАС МАТО-ГРОССО!

Сообщения о серых человечках с огромными черными глазами.

Ученые отмахиваются.

Свидетели настаивают.

ЦЕЛЫЕ ДЕРЕВНИ ОХВАЧЕНЫ УЖАСОМ!

«Оклахомен» от 12 мая 1965 года:

ПОЛИЦЕЙСКИЙ СТРЕЛЯЕТ В НЛО

По его словам, блюдце возвышалось на сорок футов над автострадой № 9.

Показания радара авиабазы ВВС в Тинкере совпадают с его докладом.

«Оклахомен» от 2 июня 1965 года:

**«ИНОПЛАНЕТНАЯ РАСТИТЕЛЬНОСТЬ – «УТКА», –
ЗАЯВЛЯЕТ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МИНИСТЕРСТВА СЕЛЬСКОГО
ХОЗЯЙСТВА**

По его словам, «красные семена» – это работа подростков, вооруженных пульверизаторами.

Сообщение из Портленда (штат Мэн), «Пресс-хэралд» от 14 сентября 1965 года:

СЛУЧАЕВ ПОЯВЛЕНИЯ НЛО В НЬЮ- ХЭМПШИРЕ СТАНОВИТСЯ ВСЕ БОЛЬШЕ

Чаще всего НЛО замечены вблизи Экзетера.

Местные жители опасаются вторжения инопланетян.

Сообщение из Манчестера (штат Нью-Хэмпшир), «Юнион-Лидер» от 30 сентября 1965 года:

ЭПИДЕМИЯ ПИЩЕВЫХ ОТРАВЛЕНИЙ В ПЛЕЙСТОУ: ПРИЧИНА ТАК И НЕ РАСКРЫТА

Более трехсот пострадавших. Большинство выздоравливает. Представитель управления по контролю за продуктами и лекарствами считает, что причиной могут быть загрязненные водные источники.

«Мичиган джорнел» от 9 октября 1965 года:

ДЖЕРАЛД ФОРД ПРИЗЫВАЕТ К РАССЛЕДОВАНИЮ НЕПОНЯТНОГО ЯВЛЕНИЯ

Лидер республиканской партии заявляет:

«Мичиганские огни» могут иметь внеземное происхождение.

«Лос-Анджелес таймс» от 19 ноября 1978 года:

УЧЕНЫЕ КАЛИФОРНИЙСКОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ОТМЕЧАЮТ ПОЯВЛЕНИЕ ГИГАНТСКОГО ЛЕТАЮЩЕГО ДИСКА В ПУСТЫНЕ МОХАВЕ

Тикмен: Я был окружен крохотными яркими огоньками.

Моралес: Видел красную траву, похожую на «ангельский волос».

«Лос-Анджелес таймс» от 24 ноября 1978 года:

СЛЕДОВАТЕЛИ ПОЛИЦИИ ШТАТА И ВВС НЕ НАШЛИ НИКАКИХ «АНГЕЛЬСКИХ ВОЛОС» НА МЕСТЕ ПОЯВЛЕНИЯ НЛО В ПУСТЫНЕ МОХАВЕ

Тикмен и Моралес соглашаются пройти тест на «детекторе лжи».

Возможность ложных показаний полностью исключена.

«Нью-Йорк таймс» от 16 августа 1980 года:

«ПЛЕННИКИ ИНОПЛАНЕТЯН» ОСТАЮТСЯ ПРИ СВОЕМ МНЕНИИ

Психологи сомневаются в достоверности портретов так называемых серых человечков.

«Уолл-стрит джорнел» от 9 февраля 1985 года:

КАРЛ САГАН: «НЕТ, МЫ НЕ ОДИНОКИ!»

Выдающийся ученый вновь подтверждает свою веру в существование инопланетных цивилизаций, утверждая, что шансы на существование иных цивилизаций огромны.

«Финикс сан» от 14 марта 1997 года:

ОГРОМНЫЙ НЛО ЗАМЕЧЕН ВБЛИЗИ ПРЕСКОТТА. ДЕСЯТКИ ОЧЕВИДЦЕВ ОПИСЫВАЮТ ПРЕДМЕТ В ФОРМЕ БУМЕРАНГА

Коммутатор на авиабазе ВВС в Льюке разрывается от сообщений.

«Финикс сан» от 20 марта 1997 года:

ЗАГАДКА «ОГНЕЙ ФИНИКСА» ПО- ПРЕЖНЕМУ ОСТАЕТСЯ НЕРЕШЕННОЙ

Эксперт заявляет, что фото не фальшивка.

Следователи ВВС хранят молчание.

Сообщение из Полдена (штат Аризона), «Уикли» от 9 апреля 1997 года:

**ЭПИДЕМИЯ ПИЩЕВЫХ ОТРАВЛЕНИЙ
НЕ НАХОДИТ ОБЪЯСНЕНИЯ.**

**РАССКАЗЫ О ПОЯВЛЕНИИ «КРАСНОЙ
ТРАВЫ» ОБЪЯВЛЕНЫ ВЫМЫСЛОМ**

Сообщение из Дерри (штат Мэн), «Дейли ньюс» от 15 мая 2000 года:

**ТАИНСТВЕННЫЕ ОГНИ СНОВА
ЗАМЕЧЕНЫ НА ДЖЕФФЕРСОН-ТРЕКТ**

Мэр Кинео-таун: «Не знаю, что это такое, но они появляются снова и снова».

ДДДТ

Это стало их девизом, и Джоунси под страхом смерти не мог припомнить, кто из них первым ввел это в обиход. «Берешь чужие в долг на время – отдаешь свои и навсегда» – это его высказывание. «Трахни меня в задницу, Фредди» и еще с полдюжины столь же красочных непристойностей – вклад Бивера. Генри приучил их небрежно бросать: «Все, что возвращается на круги своя, возвращается на круги своя» – типичный образец того дзен-буддистского дерьма, которым он так увлекался еще с детства. А вот ДДДТ... как насчет ДДДТ? Чей светлый ум это родил?

Не важно. Не имеет значения. Главное, что они свято верили второй половине этой аббревиатуры, когда были неразлучной четверкой, а потом и всему целому, когда их стало пятеро, ну а потом... вновь превратившись в четверку, опять поверили, только на этот раз первой половине.

Но когда их опять осталось только четверо, дни стали темнее. Мрачнее, что ли? Теперь все чаще попадались «трахни-меня-в-задницу» дни. Это-то было ясно, но вот почему? Ответа не было. С ними явно творилось что-то неладное, они это знали... Неладное – или странное? Только что? Они ощущали, что пойманы, загнаны в ловушку, но каким образом? И все это случилось задолго до появления огней в небе. До Маккарти и Бекки Шу.

ДДДТ: иногда это всего лишь слова. А иногда кажется, что вообще ничто. Пустота. Тьма. И тогда... как же найти в себе силы жить дальше?

1988: Даже у Бобра бывает хандра

Сказать, что брак Бивера не сложился, – все равно что заявить о ком-то «немножко беременна» или «приземление космического корабля «Челленджер» чуть-чуть не удалось». Джо «Бивер»¹ Кларендон и Лори Сью Кинопенски вытерпели восемь месяцев, а затем – все, прошла любовь, кто-нибудь поможет собрать чертовы осколки.

Вообще-то Бив, можно сказать, малый веселый и добродушный, это вам подтвердят все его закадычные друзья, но тут его настигла черная полоса. Он не встречается со своими старыми друзьями, то есть теми, кого считает настоящими друзьями, если не считать одной-единственной недели в ноябре, когда они каждый год собираются вместе, а в прошлом ноябре они с Лори Сью все еще тянули лямку. Правда, эта самая лямка становилась все тоньше, но еще держалась. Теперь он проводит слишком много времени, и даже сам это понимает, в барах портлендского Старого порта: «Портхоул», «Сименс-клуб» и «Фри-стрит паб». Чересчур много пьет, тянет косячок за косячком и по утрам все чаще отворачивается от зеркала в ванной: налитые кровью глаза, полуприкрытые набрякшими веками, стыдливо глядят в сторону. И одна-единственная мысль бьется в тяжелой голове: *Следовало бы бросить все эти забегаловки, иначе влипну, как Пит. Пропади все пропадом...*

Бросить забегаловки, бросить шляться, не пить – зашибись! – но день за днем все продолжается по заведенному порядку, и он снова сидит за стойкой, а, поцелуй меня в задницу, и пошло все оно туда и туда!

В этот четверг очередь «Фри-стрит паб», и будь он проклят, если не пристроится там в компании со стаканчиком пивка, косячком в кармане, а из музыкального гроба доносится старая мелодия, вроде тех, что когда-то играли «Вэнчерс». Он не может вспомнить название этой вещи, популярной еще до его рождения. И все же знает ее, потому что часто слушает радио-ретро портлендской станции... с тех пор как развелся. Ретрошлягеры – штука утеш-

¹ Бобр (англ.).

тельная. Имеют странное свойство успокаивать. А вот новые хиты... Лори Сью знала великое их множество и даже любила, но до Бивера они как-то не доходили.

«Фри-стрит» почти пуст: не больше полудюжины клиентов за стойкой и еще столько же гоняют бильярдные шары в задней комнате. Бивер с тройкой закадычных приятелей сидят в одной из кабинок, дуют «Миллер»² и тасуют засаленную колоду карт, чтобы бросить жребий, кому платить за следующую порцию пива. Что это за мелодия со сплошным гитарным перебором? «Без границ»? «Телстар»? Нет, в «Телстар» ритм ведет синтезатор, а тут ничего подобного. Остальные треплются о Джеконе Брауне, игравшем вчера вечером в муниципальном центре. Если верить Джорджу Пелсену, который там был, тот устроил классное шоу, настоящий отпад, сдохнуть можно!

– Но это еще не все! – объявляет Джордж, выразительно озирая собравшихся. – Кое-что припас на закуску! – Он гордо вытягивает и без того выступающий вперед подбородок и показывает красное пятно на шее: – Знаете, что это такое?

– Засос, что ли? – немного смущенно спрашивает Кент Астор.

– Светлая башка, мать твою! – восклицает Джордж. – После спектакля я торчал за кулисами вместе с целой кодлой фэнов, рвущихся получить автограф Джексона. Или, ну... не знаю, Дэвида Линдли, что ли. Он классный мужик.

Кент и Шон Робидо соглашаются, что Дэвид Линдли настоящий класс, не гитарный бог, разумеется (вот Марк Нопфлер из «Дайр Стрейтс» – тот бог, или Энгус Янг из «АйСи-ДиСи», это да, а уж Клэптон – и говорить нечего), но все равно на уровне. У Линдли потрясная фразировка, да и техника – дай бог каждому!

Бивер не участвует в разговоре. Все, что ему хочется, – поскорее убраться отсюда, из этой вонючей, задрипанной забегаловки, глотнуть свежего воздуха. Он уже знает, к чему клонит Джордж, и все это вранье.

Ее звали вовсе не Шанте, ты вообще не знаешь, как ее звали, она проплыла мимо тебя, как мимо стенки, и поделом, кто ты для такой девушки, еще один трудяга-волосатик из очередного мелкого рабочего городишки Новой Англии. Ты и твоя тоскливая сраная житуха! «Шанте» – название группы, которую мы слушаем, не «Мар-Кетс» или «Бар-Кис», а «Шанте». «Пайплайн» в исполнении «Шанте», а эта штука у тебя на шее – никакой не засос, а порез бритвой.

Так он думает и вдруг слышит плач. Не в баре. В своем мозгу. Давно забытый плач. Ударяет прямо в голову, вонзается в серое вещество осколками стекла, и о, трахни меня в задницу, трахни, Фредди, кто-то должен заставить его замолчать.

Я и заставил, думает Бивер. Это был я. Именно я – тот, кто заткнул его. Обнял и стал петь.

Тем временем Джордж Пелсен расписывает, как дверь гримерной наконец открылась, но оттуда появился не Джексон Браун, не Дэвид Линдли, нет! Трио хористочек на подпевках, Рэнди, Сьюзи и Шанте. Аппетитные дамочки, аж слюнки текут.

– Везет же! – вздыхает Шон, закатывая глаза. Шон, кругленький коротышка, чьи сексуальные похождения ограничиваются случайными поездками в Бостон, где он пожирает глазами стрипушек в «Фокси леди» и официанток в «Хутерс». – Ни хера себе, Шанте, никак не меньше!

Он с плотоядной улыбкой делает красноречивые пассы над ширинкой. Похоже, часто работает ручками? Ну да, кто же согласится с ним лечь?

По крайней мере, думает Бив, хоть в этом он выглядит настоящим профессионалом.

– Ну... я заговорил с ними, в основном с ней, Шанте... спросил, хотела бы она познакомиться с ночной жизнью Портленда. Слово за слово, и мы...

² Марка низкокалорийного пива. – Примеч. пер.

Бив вынимает из кармана зубочистку и сует в рот, отсекая дальнейшее повествование. Да, зубочистка – как раз то, что сейчас надо. Не кружка пива, не косячок в кармане, не пустая трепотня Джорджа Пелсена о том, как они с Шанте столкнулись в кузове его пикапа, благодарение Богу хотя бы за это убежище, когда фургон враскачку, не вздумай лезть в «тачку»!

Все это чушь и бред собачий, думает Бивер, и внезапно тоска стискивает горло, такая отчаянная тоска, которую ему еще не доводилось пережить, даже когда Лори Сью собрала вещички и ушла к родителям. Все это настолько на него не похоже... и вдруг ему смертельно захотелось смыться отсюда к такой-то матери, наполнить легкие прохладным, соленым морским воздухом и найти телефон. И позвонить Джоунси или Генри, не важно кому, любой сгодится. Он хочет сказать: «Привет, старина, как оно ничего?» – и услышать, как один из них ответит: «Да знаешь, Бив, ДДДТ. Нет костяшек, нет игры».

Он встает.

– Эй, парень, – вскидывается Джордж. Бивер ходил с Джорджем в «Уэстбрук джуниор колледж», и там он казался вполне нормальным, но все это было много-много кружек пива назад. – Куда это ты?

– Отлить, – бросает Бивер, перемещая зубочистку с одного угла рта на другой.

– Только тащи поскорее обратно свой вонючий зад, я как раз перехожу к главному, – вещает Джордж, и Бивер думает: *Трусики-«танга» с прорехой в промежности. О черт, сегодня в воздухе так и носятся дурные флюиды, должно быть, к перемене погоды или что-то в этом роде.*

Джордж понижает голос:

– Когда я поднял ее юбку...

– Знаю, на ней были трусы-«танга», – отмахивается Бивер и отмечает удивленный, почти потрясенный взгляд Джорджа, но не обращает внимания. – Я бы не прочь послушать подробности.

Он отходит, направляется в туалет, с желто-розовой вонью мочи и дезинсектанта, минуя туалеты, сначала мужской, потом женский, дверь с надписью «офис» и оказывается в переулке. Низко нависшее тусклое, дождливое небо, серый денек, но воздух свеж. Так свеж! Он глубоко втягивает его и снова думает: *Нет костяшек, нет игры...* Бив чуть улыбается.

И шагает неведомо куда минут десять, жуя зубочистку и пытаясь прояснить голову. В какой-то момент, точно уже не припомнить, он выбрасывает косячок, мирно лежавший в кармане, и звонит Генри из платного телефона в «Джо Смоук шоп» у Моньюмент-сквер. Скорее всего он наткнется на автоответчик: Генри еще должен быть в университете, но оказывается, что Генри уже дома и поднимает трубку после второго звонка.

– Как поживаешь, старик? – спрашивает Бивер.

– Да сам знаешь, – отвечает Генри. – День другой, дерьмо все то же... Как насчет тебя, Бив?

Бив закрывает глаза. На какую-то долю секунды все снова в порядке, все снова хорошо, так хорошо, как только может быть в этом сволочном мире.

– Примерно так же, приятель. Примерно так же.

1993: Пит помогает даме в беде

Пит сидит за письменным столом чуть в стороне от демонстрационного зала «Макдоналд моторс» в Брайтоне, задумчиво вертя цепочку с ключами, на которой прицеплен брелок, состоящий из четырех, покрытых голубой эмалью букв: NASA.

Мечты стареют куда быстрее мечтателей, и этот неоспоримый жизненный факт Пит обнаружил с течением лет. Однако умирают зачастую трудно и долго, вопя тихими скорбными голосами где-то на задворках мозга. Давненько Пит не ночевал в спальне, оклеенной снимками с изображениями космических кораблей «Аполло» и «Сатурн», астронавтов

и выходов в космос (работа за бортом КЛА, ежели кто знает), а также космических капсул, с кожухами, закопченными и оплавленными сверхвысокими температурами при входе в плотные слои атмосферы... и лунные модули, и «Вояджеры», и одна фотография блестящего диска над автомагистралью 80: застывшие люди стоят на забитом шоссе у машин, защищая ладонями глаза от нестерпимого света. Подпись под фото гласит: ОБЪЕКТ, СФОТОГРАФИРОВАННЫЙ ВБЛИЗИ АРВАДЫ, ШТАТ КОЛОРАДО, В 1971 ГОДУ, И ДО СИХ ПОР ОСТАВШИЙСЯ НЕОПОЗНАННЫМ. ЭТО НАСТОЯЩЕЕ НЛО.

Как давно это было.

И все же он провел одну неделю из двухнедельного отпуска в Вашингтоне, округ Колумбия, где каждый день ходил в Национальный музей авиации и космонавтики, проводя там все время в блужданиях среди экспонатов с изумленной улыбкой на лице. И подолгу глядел на лунные камни, размышляя: *Эти камни привезены из места, где небеса всегда черны, а молчание подавляюще и вечно. Нил Армстронг и Базз Олдрин захватили с собой почти двадцать килограммов иного мира, и вот они здесь.*

А вот и он, сидит за столом, в день, когда не удалось продать ни одной машины (люди отчего-то не любят покупать машины в дождь, а в Питовой части света еще затемно началась морось), вертит на пальце цепочку NASA и поглядывает на часы. Почему-то в такие дни время просто ползет, а уж по мере приближения к пяти – так и вовсе замирает. Пять – законный час для первой кружечки пивка. До этого – ни-ни, ни единой. Если пьешь с утра, значит, рано или поздно придется подсчитывать, сколько выпил – верный путь в алкоголики. А вот если еще способен ждать... вертеть цепочку и ждать...

И так же страстно, как первой кружки, Пит ждет ноября. Апрельская поездка в Вашингтон позволила отвести душу, а лунные камни все же сногшибательная штука (стоит только вспомнить, и снова дух захватывает, как в первый раз), но одиночество все же дает о себе знать, и от этого на сердце как-то паршиво. В ноябре он возьмет вторую неделю отпуска и встретится с Генри, Джоунси и Бивом. Вот тогда-то и позволит себе пить днями напролет. Когда ты в лесу, на охоте с друзьями, вполне естественно тянуть пиво с утра до вечера. Это, собственно говоря, традиция. Это...

Дверь открывается и на пороге возникает привлекательная брюнетка. Примерно пять футов десять дюймов (Пит обожает высоких курочек), лет тридцати. Осматривает выставочные модели (новый «тандерберд» цвета темного бургундского – гвоздь сезона, хотя «эксплорер» тоже хоть куда), но с таким видом, словно не слишком заинтересована в покупке. Заметив Питера, она делает шаг к столу. Но тот уже поднимается, уронив ключи на книгу записей, включает ослепительно профессиональную улыбку в двести ватт, не меньше, беби, уж поверь, и устремляется к ней с протянутой рукой. Рукопожатие выходит крепким, деловым, но она явно чем-то расстроена.

– Скорее всего ничего не выйдет, – вздыхает она.

– Никогда не начинайте разговор с продавцом автомобилей с таких обидных слов, – советует Пит. – Мы обожаем вызов. Я Пит Мур.

– Привет, – говорит она, но не называет своего имени, а зовут ее Триш. – У меня свидание во Фрайбурге, ровно через... – она вскидывает глаза на часы, те, с которых Пит целый день напролет не сводил взгляда, – ...через сорок пять минут. С клиентом, который хочет купить дом, и кажется, у меня есть именно то, что надо, и комиссионные приличные, а... – глаза вдруг наполняются слезами, и ей приходится сглотнуть, чтобы избавиться от непрошеной хрипотцы, – ...а я потеряла ключи от машины! Чертовы ключи от машины!

Она открывает сумочку и судорожно в ней роется.

– Но у меня права... плюс другие документы... все доказательства, и я подумала, а вдруг, вдруг вы сумеете раздобыть мне новые ключи, и я спокойно уеду. Это сделка меня здорово выручила бы. Только с комиссионных можно бы спокойно жить весь год, мистер...

Она забыла. Но Пит не обижается. Мур – фамилия столь же обычная, как Смит или Джоунс. Кроме того, она растеряна и вне себя. Еще бы, ключи потерять, такое несчастье! Он тут всякого навиделся.

– Мур. Но я отзываюсь и на Пита.

– Не могли бы вы помочь мне, мистер Мур? Или кто-нибудь из отдела обслуживания?

Старина Джонни Дэймон и рад бы помочь, но уж сегодня ей во Фрайбург точно не поспеть.

– Мы сможем привезти вам новые ключи, но это займет как минимум сутки, а то и двое, – сообщает он.

Она смотрит на него мокрыми, бархатисто-карими глазами и тоскливо стонет:

– Черт... *о черт...*

Странная мысль приходит в голову Питу: она похожа на девочку, которую он знал когда-то, давным-давно. Не слишком хорошо, они знали ее не слишком хорошо, но все же настолько, чтобы спасти ей жизнь. И звали ее Джози Ринкенхауэр.

– Я так и думала, – бормочет Триш, не пытаясь больше скрывать рыдания. – О дьявол, я так и думала!

Она отворачивается и начинает плакать, уже не сдерживаясь. Пит подходит сзади и осторожно берет ее за плечо.

– Погодите, Триш. Погодите минуту.

Проклятие, какой промах! Она ведь не назвалась, а он окликнул ее по имени, хотя никто их не знакомил... но может, она слишком убита горем, чтобы это заметить.

– Вы откуда? – спрашивает он. – Я хочу сказать, вы ведь не из Брайтона?

– Нет, – качает она головой. – Наш офис в Уэстбруке. «Деннисон риэл эстейт». Мы те самые, которые с маяком.

Пит кивает, словно что-то понял.

– Я сейчас оттуда, только остановилась у здешней аптеки, купить аспирин, потому что голова всегда раскалывается перед важным свиданием... это стресс, и, Господи, в висках словно молотки стучат.

Пит снова кивает, на этот раз сочувственно. Ему знакомо это ощущение. Правда, чаще всего оно вызвано не стрессом, а избытком пива, но какая разница?

– У меня оставалось еще немного времени, вот я и зашла в магазинчик рядом с аптекой выпить кофе... кофеин, знаете, когда голова болит, кофеин очень помогает...

Пит кивает в третий раз. В их компании главный психолог – Генри, это он настоящий шринк³, но Пит не раз твердил ему, что хороший продавец должен безошибочно читать чужие мысли и видеть человека насквозь, иначе не то что машину, туалетную бумагу не продашь. И теперь Пит с радостью замечает, что его новая приятельница чуть успокоилась. Вот и хорошо. Кажется, он сумеет помочь ей – если она позволит, конечно. Он уже чувствует, как это случится. Крошечный щелчок, и дверца приоткроется. Ему нравится само ожидание этого щелчка. Ничего особенного, конечно, и неизвестно, чем все кончится. Но так или иначе, а что-то в этом есть.

– Ну и... и забежала к «Ренни», на другой стороне улицы. Купила шарф, из-за дождя... нужно же чем-то...

Она касается волос.

– Потом вернулась к машине, а мои сволочные ключи исчезли! Я немедленно пошла обратно, по магазинам, к аптеке, но, поверите, и след простыл! А теперь я опоздаю к клиенту!

Она снова взвинчена, готова заплакать. Поднимает взгляд на часы. Для него время плетется. Для нее – летит. Вот вам и разница между людьми.

³ психотерапевт.

– Успокойтесь, – говорит он. – Возьмите себя в руки и выслушайте меня. Сейчас отправимся к аптеке и поищем ваши ключи.

– Но их там нет! Я обшарила все проходы между стеллажами, обыскала полку, с которой брала аспирин, спросила девушку за прилавком...

– Проверить лишний раз не повредит, – перебивает он и ведет ее к двери, легонько, но решительно подталкивая в спину. Ему нравится запах ее духов, а еще больше – волосы. Именно волосы. И если они так смотрятся в серый денек, как же светятся на солнце?

– Мое свидание...

– У вас еще сорок минут, – говорит Пит. – Когда туристы разъезжаются, до Фрайбурга можно добраться минут за двадцать. Десять минут на поиски ваших ключей, а если ничего не выйдет, я сам вас отвезу.

Она с сомнением косится на него. Но Пит смотрит мимо нее, в одну из клетушек-кабинетов.

– Дик! – окликает он. – Эй, Дики М.!

Дик Макдоналд поднимает голову от россыпи накладных.

– Заверь леди, что я благополучно доставлю ее во Фрайбург, если до этого дойдет.

– О, он вполне благонадежен, мэм, – кивает Дик. – Никакой не сексуальный маньяк, не гонит с запредельной скоростью. Всего лишь попытается продать вам новый автомобиль.

– Я крепкий орешек, – улыбается она сквозь слезы, – но так и быть, по рукам.

– Прикрой меня по телефону, ладно, Дик?

– Ладно, хотя это нелегко. В такую погоду покупателей приходится отгонять палками.

Пит и брюнетка Триш выходят, пересекают переулок и пешком добираются до Мейн-стрит, это три минуты ходу. Аптека – второе здание слева. Морось усиливается и теперь уже больше походит на дождь. Женщина повязывает волосы новым шарфом и смотрит на непокрытую голову Пита.

– Вы промокнете, – говорит она.

– Я – с севера. Мы так быстро не сдаемся.

– Как по-вашему, сумеем их найти? – вдруг вырывается у нее.

Пит пожимает плечами:

– Может быть. У меня чутье на такие дела прямо-таки собачье. И всегда было.

– Знаете что-то, чего я не знаю? – удивляется она.

Нет костяшек, нет игры, думает он. Только и всего, мэм.

– Нет, – говорит он вслух. – Пока нет.

Они входят в аптеку, и колокольчик над дверями уныло тренькает. Девушка за прилавком нехотя отрывается от журнала. Двадцать минут четвертого, день сумрачный, и, следовательно, кроме них троих и мистера Диллера за рецептурным прилавком – ни одного человека.

– Привет, Пит, – кивает девушка.

– Эй, Кэт, как дела?

– Сам видишь... еле-еле, – вздыхает она и обращается к брюнетке: – Мне очень жаль, мэм, но я еще раз везде посмотрела и ничего не нашла.

– Ничего страшного, – бормочет Триш со слабой улыбкой, – этот джентльмен согласился меня подвезти.

– Ну-у-у, – тянет Кэти, – Пит, конечно, славный, но я не заходила бы так далеко, именуя его джентльменом.

– Придержала бы язычок, дорогуша, – ухмыляется Пит, – если не хочешь платить за моральный ущерб. Судьи у нас всегда на стороне обиженных.

Он украдкой смотрит на часы. Время и для него ускорило бег. Вот и прекрасно, хотя бы для разнообразия.

Пит оглядывается на Триш.

– Сначала вы зашли сюда. За аспирином.

– Верно. Купила упаковку аспирина. А в оставшееся время решила...

– Выпить кофе у «Кристи», а потом зайти к «Ренни».

– Д-да.

– Вы не запивали аспирин горячим кофе?

– Нет, в машине была бутылка воды «Поланд». – Она показывает в окно на зеленый «таурус». – Запила водой таблетки. Но потом пошарила по сиденью и... заодно проверила зажигание.

Она окидывает их нетерпеливым взглядом, в котором ясно читается: «Знаю, что вы думаете: какая-то полоумная, морочит голову».

– И последний вопрос. Если я найду ваши ключи, согласитесь поужинать со мной? Мы могли бы встретиться в «Уэст Уорф».

– Я знаю «Уэст Уорф», – улыбается она сквозь слезы. Кэти привстала, даже не пытаясь сделать вид, что читает журнал. Да это куда интереснее любого романа!

– Откуда вы знаете, что я не замужем и вообще свободна?

– А обручальное кольцо? – немедленно возражает он, хотя еще не успел взглянуть на ее безымянный палец. – Кроме того, я всего лишь имел в виду жареных моллюсков, салат из моркови с капустой и слоеный пирог с клубникой, а вовсе не пожизненный союз.

Она, в свою очередь, смотрит на часы:

– Пит... мистер Мур... боюсь, что сейчас мне не до флирта. Если подвезете меня, буду рада поужинать с вами. Но...

– Этого вполне достаточно, – отзывается Пит. – Но, думаю, вы поедете в своей машине, так что встретимся позже. Пять тридцать вам подходит?

– Да, прекрасно, но...

– Заметано.

Пита захлестывает давно не испытанное ощущение счастья. Это чудесно. Счастье – это чудесно. Два последних года ему и сотой доли ничего подобного не довелось изведать, а почему? Непонятно. Слишком много промозглых, пропитанных алкоголем ночей блуждания по барам между 302-м шоссе и Норт-Конуэем? Да, но разве только в этом дело? Может, и нет, но на размышления времени не осталось. Даме нужно успеть на деловое свидание. Если она к тому же продаст дом, кто знает, может, и Питу Муру крупно повезет? А если и ничего не выйдет, если удача отвернется... что ж, зато он все равно ей поможет. Он это чувствует.

– Сейчас я сделаю кое-что необычное... может, даже на первый взгляд странное, но пусть это вас не волнует, – объявляет он. – Всего лишь небольшой фокус, вроде как потерять переносицу, чтобы не чихнуть, или ударить себя по лбу, когда пытаешься вспомнить чье-то имя. Договорились?

– Д-да... наверное, – выговаривает сбита с толку Триш.

Пит закрывает глаза, подносит к лицу некрепко сжатый кулак, выбрасывает указательный палец и принимается водить им взад и вперед.

Триш оборачивается к продавщице. Та пожимает плечами, словно говоря: «Кто знает?»

– Мистер Мур, – нерешительно произносит Триш. – Мистер Мур, может, мне просто...

Пит открывает глаза, глубоко вздыхает и опускает руку. И смотрит мимо Триш, на дверь...

– Итак... вы вошли... – Его глаза двигаются, словно следя за вошедшей Триш. – Шагнули к прилавку... Наверное, спросили о чем-то. В каком проходе аспирин... Что-то в этом роде.

– Да, я...

– Но вы еще что-то взяли. – Он видит это что-то на полке со сладостями. Ярко-желтый рисунок, что-то вроде отпечатка ладони. – Батончик «Сникерс».

– «Маундс», – шепчет она, хлопая ресницами. – Откуда вы узнали?

– Взяли шоколадку, только потом пошли за аспирином. Заплатили и ушли... выйдем на минуту. Пока, Кэти.

Кэти только кивает, не сводя с него вытаращенных глаз. Пит шагает за порог, не обращая внимания на звяканье колокольчика, на морось, теперь и в самом деле превратившуюся в дождь. Желтизна на тротуаре исчезает: водяные струи смывают ее и уносят. И все же он способен разглядеть ее, и ужасно этим доволен. Он видит линию. Это ощущение щелчка. Клик, и готово. Здорово! Сколько же времени он не видел ее так ясно?!

– Назад к вашей машине, – бормочет он себе под нос, – чтобы запить водой пару таблеток аспирина...

Он пересекает тротуар, медленно подбирается к «таурусу». Триш, встревоженно оглядываясь, следует за ним. Взгляд взволнованный. Почти испуганный.

– Открыли дверь. Взяли сумочку... ваши ключи... аспирин... батончик... все такое... перекладываете их из руки в руку... и тут...

Он наклоняется, шарит в воде, хлещущей в сточной канаве, запускает туда ладонь почти до запястья, поднимает что-то и кланяется с видом фокусника, удачно выполнившего сложный трюк. В сереньком, почти сумеречном свете ярко вспыхивают серебром ключи.

– ...тут вы уронили ключи.

Сначала ей не приходит в голову их взять. Она потрясенно смотрит на него, словно только сейчас у нее на глазах свершилась магия. Черная магия. А он и есть тот самый злой маг.

– Ну же, – настаивает он, со слегка поблекшей улыбкой. – Берите же. Тут нет ничего сверхъестественного. Чистая дедукция. Мне не привыкать. Вам следовало бы брать меня в поездки, на случай если заблудитесь. Я в два счета отыщу дорогу.

Только тогда она берет ключи. Быстро, стараясь не коснуться его пальцев, и Пит сразу же понимает, что она не придет в ресторан. Не стоит быть семи пядей во лбу, чтобы понять это: достаточно взглянуть в ее глаза, скорее напуганные, чем благодарные.

– Спасибо... спасибо вам, – лепечет она, мысленно измеряя расстояние между ними, будто боясь, что он подступит слишком близко.

– Не за что. Только не забудьте: «Уэст Уорф», в половине шестого. Лучшие жареные моллюски в этой части штата.

Поддержим иллюзию. Приходится иногда, независимо от того, что творится на душе. И хотя какая-то часть радости этого дня ушла, растворилась, что-то еще теплится. Он видел линию, а от этого всегда становится легче. Фокус простой, но приятно сознавать, что он еще может...

– Половина шестого, – эхом отзывается она, открывая дверцу машины, но опасливый взгляд, брошенный через плечо, подозрительно похож на тот, каким обычно посматриваешь на пса, бешено рвущегося со сворки. Она рада до посинения, что теперь не придется ехать с ним во Фрайбург. И не нужно уметь читать мысли, чтобы это сообразить.

Он неподвижно стоит под кнутами дождевых струй, наблюдая, как она вырывается на мостовую, и на прощание отдает жизнерадостный салют лихого продавца автомобилей. В ответ она рассеянно шевелит пальчиками, и, разумеется, когда он ровно в пять тридцать заглядывает в «Уэст Уорф» (на всякий случай, точность – вежливость королей), ее никто не видел, и час спустя она все еще не показывается. Он все равно не уходит: сидит за стойкой бара, пьет пиво и провожает глазами машины, мчащиеся по шоссе 302. Ему кажется, что он видит ее, где-то около пяти сорока. Зеленый «таурус», пролетевший мимо на полной скоро-

сти, в пелене дождя, ставшей к тому времени беспросветной, зеленый «таурус», который, вполне возможно, еще тянет за собой желтую полосу, сразу же тающую в сереющем воздухе.

День другой, дерьмо все то же, думает он, но радость уже омрачена, вытеснена привычной грустью, грустью, ощущаемой как нечто заслуженное: цена так и не позабытого предательства. Он закуривает сигарету... Давным-давно, в детстве, притворялся, что курит, но в этом больше нет нужды... И заказывает еще кружечку. Милт приносит, но при этом ворчит:

– Неплохо бы сначала что-то кинуть в желудок, Питер.

Поэтому Пит заказывает порцию жареных моллюсков и даже съедает несколько, предвзвешенно окунув в соус тартар, но перед тем как двинуться по кругу в какую-нибудь забегаловку, где его не так хорошо знают, пытается дозвониться в Массачусетс, к Джоунси. Но Джоунси и Карла наслаждаются редким свободным вечером, и трубку берет приходящая няня, которая и спрашивает, не нужно ли чего передать. Пит едва не говорит «нет», но тут же спохватывается.

– Передайте, звонил Пит, сказал ДДДТ.

– Д... Д... Д... Т... – повторяет девушка, старательно записывая. – Он поймет, что это...

– О да, – заверяет Пит, – еще бы.

К полуночи он надирается в какой-то нью-хэмпширской пивнушке, то ли «Мадди Раддер», то ли «Радди Матер», он так и не усёк. Едва ворочая языком, Пит пытается поведать такой же окосевшей телке, как когда-то свято верил в то, что окажется первым человеком, ступившим на Марс. И хотя та кивает и твердит, будто заведенная, «ага-ага-ага», он почему-то сознает, что у нее только и мыслей, как бы опрокинуть еще порцию бренди перед закрытием. Но это ничего. Это не важно. Завтра он проснется с головной болью и ужасным похмельем, но все равно отправится на работу и продаст машину, а может, и нет, но так или иначе мир вертится. А вдруг удастся сбыть винно-красный «тандерберд», прощай любимая! Когда-то все было иначе, но теперь все по фигу. Наверное, и с этим можно жить, для такого парня, как он, правило большого пальца – всего лишь ДДДТ, ДЕНЬ ДРУГОЙ, ДЕРЬМО ВСЕ ТО ЖЕ, и хрен с ним, со всем остальным. Ты вырос, стал мужчиной, смирился с тем, что получил меньше, чем надеялся, обнаружил, что на волшебной машинке для грез и снов висит большая табличка: НЕ РАБОТАЕТ.

В ноябре он отправится на охоту с друзьями, и этого вполне достаточно, чтобы с надеждой смотреть в будущее... это и, возможно, классный слюнявый, пахнущий губной помадой минет в машине от этой бухой телки. Требовать еще чего-то – напрашиваться на лишнюю сердечную боль.

Грезы и сны – это для детей.

1998: Генри лечит диванного пациента

В комнате полумрак, как всегда, когда Генри принимает пациентов. Интересно, что весьма немногие это замечают. Он считает, это потому, что обычно у них мозги с самого начала затуманены. Большинство из них попросту невропаты. «Леса так и кишат ими», – когда-то сказал он Джоунси, когда они были вместе, леса, ха-ха! Во всяком случае, такова его оценка – совершенно ненаучная, конечно. Он глубоко убежден, что их проблемы создают нечто вроде поляризующего экрана между ними и остальным миром. По мере усиления невроза тьма внутри сгущается. В основном он испытывает к пациентам нечто вроде благожелательного, хотя и отстраненного сочувствия. Иногда жалость. И весьма немногие выводят его из себя. К последним принадлежит Барри Ньюмен.

Пациентам, перешагнувшим порог кабинета Генри, предоставляется выбор, который они таковым не считают. И даже не сознают этого. Заходя, они видят довольно уютную, хоть и полутемную комнату, с камином по левой стене, снабженным вечными дровами: четырьмя стальными трубками, раскрашенными под березу и маскирующими газовые горелки. Рядом,

под превосходной репродукцией вангоговских «Подсолнухов», возвышается огромное мягкое кресло, в котором обычно восседает Генри. (Генри иногда говорит коллегам, что каждому психиатру следует иметь в кабинете по крайней мере одного Ван Гога.) В противоположном конце легкие креслице и диван. Генри всегда интересно, что именно выберет пациент. Правда, сам он слишком давно в деле, чтобы знать: выбранное впервые потом становится привычкой, и на последующих сеансах место останется неизменным. Он помнит, что на эту тему даже есть статья, только вот забыл чья. И в любом случае он обнаруживает, что со временем такие вещи, как газеты и журналы, съезды и семинары, интересуют его все меньше. Когда-то все было по-иному, но теперь ситуация изменилась. Он меньше спит, меньше ест и смеется гораздо меньше. Мрак просачивается и в его жизнь... тот самый поляризующий фильтр, и Генри сознает, что даже не противится этому. Меньше яркого света – спокойнее для глаз.

Барри Ньюмен с самого начала был диванным пациентом, но Генри ни разу не сделал ошибки, предположив, будто это имеет что-то общее с его психическим состоянием. Просто для Барри диван удобнее, хотя иногда Генри приходится протягивать ему руку, чтобы помочь встать, когда пятьдесят минут истекают. При росте пять футов семь дюймов Барри весит четыреста двадцать фунтов. Это и заставило его подружиться с диваном.

Сеансы с Барри Ньюменом обычно длятся долго, поскольку тот тщательнейшим образом перечисляет все подробности своих гастрономических походов. Это вовсе не означает, что Барри – гурман, о нет, совсем напротив, Барри пожирает все, что оказывается в орбите его досягаемости. В этом отношении Барри настоящая машина для перемалывания пищи. И его память, по крайней мере в этом отношении, донельзя эйдетична. Барри в гастрономии все равно что старый друг Генри Пит – в географии и ориентировании на местности.

Генри почти оставил попытки оттащить Барри от деревьев и заставить его прогуляться по лесу, частично из-за спокойного, но неуклонного желания пациента обсуждать все съеденное в мельчайших деталях, отчасти потому, что Барри ему не нравится и никогда не нравился. Родители Барри умерли, оставив очень большое наследство, положенное на трастовый фонд до тридцатилетия сына. Тогда он сможет его получить, при условии, что будет продолжать психотерапию. Если же нет, основная часть останется в трастовом фонде до его пятидесятилетия.

Генри сомневается, что Барри Ньюмен доживет до пятидесяти. Кровяное давление Барри (как он с гордостью объявил) – сто девяносто на сто сорок. Холестерин огромный. Настоящая золотая жила липопротеинов.

– Я ходячий инсульт, я ходячий инфаркт, – твердил он с ликующей торжественностью человека, способного высказать жесткую неумолимую истину, потому что в душе сознает, что подобный конец не для него, о нет, не для него.

– На ленч я съел два двойных бургера, – рассказывает он сейчас, – я люблю именно такие, потому что сыр в них еще горячий.

Его пухлый рот, странно маленький для человека подобных размеров, чем-то напоминающий рыбий, сжимается и подрагивает, словно пробуя этот восхитительно горячий сыр.

– Запил молочным коктейлем, а на обратном пути прихватил парочку шоколадок. Потом подремал немного, а когда проснулся, сунул в микроволновку пакет замороженных вафель. Знаете, этих, хрустящих, «Легго-эгго».

Он смеется. Смех человека, охваченного приятными воспоминаниями о чудесном закате в горах, прикосновении к женской груди, прикрытой тонким шелком (не то чтобы Барри, по мнению Генри, когда-то испытывал нечто подобное), прогулке по теплему прибрежному песку.

– Большинство людей пекут их в тостере, – продолжает Барри, – но тогда они получаются чересчур подсушенными. А из микроволновки они выходят горячими и мягкими. Горя-

чими... и мягкими. – Он жадно облизывает свои рыбки губы. – Правда, мне стало немного стыдно за то, что я съел весь пакет.

Он бросает это вскользь, небрежно, как бы в сторону, словно вспомнив о том, что и Генри нужно выполнять свою часть работы. Подобные штучки он проделывает по четыре-пять раз за сеанс, а потом... потом вновь возвращается к еде.

Он уже добрался до вечера вторника. Поскольку сейчас пятница, перечислению завтраков, обедов, ужинов и перекусов нет конца. Генри позволяет себе уйти в свои мысли. Барри его последний пациент на сегодня. Когда он завершит длинный список своих кулинарных подвигов, Генри вернется к себе и соберет вещи. Завтра встать в шесть часов, а где-то между семью и восемью на подъездную аллею зарулит Джоунси. Они сунут свое барахлишко в старый «скаут» Генри, который тот держит исключительно для осенних охотничьих поездок, и к восьми тридцати они уже будут держать путь на север. По дороге завернут в Брайтон, подхватят Пита, а потом и Бива, по-прежнему живущего вблизи Дерри. К вечеру они доберутся до «Дыры в стене», охотничьего домика, того, что вверх по Джефферсон-трект, будут играть в карты в гостиной и прислушиваться к вою ветра в дымоходах. Ружья составят в угол кухни, охотничьи лицензии повесят на крючке над задней дверью. Наконец он будет с друзьями, а это все равно что после долгих скитаний очутиться в родном доме. На целую неделю поляризующий фильтр станет чуть-чуть тоньше. Они потреплются о прежних временах, посмеются над возмутительно-забавными непристойностями Бивера, а если кому-то и в самом деле удастся подстрелить оленя... что ж, дополнительное развлечение! Вместе они сильны, как никогда. Вместе они все еще способны победить время.

Где-то на заднем плане фоном звучит монотонный тенорок Барри Ньюмена. Свиные отбивные, пюре, жареная кукуруза, истекающая маслом, шоколадный торт «Пеперидж-фарм», и чашка с пепси-колой, в которой плавают четыре шарика мороженого «Бен и Джеррис Чанки Манки», и яйца: жареные яйца, вареные яйца, в мешочек, всмятку, глазунья, болтунья...

Генри кивает в нужных местах, почти не прислушиваясь. Старый трюк психиатров.

Господу известно: у Генри и его друзей полно своих проблем. Биверу ужасно не везет в семейной жизни, Пит пьет слишком много (куда больше, чем следовало бы, по мнению Генри), Джоунси и Карла едва не развелись, а Генри борется с депрессией, которая кажется ему настолько же притягательной, насколько неприятной. Так что да, действительно, у них полно проблем. Но им все еще хорошо вместе, они все еще могут облегчить друг другу путь, озарить дорогу, и к завтрашнему вечеру они будут вместе. Целых восемь дней. И это прекрасно.

– Я знаю, что не должен бы, но рано утром проснулся от непреодолимого влечения. Возможно, низкий сахар крови, да, скорее всего так и есть. Во всяком случае, я съел остаток фунтового торта, что лежал в холодильнике, а потом сел в машину и поехал в «Данкин Донатс», взял дюжину печеных яблок и четыре...

Генри, все еще думая о ежегодной охоте, начинающейся завтра, сам не сознает, что говорит, пока слова не срываются с губ. Что ж, не воробей, не поймашь...

– Может, постоянное желание есть как-то связано с тем, что вы считаете, будто убили свою мать. Как по-вашему, это возможно?

Барри внезапно смолкает. Генри поднимает голову и видит огромные, как блюдца, глаза пациента, впервые за все время появившиеся из складок жира. И хотя Генри понимает, что должен заткнуться – он не имеет права проделывать вещи, не имеющие ничего общего с психотерапией, – почему-то его несет все дальше. Возможно, отчасти причиной этому размышления о старых друзьях, но в основном – внезапно побледневшая, потрясенная физиономия Барри. Больше всего Генри, кажется, задевает его полнейшее довольство собой и своим

образом жизни. Его внутренняя убежденность в правильности своего самоубийственного поведения. Какая нужда его менять, не говоря уже о том, чтобы докапываться до истоков?

– Вы ведь действительно считаете, что убили ее, верно? – продолжал допытываться Генри, небрежно, почти беспечно.

– Я... я никогда... мне противна сама...

– Она звала и звала, кричала, что боль в груди становится нестерпимой, но ведь вы часто это слышали, не так ли? Чуть не каждую неделю? Да что там неделю, чуть не каждый день! Кричала сверху: «Барри, позвони доктору Уитерсу, Барри, вызови «скорую», Барри, набери 911...»

Они никогда не говорили о родителях Барри. Тот в своей мягкой, неумолимой, непробиваемо-жирной манере не допускал этого. Вроде бы начинает обсуждать их, и... бинго! – снова сворачивает на жареную баранину или цыпленка, а то и утку в апельсиновом соусе. Все тот же нескончаемый список. И поскольку Генри ничего не известно о родителях Барри, и уж конечно, о том дне, когда мать Барри умерла, упав с кровати и обмочив ковер, все еще вопя, вопя, сплошной вой трехсотфунтовой горы плоти, омерзительно тучной орущей плоти... фу, какая гнусь! Он не может ничего знать об этом, потому что никто ему не рассказывал, но все-таки знает. А Барри тогда был не таким толстым. Всего сто девяносто фунтов.

Линия. Снова она. Линия. Он не видел ее вот уже пять лет (разве что только во сне) и уже думал, что все кончено, но, похоже, ошибался. Она опять здесь.

– А вы в это время сидели у телевизора и слушали ее крики, – продолжает он. – Смотрели Рики Лейна и ели... что именно? Сырный торт Сары Ли? Мороженое? Не знаю. Но вы не обращали внимания. Пусть себе орет.

– Замолчите!

– Позволили ей вопить сколько душе угодно, и в самом деле, почему бы нет? Она продельвала это всю жизнь! Вы не глупы и понимаете, что это чистая правда. Такое бывает. Думаю, вам и это ясно. Вот и обрекли себя на роль героя в этакой маленькой пьеске Теннесси Уильямса, просто потому что любите поесть. Но знаете что, Барри? Рано или поздно эта страсть вас убьет. В глубине души вы этому не верите, но это чистая правда. Ваше сердце уже трепыхается в груди, как заживо похороненный, бьющий кулаками в крышку гроба. Интересно, каково будет таскать на себе еще фунтов восемьдесят – сто?

– Затк...

– Когда вы упадете, Барри, эффект будет, как от рухнувшей Вавилонской башни. Люди, ставшие этому свидетелями, будут толковать о случившемся еще долгие годы. Да вся посуда с полок падает...

– Замолчите!

Барри стремительно садится. На этот раз он не нуждается в помощи Генри. И он смертельно бледен, если не считать двух ярких розочек, расцветших на щеках.

– ...даже кофе из их чашек расплещется, а вы обмочитесь, совсем как она когда-то...

– ПРЕКРАТИТЕ! – визжит Барри. – ПРЕКРАТИТЕ, ВЫ, ЧУДОВИЩЕ!

Но Генри уже завелся. Он не может остановиться. Он видит линию, а когда ее видишь, нельзя притвориться, будто она не существует.

– ...если вовремя не очнетесь от того ядовитого сна, в котором пребываете...

Только Барри ничего не хочет слушать, абсолютно ничего. Он выбегает из комнаты, тряся необъятными ягодицами, и исчезает за дверью.

А Генри сидит, не двигаясь, прислушиваясь к топоту целого стада бизонов в облике всего одного человека. Барри Ньюмена. Вторая комната пуста: у него нет секретаря, и с бегством Барри трудовая неделя окончена. Что ж, все к лучшему. Ну и влип же он!

Генри подходит к дивану и ложится.

– Доктор, – говорит он, – я опарафинился по полной программе.

- Как это случилось, Генри?
- Сказал пациенту правду.
- Но разве истина не делает нас свободными, Генри?
- Нет, – отвечает он себе, глядя в потолок. – Ни в малейшей степени.
- Закрой глаза, Генри.
- Хорошо, доктор.

Он закрывает глаза. Комнату вытесняет мрак, и это хорошо. Тьма стала его подружкой. Завтра он встретится с остальными друзьями (по крайней мере с тремя), и свет вновь покажется добрым. Но сейчас... сейчас...

- Доктор?
- Да, Генри?
- Это типичный случай, именуемый «день другой, дерьмо все то же». Вам это известно?

- Что это значит, Генри? Что это значит для тебя?
- Все, – шепчет он, не открывая глаз, и тут же добавляет: – Ничего.
- Но это вранье. И далеко не первое, сказанное им здесь.

Назавтра все четверо едут в «Дыру в стене», а впереди потрясные восемь дней. Великим охотничьим экспедициям грядет конец, хотя никто, разумеется, об этом не подозревает. До наступления настоящей тьмы еще несколько лет, но она близится.

Тьма близится.

2001: Джоунси. Беседа преподавателя со студентом

Нам не дано знать, каким дням и событиям суждено изменить нашу жизнь. Может, это к лучшему. В день, который необратимо изменит его собственную, Джоунси сидит в своем кабинете на третьем этаже «Джон Джей колледж», глядя в окно на крохотный ломтик Бостона и думая о том, как неправ был Т. С. Эллиот, назвав апрель самым беспощадным месяцем, и всего лишь потому, что предположительно в апреле бродяга-плотник из Назарета угодил на крест за подстрекательство к мятежу. Всякий житель Бостона знает, что самый жестокий месяц – март, коварно дарящий несколько мгновений ложной надежды, чтобы потом подло швырнуть в лицо пригоршню дерьма. Сегодня один из таких, не внушающих доверия дней, когда кажется, что весна и впрямь посетила их суровый город, и Джоунси даже подумывает пройтись немного, когда разберется с одной неприятностью... вернее, пакостью. Конечно, в эту секунду он не представляет, чем обернется сегодняшняя погода, и понятия не имеет, что к вечеру окажется в больничной палате, искалеченный, окровавленный и отчаянно сражающийся за собственную проклятую жизнь.

День другой, дерьмо все то же, думает он, но на поверку дерьмо тоже оказывается другим.

Но тут звонит телефон, и он хватается трубку, исполненный робкого радостного предчувствия: это наверняка мальчишка Дефаньяк, попросит отменить одиннадцатичасовую встречу.

Должно быть, чует кошка, чье мясо съела, думает Джоунси. Что ж, вполне возможно. Обычно это студенты добиваются встречи с преподавателем. Когда же парню сообщается, что преподаватель хочет видеть его... не нужно быть ясновидящим, чтобы понять, куда ветер дует.

- Алло, Джоунс у телефона, – бросает он в трубку.
- Привет, Джоунси, как жизнь?
- Он узнал бы этот голос где угодно.
- Генри! Эй, Генри! Прекрасна, жизнь прекрасна!

По правде говоря, это не совсем так, вернее, далеко не так, особенно при мысли о скором появлении Дефаньяка, но все относительно, не так ли? По сравнению с тем, где он окажется через двенадцать часов, пришпиленный к попискивающим, гудящим, позвякивающим аппаратам: одна операция позади и три еще ждут... Джоунси сильно приукрашивает действительность, или, попросту говоря, бздит сквозь шелк. Высокопарно выражаясь, делает хорошую мину при плохой игре.

– Рад это слышать.

Должно быть, он расслышал невеселые нотки в голосе Генри, но скорее всего просто чувствует подобные вещи.

– Генри? Что стряслось?

Молчание. Джоунси хочет было снова спросить, но Генри все же отвечает:

– Мой пациент умер вчера. Я увидел заметку в газете. Барри Ньюмен его звали.

И после небольшой паузы добавляет:

– Он был диванным пациентом.

Джоунси не совсем ясно, что это такое, но старому другу плохо. Он это знает.

– Самоубийство?

– Сердечный приступ. В двадцать девять лет. Вырыл собственную могилу ложкой и вилкой.

– Жаль.

– Последние три года он не был моим пациентом. Я отпугнул его. Случилась... одна из этих штук. Понимаешь, о чем я?

Джоунси кивает, забыв, что Генри его не видит.

– Линия?

Генри вздыхает, но Джоунси не слышит в его вздохе особого сожаления.

– Да. И я вроде как выплеснул все на него. Он смылся так, словно задницу припекло.

– Это еще не делает тебя виновником его инфаркта.

– Может, ты и прав. Но почему-то мне так не кажется.

Снова пауза. И потом, уже веселее:

– Разве это не строчка из песни Джима Кроче? А ты? Ты в порядке, Джоунси?

– Я? Угу. А почему ты спрашиваешь?

– Не знаю, – говорит Генри. – Только... Я думаю о тебе с той самой минуты, как развернул газету и увидел фото Барри на странице некрологов. Пожалуйста, будь осторожнее.

Джоунси вдруг ощущает легкий холодок, пронизавший до самых костей (многим из которых грозят скорые множественные переломы).

– Да о чем это ты?

– Не знаю, – повторяет Генри. – Может, просто так. Но...

– Неужели опять эта линия? – тревожится Джоунси и, машинально развернувшись в кресле, смотрит в окно, на переменчивое весеннее солнышко. И тут на ум приходит, что парнишка, Дефаньяк, вероятно, съехал с катушек и прихватил оружие (коварный замысел, как говорится в детективах и триллерах, которые Джоунси любит почитать в свободное время), и Генри каким-то образом это просек.

– Не знаю. Вполне возможно, просто опосредованная реакция на смерть Барри. Видеть его фото на странице некрологов... Но все же поостерегись немного, договорились?

– Ну... конечно, я вполне могу...

– Вот и хорошо.

– У тебя точно все нормально?

– Лучше некуда.

Но Джоунси так не думает. Он уже хочет сказать что-то, когда слышит за спиной робкий кашель и понимает, что Дефаньяк скорее всего уже здесь.

– Вот и хорошо, – вторит он, поворачиваясь к столу. Да, в дверях переминается его одиннадцатичасовой посетитель, на вид совсем не опасный: обычный мальчишка, закутанный в старое мешковатое пальто с капюшоном и деревянными пуговицами, не по погоде теплое, тощий и невзрачный, с панковской прической, неровными пиками торчащей над встревоженными глазами.

– Генри, у меня срочный разговор. Я перезвоню...

– Да нет, не стоит. Честно.

– Уверен?

– Да. Но только... тут еще одно дельце. Тридцать секунд есть?

– Естественно, как же не быть?

Он поднимает палец, и Дефаньяк послушно кивает. Однако продолжает стоять, пока Джоунси не показывает на единственный, не заваленный книгами свободный стул. Дефаньяк нерешительно направляется к нему.

– Выкладывай, – говорит Джоунси в трубку.

– Думаю, надо бы смотаться в Дерри. По-быстрому, только я и ты. Навестить старого друга.

– То есть...

Но он не хочет в присутствии постороннего произносить это имя, совсем детское, чуточку смешное имя. Да и ни к чему: Генри делает это за него. Когда-то они были квинтетом, потом, ненадолго, стали квинтетом, а потом снова квинтетом. Но пятый, собственно говоря, так и не покинул их. Генри называет это имя, имя мальчика, каким-то чудом так и оставшегося мальчиком. Тревоги Генри о нем более понятны, отчетливее выражены. Он объясняет Джоунси, что ничего в точности не известно, просто так, предчувствие, что старый приятель, вполне возможно, нуждается в посещении.

– Говорил с его матерью? – спрашивает Джоунси.

– Думаю, – отвечает Генри, – будет лучше, если мы просто... ну, словом, свалимся как снег на голову. Как насчет твоих планов на этот уик-энд? Или следующий?

Джоунси ни к чему сверяться с ежедневником. Уик-энд начинается послезавтра. Правда, в субботу нужно быть на факультетской вечеринке, но от этого можно легко отделаться.

– Вполне свободен, оба дня, – говорит он. – Ничего, если заеду в субботу? К десяти?

– В самый раз, – облегченно вздыхает Генри, теперь уже больше похожий на себя. Джоунси чуть расслабляется. – Ты точно успеешь?

– Если считаешь, что следует повидать... – Джоунси колеблется, – ...Дугласа, тогда, вероятно, так и сделаем. Уж очень давно это было.

– Твое собеседование... он уже у тебя?

– Угу.

– Ладно. Жду в десять в субботу. Эй, может, стоит взять «скаут»? Дадим ему размяться. Как тебе?

– Здорово!

Генри смеется.

– Карла по-прежнему дает тебе завтрак с собой?

– Так и есть.

Джоунси невольно бросает взгляд на портфель.

– Что там у тебя сегодня? Сандвич с тунцом?

– Яичный салат.

– М-м-м... Ладно, я пошел. ДДДТ, так?

– ДДДТ, – соглашается Джоунси. Он не может назвать старого друга по имени в присутствии студента, но ДДДТ ни о чем тому не говорит. – Поговорим в...

– И береги себя. Я не шучу, – подчеркивает Генри, многозначительно и чуть зловеще. И снова легкий холодок бежит по спине. Но прежде чем Джоунси успевает ответить (а что он может сказать при Дефаньяке, смирно сидящем в углу), Генри отключается.

Несколько мгновений Джоунси задумчиво смотрит на телефон, кладет трубку, перелистывает страницы ежедневника, густо вычеркивает субботнюю запись: «Попойка в доме декана Джейкобсона» и вписывает: «отпроситься: поездка с Генри в Дерри, повидаться с Д.» Но и это обещание он не сдержит. К субботе Дерри и старые друзья надолго испарятся из его мыслей.

Джоунси набирает в грудь воздуха и переносит внимание на своего взрывоопасного посетителя. Парень нервно ерзает на стуле, очевидно, прекрасно понимая, почему вызван сюда.

– Итак, мистер Дефаньяк, – начинает Джоунси, – согласно документам, вы из Мэна.

– Э-э... да. Питтсфилд. Я...

– В документах сказано также, что вы получаете стипендию, и при этом неплохо учитесь.

Парень, похоже, не просто волнуется. Парень, похоже, вот-вот разревется. Господи, как же это трудно! До сегодняшнего дня Джоунси ни разу не приходилось обвинять студента в обмане, но, похоже, все еще впереди. Потому что это ужасно трудно... то, что Бивер назвал бы сранью.

– Мистер Дефаньяк... Дэвид... знаете, куда деваются стипендии, когда их обладателя ловят на шпаргалках? Да еще на семестровом экзамене?

Парень дергается так, словно спрятанный под сиденьем недоброжелатель только сейчас воткнул оголенный электропровод с низковольтным зарядом в его тощую ягодицу. Губы трясутся, и первая слеза... О Господи, первая слеза ползет по небритой щеке.

– Могу в точности вам объяснить, – продолжает Джоунси. – Такие стипендии испаряются. Вот что с ними происходит. Пуф – и шарик лопается.

– Я... я...

На столе Джоунси лежит папка. Он открывает ее и вытаскивает программу билетов Европейской истории за первый семестр: один из тех чудовищных вопросников-«угадаек», на которых в своей безграничной мудрости настаивает департамент образования. Сверху черным росчерком айбиэмовского карандаша (старайтесь, чтобы пометки были четкими и ясными, а если необходимо стереть, стирайте как можно тщательнее) написано имя: ДЭВИД ДЕФАНЫЯК.

– Я прочел вашу курсовую, Дэвид, пробежал вашу статью о средневековом французском феодализме и даже пролистал ваши характеристики. Вы, разумеется, не гений, но успевали не хуже других. Кроме того, я в курсе, что вы просто выполняете обязательную программу, ведь ваши истинные интересы не лежат в моей области знаний, верно?

Дефаньяк молча кивает. Слезы неярко поблескивают в ненадежных мартовских лучах. В уголке стола валяется пачка бумажных салфеток, и Джоунси швыряет ее мальчику, который, даже в расстроенных чувствах, легко ее ловит. Хорошие рефлексy. Когда тебе девятнадцать, вся твоя «проводка» надежна и туга, все связки крепки и гибки.

Подождите несколько лет, мистер Дефаньяк, думает он. Мне всего тридцать семь, а кое-какие провода уже повисли.

– Возможно, вы заслуживаете еще одного шанса, – произносит Джоунси и медленно, словно напоказ, начинает скручивать подозрительно безупречную работу Дефаньяка, вышший балл, ни больше ни меньше, в толстый жгут. – Может, вам стало нехорошо в день экзамена и вы вообще не пришли...

– Я *был* болен, – с готовностью подхватывает Дэвид Дефаньяк. – Похоже, едва не свалился с гриппом.

– В таком случае я готов дать вам на дом эссе, вместо того теста, который сдавали ваши однокурсники. Если хотите, конечно. Чтобы восполнить пропущенный экзамен. Ну как, согласны?

– Да, – шмыгает носом парень, яростно растирая глаза охапкой салфеток. Что ж, по крайней мере не стал нести все это лживое дерьмо насчет того, что Джоунси все равно ничего не докажет, что он обратится в Совет по делам студентов, что подаст протест, и прочее в том же духе.

Вместо этого он плачет, что неприятно наблюдать, но, возможно, хороший знак: девятнадцать – это так мало, но большинство уже успевает потерять остатки совести к тому времени, как попадают сюда. Дефаньяк же все равно что сознался, а значит, у него еще есть шансы стать человеком.

– Да, это было бы здорово.

– И вы понимаете, что если что-то подобное случится снова...

– Никогда, – быстро отвечает парень. – Никогда, профессор Джоунс.

И хотя Джоунс всего лишь адъюнкт-профессор, ему не приходит в голову поправить парня. В любом случае когда-нибудь он *станет* профессором Джоунсом, без этого дело швах. Полон дом детишек, и если в будущем не предвидится нескольких значительных прибавок в бюджете, сводить концы с концами будет все труднее.

– Надеюсь, – произносит он вслух. – Напишите эссе на три тысячи слов о последствиях завоевания норманнами Англии, договорились? Ссылки на источники, но никакой дополнительной информации. Изложение свободное, но выводы должны быть достаточно убедительными. Срок – следующий понедельник. Понятно?

– Да. Да, сэр.

– В таком случае можете идти и приступать к делу. – Он показывает на изношенные до дыр кроссовки Дефаньяка: – И в следующий раз, когда вздумаете попить пивка, купите лучше новые тапочки. Не хочу, чтобы вы снова подхватили грипп.

Дефаньяк шагает к двери и оборачивается. Ему не терпится поскорее смыться, пока мистер Джоунс не передумал, но, с другой стороны, ему всего девятнадцать... О, это любопытство юности!

– Откуда вы узнали? Вас в тот день там даже не было. Экзамен принимал какой-то аспирант.

– Знаю, и этого достаточно, – отрезает Джоунс. – Топай, сынок. И напиши хорошую работу. Потерять стипендию для тебя – смерти подобно. Я сам из Мэна: Дерри, и знаю Питтсфилд. От этого места лучше держаться подальше.

– Уж это точно, – с чувством произносит Дефаньяк. – Спасибо. Спасибо за то, что дали мне еще шанс.

– Закрой за собой дверь.

Дефаньяк, который потратит последние деньги не на кроссовки, не на пиво, а на букет в палату Джоунси с пожеланием скорейшего выздоровления, выскальзывает в коридор, послушно прикрыв за собой дверь. Джоунси поворачивается к окну. Солнце по-прежнему изменчивое, неверное, но влекущее. И потому, что история с Дефаньяком кончилась куда благополучнее, чем он ожидал, Джоунси решает прогуляться, прежде чем мартовские облака, а может, и снежный заряд, омрачат этот день. Он хотел поесть в кабинете, но сейчас в голове возник новый план. Худший в его жизни, но Джоунси, конечно, этого не знает. И поэтому решает захватить с собой портфель, сегодняшний выпуск «Бостон феникс», и перебраться через реку в Кембридж⁴. Сядет на скамеечку и спокойно съест сэндвич с яичным салатом, жмурясь на солнышке.

⁴ Пригород Бостона, где находятся Гарвардский университет и Массачусетский технологический институт. – Примеч.

Он поднимается, чтобы положить документы Дефаньяка в картотечный шкаф, под табличкой «D – F». «Откуда вы знаете?» – спросил мальчик. Что ж, хороший вопрос. Превосходный, можно сказать. А ответ прост. Он знает, потому что... иногда знает. Вот она, правда, а другой нет и быть не может. Правда, если бы кто-то приставил пистолет к его виску, он признался бы, что обнаружил это во время первой лекции второго семестра и что в мозгу Дэвида Дефаньяка взрывались огромные красные буквы, словно мигающая неоновая вывеска, обдававшая стыдом, назойливо долбившая в виски: ШПАРГАЛОЧНИК, ШПАРГАЛОЧНИК, ШПАРГАЛОЧНИК...

Но, Господи, все это чушь: *не может* он читать мысли. И никогда не мог. Никогда-в-жизни, никогда-в-жизни, никогда-в-жизни... не мог и не сможет. Иногда что-то вспыхивает в голове, да, именно так он узнал о проблемах жены с таблетками, вероятно, срабатывает интуиция, как с Генри. Он сразу заподозрил что-то неладное, когда тот позвонил (*да нет же, олух, просто догадался по голосу, только и всего*), но такие вещи в последнее время почти не случаются. Да и не происходило ничего по-настоящему странного после той истории с Джози Ринкенхауэр. Может, когда-то и было что-то, тянувшееся за ними хвостом все детство и юность, но теперь все позади. Или почти.

Почти.

Он обводит кружком слова «поездка в Дерри», хватая портфель, и тут новая мысль осеняет его, внезапная и бессмысленная, но мощная и всеобъемлющая: *Берегись мистера Грея*.

Джоунс, уже схватившийся за ручку двери, замирает. Это его голос, вне всяких сомнений.

– Что? – вопрошает он пустоту.

Ничего.

Джоунси выходит из кабинета, захлопывает дверь и проверяет, заперто ли. В уголке доски для объявлений белеет листочек. Джоунси откалывает его, переворачивает напечатанной стороной вверх. Всего одна строчка: ВЕРНУСЬ В ЧАС. Он спокойно прикалывает записку, не ведая, что пройдет почти два месяца, прежде чем он вновь войдет в эту комнату и увидит ежедневник, раскрытый на дне Святого Патрика⁵.

«Береги себя», – сказал Генри, но Джоунси думает не о том, чтобы поберечь себя. О мартовском солнышке. О том, как бы поскорее съесть сандвич. О том, как приятно поглазеть на девушек в Кембридже: юбки слишком коротки, а мартовский ветер игрив и большой шутник. Словом, о многих заманчивых вещах, в список которых не входит необходимость беречься мистера Грея. И беречься вообще.

И в этом его ошибка. Вот так может перемениться жизнь, навсегда и бесповоротно.

пер.

⁵ 17 марта. – Примеч. пер.

Часть 1

Рак

*Я сознаю, что только эта дрожь меня приводит в чувство.
Понимаю: ушедшее уходит навсегда, и так же вечно остается
рядом.
Я просыпаюсь, чтобы вновь заснуть; я не спешу мир встретить
бодрым взглядом.
Илишь пустившись в путь, возможно, я пойму, куда же, наконец,
идти мне надо.
Теодор Ротке⁶*

Глава 1

Маккарти

1

Джоунси чуть не подстрелил мужика, едва тот показался из зарослей. Почти? Насколько близко? Одно нажатие на спуск охотничьего ружья... даже не нажатие, так, движение пальца. Позже, взбудораженный ясностью, иногда снисходящей на опьяненный ужасом разум, он пожалел, что не выстрелил прежде, чем заметил оранжевую шапку и пронзительно оранжевый демаскирующий жилет. Убийство Ричарда Маккарти не было бы злом, оно могло бы помочь... Убийство Ричарда Маккарти могло бы спасти их всех.

2

Пит и Генри отправились в «Страну товаров Госслина», ближайший продуктовый магазин, набрать хлеба, консервов и пива: товары первой необходимости. Правда, на два последующих дня запасов у них хватало, но по радио передали, что ожидается снег. Генри уже успел добыть оленя, довольно приличную ланочку, а Джоунси казалось, что Пита куда больше волнует пополнение пивных погребов, чем собственные охотничьи трофеи: для Пита Мура охота была всего лишь хобби, а вот пиво – религией. Бивер где-то сидел в засаде, но Джоунси не слышал треска выстрелов в радиусе ближайших пяти миль, поэтому и предположил, что Бив, как и сам он, предпочитает выждать.

Ярдах в семидесяти от лагеря, в ветвях старого клена был устроен настил, и именно там сидел Джоунси, попивая кофе и читая детектив Роберта Паркера, когда в чаще послышался шум шагов. Джоунси отставил термос и закрыл книгу. В былые годы он от волнения непременно пролил бы кофе, но на этот раз даже потратил пару секунд на то, чтобы покрепче завинтить ярко-красный колпачок термоса.

Их четверка неизменно охотилась здесь на первой неделе ноября, вот уже почти двадцать пять лет, если считать с того времени, когда отец Бива стал брать их с собой. До сих пор Джоунси никогда не возился с настилами, впрочем, как и остальные трое. Считали это

⁶ Здесь и далее стихи даны в переводе Е. Ф. Левиной.

слишком большой обузой и не хотели возиться. Но в этом году он взялся за топор. Остальные считали, что знают причину, хотя на деле это было не совсем так.

В середине марта 2001 года Джоунси, переходя улицу в Кембридже, был сбит автомобилем недалеко от «Джон Джей колледжа», в котором преподавал. При аварии ему повредило череп, сломало два ребра и раздробило тазобедренную кость, которую пришлось заменить некоей новомодной комбинацией тefлона и металла. Человек, сбивший его, оказался удалившимся на покой профессором Бостонского университета, находившимся, по утверждению адвоката, в ранней стадии болезни Альцгеймера и достойным не наказания, а сожаления и участия.

Как часто, думал Джоунси, оказывается, что некого винить, едва уляжется пыль и обстоятельства станут ясны. А если и есть виновные, кому от этого легче? Приходится собирать осколки прежней жизни и продолжать тянуть ляжку, а заодно утешать себя тем фактом, что, как твердили люди (пока благополучно не позабыли обо всем), могло быть куда хуже.

И это чистая правда. Могло быть куда как хуже! Его голова работала, как прежде. Правда, последние час-полтора перед самым несчастным случаем выпали из памяти, но в остальном мозги варили вполне удовлетворительно. Тяжелее всего пришлось с бедром, но к октябрю он уже смог бросить костыли, и теперь хромота становилась заметной только к концу дня.

Пит, Генри и Бив были уверены, что только из-за бедра он предпочел настил влажной и сырой земле, и, разумеется, были правы. Но только отчасти. Джоунси старательно скрывал, что почти потерял интерес к охоте на оленей. Друзья расстроились бы. Черт, да его и самого это выводило из себя. Но ничего не поделаешь. Некоторая перемена вкусов и пристрастий, о которой он даже не подозревал, пока не расчехлил свой винчестер. Нет, сама идея убийства животных не вызывала в нем отвращения, совсем нет, вот только делал он это без прежнего энтузиазма. В тот солнечный мартовский день смерть прошла совсем близко. Коснулась своим саваном, и Джоунси не имел ни малейшего желания снова звать ее, даже если при этом он был не жертвой, а посланцем смерти.

3

Что удивительно, он до сих пор любил походную жизнь, и в каком-то отношении даже больше, чем раньше. Долгие ночные беседы: книги, политика, все, что пришлось перетерпеть в детстве, планы на будущее. Им еще не было сорока: вполне можно строить планы, много планов, а старая дружба по-прежнему не ржавела.

Да и дни были неплохи: долгие часы на настиле, когда он оставался один. Он приносил спальный мешок и залезал туда до пояса, когда замерзал, с книжкой и плеером. Правда, после первого же раза он перестал брать плеер, обнаружив, что музыка леса нравится ему куда больше: нежное пение ветра в соснах, шорох ветвей, вороний гай. Немного почитать, выпить кофе, снова немного почитать, иногда вылезти из мешка, красного, как стоп-сигнал, и помочиться прямо с края настила. Он был человеком, обремененным большой семьей и широким кругом коллег. Человеком общительным, можно сказать, стадным, наслаждавшимся всеми видами и вариантами отношений, от семейных до приятельских (не забыть о студентах, бесконечном потоке студентов), и чувствующим себя в этой сложной иерархии как рыба в воде.

Но только здесь, наверху, он понял, что притяжение молчания все еще существует. Все еще влечет. И чувствовал себя так, словно после долгой разлуки повстречался со старым другом.

– Тебе в самом деле хочется там торчать? – спросил Генри вчера утром. – Если хочешь, пойдем со мной. Постараемся не перетрутить твою ногу.

– Оставь его в покое, – вмешался Пит. – Ему там нравится. Верно, Джоунс-бой?

– Что-то вроде, – сказал он, не желая говорить ничего более – например, *насколько* ему действительно это нравится. Некоторыми вещами просто не хочется делиться даже с ближайшими друзьями. Впрочем, иногда ближайшие друзья и без слов все понимают.

– Вот что я скажу... – Бив поднял карандаш и принялся грызть: знакомая, милая привычка, еще с первого класса. – Здорово, когда возвращаешься и видишь тебя там. Совсем как вперёдсмотрящий в «вороньем гнезде», на рисунках в гребаных книжках про пиратов. Следи в оба, и тому подобное.

– «Вижу землю», – подхватил Джоунси, и все рассмеялись, но только он понимал, что имел в виду Бив. Он это чувствовал. Следи в оба. Просто размышляй о своем и следи в оба за встречаемыми кораблями, акулами, за всем, что попадется на пути.

Бедро опять разболелось, рюкзак с барахлом оттягивает спину, и он неуклюже и тяжело спускается по деревянным планкам, приколотенным к стволу дерева, но стоит ли обращать внимание. Главное, все в порядке. Времена меняются, но только дурак уверен, что они меняются исключительно к худшему.

Так он считал тогда.

4

Услышав шелест отодвинутой ветки и тихий треск сломанного сучка – верные знаки появления оленя, Джоунси вспомнил, как отец, бывало, говаривал: «Удачи за деньги не купишь: сама приходит». Линдси Джоунс, прирожденный неудачник, иногда высказывался в самую точку, и некоторые изречения до сих пор хранились в памяти. И вот доказательство его правоты: после того как Джоунси твердо решил, что покончил с охотой, сюда ломится добыча, и какая солидная, судя по звукам! Самец, да еще наверняка матерый, может, с человека ростом.

Ему в голову не могло прийти, что это в самом деле может оказаться человек. В этой-то глуши, за пятьдесят миль к северу от Рэнгли? До ближайшего охотничьего лагеря не меньше двух часов ходьбы. Даже единственная мощеная тропа, ведущая в магазин Госслина (НЕ ПИВО – А ДИВО! ЕЩЕ ЗАХОЧЕШЬ – К НАМ СНОВА ЗАСКОЧИШЬ), проходила милях в шестнадцать.

Что ж, подумал он, в конце концов, обета я не давал.

Нет, разумеется, не давал. В следующем ноябре он, вероятнее всего, приедет не с ружьем, а с фотокамерой, но до следующего ноября еще далеко, и ружье вот оно, под рукой.

Джоунси стащил с себя спальник, слегка морщась от боли в затекших связках бедра, и схватил верного «гаранда». Совсем ни к чему заряжать его в последнюю минуту, с таким громким, отпугивающим оленей щелчком: привычка – вторая натура, и стоит оттянуть предохранитель, как ружье готово к бою. Это он проделал, только оказавшись на ногах. Прежнее неистовое возбуждение куда-то девалось, но что-то былое зашевелилось в душе: пульс участился, и Джоунси это щекотало нервы. После несчастного случая он радовался подобным реакциям: словно каким-то образом раздвоился на того, кто беспечно ходил по улицам, не зная, что ждет впереди, и настороженного, преждевременно постаревшего типа, очнувшегося в Массачусетской больнице... если это медленное, полунаркотическое вливание в реальность можно назвать возвращением сознания. Иногда он снова слышал голос, чей – непонятно, но только не свой, умоляющий: *пожалуйста, прекратите, мне этого больше не вынести, сделайте укол... где Марси... мне нужна Марси...* Ему казалось, что это голос смерти – смерти, упустившей его на мостовой, а затем явившейся в больницу, чтобы довер-

шить начатое. Смерти в облике мужчины (а может, и женщины, трудно сказать), мужчины, терзавшегося болью, кого-то, кто звал Марси, но имел в виду Джоунси.

Но все это прошло. Он выжил в схватке со смертью, и этим утром никому, кроме оленя, разумеется, не предстояло умереть (хоть бы это был самец, которого угораздило оказаться не в то время и не в том месте).

Шорох ветвей и треск валежника доносились с юго-запада, так что Джоунси находился с наветренной стороны. Еще того лучше. Почти все листья с клена облетели, и ничто не загораживало возможную добычу. Видимость превосходная. Джоунси поднял ружье, получше приладил приклад к плечу и приготовился к новому триумфу.

Спасло Маккарти, пусть и временно, некоторое разочарование Джоунси в прелестях охоты. А вот едва не прикончило – явление, которое Джордж Килрой, друг отца Джоунси, называл «глазной горячкой». «Глазная горячка, – утверждал Килрой, – такая форма охотничьей лихорадки, и, вероятно, вторая основная причина всех драм на охоте». «Первая – пьянство, – говаривал Джордж Килрой, подобно отцу Джоунси кое-что знавший о подобных вещах. – Первая – пьянство».

Килрой считал, что жертвы глазной горячки, очнувшись, бывали потрясены, узнав, что всадили пулю в изгородь, проезжавшую машину, амбар или собственного спутника (зачастую этим партнером бывали один из супругов, родственники или даже дети). «Но я видел дичь», – возражают они, и большинство из них, по словам Килроя, вполне способны пройти тест на детекторе лжи, поскольку в самом деле видели оленя, медведя, волка или хотя бы тетерева, пробиравшегося сквозь высокую осеннюю траву. Видели собственными глазами.

Килрой уверен, что все эти охотники охвачены нетерпением поскорее сделать первый выстрел, перейти рубеж и наконец покончить с трясучкой предвкушения и снять напряжение. Волнение настолько сильно, что мозг передает сигнал главному нерву, и человек действительно видит то, что хочет увидеть. Это и есть глазная горячка. И хотя Джоунси оставался довольно спокойным, по крайней мере пальцы не дрожали, когда он завинчивал колпачок термоса, все же позже он признавался себе, что вполне мог поддаться болезни.

На какое-то мгновение он ясно увидел гордого рогача в конце тоннеля из переплетенных веток, так ясно, как предыдущих шестнадцать оленей (шесть самцов, десять ланок), доставленных за эти годы в «Дыру в стене». Вот она, коричневая голова, темные, как бархат, устилающий ювелирную коробочку, глаза, даже рога.

Стреляй же! – взорвалось что-то внутри, должно быть, Джоунси до несчастного случая, цельный и счастливый Джоунси. За последний месяц он все чаще поднимал голову, словно начиная приближаться к тому загадочному состоянию, которое люди, в жизни не побывавшие под колесами автомобиля, называют «полным выздоровлением», но никогда еще не кричал так громко, как сейчас. Настоящий приказ, почти вопль.

Его палец в самом деле застыл на курке. И хотя он так и не сделал последнего легкого усилия, палец действительно напрягся. Его остановил голос. Голос второго Джоунси, того, кто пришел в себя в Массачусетской больнице, накачанный наркотиками, изнемогающий от боли, не уверенный ни в чем, кроме того, что кто-то просил кого-то остановиться. Кто-то, у кого не было сил терпеть, если немедленно не сделают укола. Кто-то, требовавший Марси.

Постой, погоди, еще рано, предупредил новый, осмотрительный Джоунси, и именно его голоса он послушался. Застыл на месте, перенес вес на левую, здоровую ногу: ружье поднято, дуло нацелено в тоннель из перепутанных веток, под идеальным углом в тридцать пять градусов.

Первые снежинки скатились вниз с побелевшего неба именно в этот момент, и Джоунси вдруг заметил яркую оранжевую вертикаль чуть ниже оленьей головы, словно снег каким-то образом ее высветил. На этот раз подвела способность к восприятию, и теперь над дулом ружья возникло размытое пятно, беспорядочный вихрь красок, небрежно смешанных

на палитре художника. Все вмиг исчезло: ни оленя, ни человека, ни даже деревьев, лишь неряшливая каша коричневого, черного и оранжевого.

Постепенно оранжевого становилось больше, и оно медленно обрело знакомую форму: кепка с клапанами, которые можно отогнуть, если уши замерзли. Приезжие покупали их в магазинах Л. Л. Бина⁷ за сорок пять долларов, одинаковые, чуточку смешные, с неизменной маленькой этикеткой внутри: С ГОРДОСТЬЮ ПРОИЗВЕДЕНО В США, «ЮНИОН ЛЕЙБОР»⁸.

Впрочем, почти такие же продавались в «Госслине» всего за семь баксов. Просто их этикетка гласила: СДЕЛАНО В БАНГЛАДЕШ. Кепка все расставила на свои, о Господи, места. Светла галлюцинации в ужасающе резкий фокус: то, коричневое, что он принимал за голову оленя, оказалось шерстяной курткой, черный бархат из ювелирной коробочки – пуговицей, а рога – просто чуть выше растущими ветками, ветками того дерева, на котором он стоял.

Не слишком умно со стороны незнакомца (Джоунси не мог заставить себя произнести слово «безумие») носить в лесу коричневую куртку, но все же Джоунси никак не мог взять в толк, как его угораздило едва не совершить роковую ошибку. Ведь на мужчине была такая же оранжевая кепка, верно? И яркий оранжевый жилет, поверх крайне непрактичной коричневой куртки. Мужчина был...

...был на волосок от смерти. А может, и ближе.

И тут его как громом поразило. Ужас случившегося дошел до него в полной мере, ошеломив и будто отделив душу от тела, как при клинической смерти. В мозгу словно ударила молния, и на крохотное страшное мгновение, навсегда запечатлевшееся в памяти, он больше не был ни Джоунси Номер Один, уверенным, спокойным добольничным Джоунси, ни Джоунси Номер Два, куда более нерешительной жертвой несчастного случая, проводшим столько времени в состоянии физического дискомфорта и умственной неразберихи. В это самое мгновение он превратился в Джоунси, Номер Три, невидимое присутствие, взирающее на охотника, стоящее на деревянном настиле. Волосы охотника коротко подстрижены и поблескивают сединой, вокруг губ – глубокие морщины, осунувшееся лицо – в точечках щетины. Охотник вот-вот спустит курок. Снежинки танцуют вокруг его головы, садятся на не заправленную в брюки коричневую фланелевую рубашку, и он уже готов выстрелить в мужчину в оранжевой кепке и точно таком же жилете, которые надел бы он сам, если бы решил отправиться вместе с Бивером, вместо того чтобы лезть на дерево.

Он вломился в свое тело с глухим стуком, похожим на тот, с каким падаешь на сиденье, когда автомобиль подпрыгивает на выбоине. И, к своему ужасу, сообразил, что по-прежнему отслеживает движения незнакомца дулом ружья, словно некий упертый аллигатор, засевший в мозгу, отказывается расстаться с мыслью, что человек в коричневой куртке – законная добыча. И, что еще хуже, он никак не мог заставить себя отвести лежавший на спусковом крючке палец. На какую-то кошмарную секунду ему показалось даже, что этот самый палец неприметно усиливает давление на курок, неумолимо уменьшая расстояние между собой и величайшей в жизни ошибкой. Позже он понял, что хотя бы это было иллюзией вроде той, когда сам сидишь в неподвижном автомобиле, но, поймав краем глаза проезжающую за окном другую машину, почти уверен, что твоя медленно катится назад.

Нет, палец всего лишь застыл, но и это было уж чересчур... настоящий ад. «Джоунси, ты слишком много думаешь», – твердил Пит, в очередной раз застав Джоунси, уставившегося в пустоту, начисто забывшего об окружающих. Вероятно, это означало: «Джоунси, у тебя слишком богатое воображение», – и скорее всего это была правда. Воображение у него

⁷ Фирма, специализирующаяся на одежде для рыболовов и охотников. – *Примеч. пер.*

⁸ Членами «Юнион лейбор партии», Союзной рабочей партии. – *Примеч. ред.*

действительно было слишком богатое, особенно сейчас, когда он стоял на дереве, под первым в этом году снегом, с прилипшими ко лбу волосами и пальцем, намертво заклинившимся на спусковом крючке, не напрягавшимся, как он боялся, но и не разжимавшимся. Мужчина был уже почти под ним: в прицеле «гаранда» проплывает оранжевая шапка; жизнь человека висит на невидимой ниточке, туго натянутой между дулом ружья и этой кепчонкой. А он, ничего не подозревая, возможно, думает о продаже машины, или о том, как бы половчее изменить жене и не попасться, или о покупке пони для старшей дочери (позже Джоунси узнал, что Маккарти ни о чем подобном не думал, но откуда ему было знать в тот момент, когда палец на крючке превратился в такой же твердый, негнущийся, застывший завиток). Он и сейчас не знал того, что было неизвестно Джоунси, стоявшему на обочине тротуара в Кембридже, с портфелем в одной руке и выпуском «Бостон феникс» под мышкой, а именно, что смерть была совсем рядом, а может, и не просто смерть, а Сама Смерть, торопливо семенившая фигура, словно сбежавшая из раннего фильма Ингмара Бергмана, нечто, прячущее в складках грубого савана оружие убийства. Возможно, ножницы. Или скальпель.

И – что хуже всего – мужчина не умрет, по крайней мере не сразу. Свалится и станет с воплями кататься по земле, совсем как Джоунси катался с воплями по мостовой. Правда, он не помнил своих криков, но, разумеется, так оно и было: потом ему рассказывали, а у него не было причин не верить. Наверняка орал благим матом. А что, если мужчина в коричневой куртке и оранжевых аксессуарах начнет звать Марси? Нет, конечно, нет – *не в реальности*, – но в мозгу Джоунси могут *отозваться* призывы к Марси. Если с ним приключилась глазная горячка – если он принял коричневую куртку за голову оленя, – вполне возможны и слуховые галлюцинации. Слышать его вопли – и знать, что причиной всему ты... Боже милостивый, нет! И все же палец никак не хотел сползти с крючка.

Из временного паралича его вывело простое и неожиданное событие: незнакомец упал примерно в десяти шагах от корней дерева Джоунси. Вот так, взял и упал. Джоунси услышал болезненный удивленный возглас: «ы-ы-х», и палец сам с собой сполз с крючка.

Мужчина стоял на четвереньках, пальцы в коричневых перчатках (коричневые перчатки, еще одна ошибка, да этот тип с таким же успехом мог бы прикрепить к груди табличку: ЦЕЛИТЬСЯ СЮДА) царапают уже побелевшую землю. Кое-как поднявшись, он стал что-то бормотать неразборчиво, невнятно, быстро.

– О Господи, Господи, – повторял незнакомец, пошатываясь, как пьяный. Джоунси знал, что мужчины, очутившись вдали от дома на неделю или хотя бы на уик-энд, предаются всяческим вполне простительным порокам, чаще всего напиваются прямо с утра. Но почему-то ему казалось, что незнакомец не пьян. Без всяких на то оснований: чистая интуиция.

– О Господи, Господи, Господи, – повторял тот, снова пустившись в путь. – Снег. Теперь еще и снег. Пожалуйста, Боже, о Боже, теперь еще и снег, Господи!

Первые шаги были спотыкающимися и неуверенными. Джоунси почти решил, что интуиция на этот раз его подвела, но тут парень пошел ровнее. Он скреб ногтями правую щеку.

Незнакомец проплыл прямо под деревом, на мгновение превратившись из человека в ровный оранжевый кружок с коричневыми выступами по обе стороны. Голос постепенно отдалялся, какой-то хлюпающий, слезливый, все повторявший «О Господи», со случайными вкраплениями «О Боже», и «Теперь еще и снег».

Джоунси не двигался с места, наблюдая, как тип исчезает под настилом и появляется с другого конца. И сам не понимая почему, развернулся, чтобы проводить взглядом ковыляющего незнакомца. И не сознавал даже, что опустил ружье, предварительно вновь поставив его на предохранитель.

Джоунси не окликнул его по вполне ясной причине: угрызения совести. Боялся, что мужчина с одного взгляда увидит правду в его глазах, даже сквозь слезы и сгущавшийся снег сообразит, что Джоунси недаром торчал наверху с ружьем. И едва не подстрелил его.

Отойдя от дерева шагов на двадцать, неизвестный остановился и замер, подняв правую руку ко лбу козырьком, чтобы защитить глаза от снега. Джоунси решил, что тот увидел «Дыру в стене». Вероятно, до него наконец дошло, что дорога вот она, под ногами.

«О Боже» и «О Господи» смолкли, и парень побежал на звук генератора, похмельно раскачиваясь, как матрос на штормовой палубе. До Джоунси доносилось натруженное прерывистое дыхание незнакомца, несущегося к уютному охотничьему домику, над крышей которого лениво поднимаются кольца дыма, тут же тающие в воздухе.

Джоунси начал осторожно спускаться по планкам, прибитым к стволу клена, не забыв перекинуть ружье через плечо (мысль о том, что этот человек может представлять какую-то опасность, ему и в голову не приходила, во всяком случае тогда, просто он не хотел бросать на снегу «гаранд», прекрасное и дорогое оружие). Бедро опять затекло, и к тому времени, как Джоунси слез с дерева, мужчина, которого он едва не подстрелил, почти добрался до двери, которая, естественно, была открыта. Да и кому пришлось бы в голову запереться в такой глуши?

5

Почти в десяти футах от гранитной плиты, служившей крыльцом «Дыры в стене», мужчина в оранжевой кепке снова упал. Кепка откатилась в сторону, обнажая пропотевший виллох редееющих каштановых волос. Несколько секунд он продолжал стоять на одном колене с опущенной головой. Джоунси снова услышал тяжелое прерывистое дыхание.

Мужчина поднял кепку, водрузил на голову, и тут Джоунси настиг его.

Незнакомец поднялся и неуклюже повернулся. Первое, что отметил Джоунси, – чрезвычайно длинное лицо, из тех, что именуют лошадиными. Но едва Джоунси подошел ближе, не хрокая, только припадая на больную ногу (и это хорошо, потому что сухой снег под ногами скользит), стало ясно, что физиономия типа вовсе не такая уж и длинная, просто очень испуганная и белая как полотно. На щеке, в том месте, где прошли ногти, ярко выделялось красное пятно. При виде Джоунси он громко и облегченно вздохнул. Джоунси едва не рассмеялся, вспомнив, как стоял на настиле, беспокоясь, что незнакомец прочтет в его глазах правду. Куда ему! Он уж точно не ясновидящий и явно не интересуется, откуда явился Джоунси и что перед этим делал. У него такой вид, словно он вот-вот бросится Джоунси на шею и примется осыпать слюнявыми поцелуями взадос.

– Слава Богу! – воскликнул незнакомец, протягивая Джоунси руку и шаркая по тонкой наледи свежеевыпавшего снега. – О, какое счастье, слава Богу, я заблудился, брожу по лесу со вчерашнего дня, уж думал, что так и замерзну... я... я...

Он оскользнулся, и Джоунси схватил его за плечи. Настоящий верзила, повыше Джоунси, рост которого шесть футов два дюйма, и пошире в груди. Но у Джоунси отчего-то сохранялось впечатление полной невесомости, иллюзорности, будто страх выел человека изнутри и оставил легким, как парашютик одуванчика.

– Легче, парень, – сказал Джоунси. – Спокойно. Все позади, вы в порядке. Давайте-ка я отведу вас в комнату и усажу в тепле, у камина, согласны?

При словах «в тепле» зубы мужчины, словно по команде, начали стучать.

– К-к-к-онечно...

Он безуспешно попытался улыбнуться, и Джоунси снова поразила его неестественная бледность. Утро выдалось холодное, не меньше двадцати градусов, но щеки незнакомца были словно отлиты из свинца и посыпаны пеплом. Единственными цветными пятнами на

лице, кроме красной царапины, выделялись бурые полумесяцы под глазами. Джоунси приобнял мужчину за плечи, охваченный внезапной необъяснимой нежностью к этому чужаку, эмоция настолько же сильная, как и первая школьная влюбленность, в Мари Джо Мартино: короткая стрижка, белая блузочка-безрукавка и прямая джинсовая юбка по колено. Теперь он был абсолютно уверен, что мужчина не пьян и пошатывается от страха (и, видимо, от усталости). Но изо рта все же пахло... чем-то вроде бананов... напомним почему-то об эфире, которым Джоунси прыскал в карбюратор своего первого авто, «форда», времен Вьетнама, чтобы завести его в морозное утро.

– Зайдем внутрь, хорошо?

– Да. Х-х-холодно. Слава Богу, что вы здесь. Это...

– Мой дом? Нет, моего друга.

Джоунси распахнул потемневшую дубовую дверь и помог мужчине перебраться через порог. Волна теплого воздуха ударила в лицо, и незнакомец охнул от неожиданности. Щеки медленно розовели. Джоунси с радостью отметил, что кое-какая кровь в его теле еще циркулирует.

6

«Дыра в стене» была настоящей роскошью по меркам любого отшельника. Войдя, вы немедленно оказывались в единственной огромной комнате первого этажа – нечто вроде гибрида кухни, гостиной и столовой, – но сзади были пристроены две спальни и еще одна – наверху, под самой крышей. В большой комнате стоял приятный аромат сосны, от стен шло мягкое желтоватое свечение. Пол устилал ковер навахо, стену украшало покрывало племени микмак с изображением бравых охотников, окруживших вставшего на задние лапы гигантского медведя. Простой дубовый стол, рассчитанный на восемь человек, обозначал границы столовой. На кухне была дровяная печь, в гостиной – камин, когда топились и то и другое, ты буквально одуревал от жары, хотя за окном и было минус двадцать. Западная сторона представляла сплошное окно, выходившее на длинный крутой обрыв. В семидесятых здесь прошел пожар, и мертвые скрученные деревья до сих пор чернели сквозь белые снежные вихри. Джоунси, Пит, Генри и Бив называли обрыв Ущельем, потому что именно так именовал его отец Бива и его друзья.

– О, слава Богу, слава Богу, и вам тоже спасибо, – твердил мужчина в оранжевой кепке, и когда Джоунси ухмыльнулся такому потоку благодарностей, незнакомец визгливо рассмеялся, словно хотел сказать: да, понимаю, что это смешно, но ничего не могу с собой поделать.

Он принялся глубоко дышать, вдруг став похожим на одного из тех гуру-наставников, которых так часто показывают по кабельному телевидению. И на каждом выдохе выпаливал очередную фразу:

– Господи, прошлой ночью я в самом деле думал, что мне конец... было так холодно, и воздух сырой, я это помню... помню, как думал, о Господи, о Боже, что если все-таки пойдет снег... раскашлялся и не мог остановиться... что-то шуршало в кустах, и я сообразил, что нужно бы перестать кашлять, что если это медведь или... знаете... раздражить его... только я все кашлял, и оно... оно... знаете... просто девалось куда-то...

– Вы видели ночью медведя?

Джоунси был восхищен и потрясен. Он слышал, что здесь водятся медведи: старик Госслин и его пьянчуги-приятели обожали рассказывать медвежьи истории, особенно приезжим, но при мысли о том, что этот бедняга, потерявшийся во тьме, столкнулся с чудовищем, волосы вставали дыбом. Все равно что слушать повествование матроса о встрече с морским змеем.

– Не знаю, что это было, – сказал мужчина, неожиданно метнув в сторону Джоунси такой хитрый взгляд, что тому стало не по себе. – Не могу сказать точно, потому что к тому времени молнии уже не сверкали.

– Молнии тоже? Ну и ну!

Если бы не очевидно жалкое состояние незнакомца, Джоунси непременно задался бы вопросом, уж не вешают ли ему лапшу на уши. Но, честно говоря, он все-таки подумал, что дело нечисто.

– Сухие молнии, – пояснил мужчина, и Джоунси почти увидел, как он пожимает плечами. Он снова почесал красное пятно на щеке, возможно, легкое обморожение. – Зимой такие молнии предвещают бурю.

– И вы их видели?

– Похоже, что да. – Мужчина снова бросил на Джоунси быстрый взгляд исподлобья, но на этот раз в нем не было ни следа коварства, и Джоунси посчитал, что в первый раз тоже ошибся. В его глазах не было ничего, кроме усталости. – В голове все смешалось... живот болит с той минуты, как я заблудился... он всегда болит, когда я... мне страшно... еще с самого детства...

А он и похож на ребенка, подумал Джоунси. *Совершенно беззащитно осматривается, словно у себя дома.*

Он повел незнакомца к дивану перед камином, и тот позволил себя вести. *«Страшно...», он даже сказал «итрашно» вместо «страшно», совсем как ребенок. Маленький ребенок.*

– Дайте мне куртку, – сказал Джоунси, и когда мужчина стал расстегивать пуговицы, а потом потянулся к язычку молнии, Джоунси снова вспомнил, как принял его за оленя, за самца, Господи, Боже ты мой, ошибся, посчитав пуговицу за глаз и едва не всадив в нее пулю.

Малый успел дотянуть молнию до середины, и тут она застряла – заело замочек. Он уставился на нее... нет, вытаращился, словно никогда не видел ничего подобного. И когда Джоунси потянулся к молнии, бессильно уронил руку, предоставив ему действовать. Настоящий первоклашка, натянувший ботинки не на ту ногу или надевший пиджачок наизнанку и покорно подчиняющийся материнским заботам.

В ловких руках Джоунси замочек вновь заработал и легко скользнул до самого низа. За окном постепенно исчезало Ущелье, хотя черные изломанные силуэты деревьев все еще виднелись.

Почти двадцать пять лет назад они впервые собрались здесь поохотиться и потом приезжали почти двадцать пять лет подряд, без единого пропуска, но такого обвального снегопада не было ни разу. Ничего серьезнее внезапного снежного заряда. Похоже, отныне все изменится, хотя разве можно знать наверняка? В наше время кликуши на радио и ТВ кудахчут над четырьмя дюймами свежавывавшей пудры, как над стихийным бедствием. Подумаешь, Новый Ледниковый Период!

Малый по-прежнему стоял неподвижно, в распахнутой куртке и мокрых сапогах, с которых стекали на пол струйки растаявшего снега. И потрясенно глазел на потолочные балки, этакий великан-шестилетка. Совсем как... Даддитс. Так и кажется, что из рукавов выглянут варежки на резиночках.

Он и от куртки избавился, как все дети: передернул плечами, и она сползла вниз. Не подхвати ее Джоунси, наверняка упала бы на пол, в самую лужу.

– Что это? – спросил он.

Сначала Джоунси не понял, о чем толкует малый, но, проследив его взгляд, увидел переплетение ниток, свисавшее с центральной потолочной балки: яркое пятно красного и зеленого с вкраплением канареечно-желтого, создающее общее впечатление подобия режущей глаз паутины.

– Это Ловец снов, – сказал Джоунси. – Индейский амулет. Предположительно, отгоняет кошмары.

– Он ваш?

Джоунси не понял, о чем идет речь: то ли о доме (может, парень его не расслышал), то ли о талисмане, но в любом случае ответ был все тот же:

– Нет, моего друга. Мы приезжаем сюда каждый год, поохотиться.

– Сколько вас?

Мужчину бил озноб, зубы стучали. Зябко охватив себя руками, он чересчур внимательно следил, как Джоунси вешает его куртку на вешалку у двери.

– Четверо. Бивер – это его дом – еще в лесу. Не знаю, загонит его снег под крышу или нет. Возможно, замерзнет и прибежит. Пит и Генри отправились в магазин.

– К Госслину, да?

– Угу. Идите садитесь на диван.

Джоунси подвел его к курьезно длинному секционному дивану. Мебель такого рода вышла из моды сто лет назад, но этот все еще держался, да и никакой живности в нем не заводилось. Стиль и вкус не играли в «Дыре в стене» особой роли.

– Постарайтесь согреться, – сказал Джоунси и оставил незнакомца одного. Тот сидел, как потерянный, дрожа и ежась, зажав руки коленями. Джинсы неестественно бугрились, выдавая надетые под низ кальсоны, и все же незнакомец, очевидно, донельзя продрог. Но цвет лица изменился разительно: если раньше малый выглядел трупом, то теперь он казался жертвой дифтерии.

Пит и Генри занимали большую из двух спален внизу. Джоунси нырнул туда, открыл кипарисовый сундук, стоявший слева от двери, и вынул сложенное одеяло. Снова направляясь к камину, он сообразил, что тот не задал самых элементарных вопросов из тех, какие по плечу даже шестилетним детям, не умеющим расстегнуть молнию.

Укрывая незнакомца одеялом, он спросил:

– Как вас зовут? – И тут же сообразил, что почти знает ответ. Маккой? Маккан?

Мужчина, которого едва не подстрелил Джоунси, крепче закутался в одеяло и поднял глаза. Бурые полумесяцы под глазами налились фиолетовым.

– Маккарти, – сказал он. – Ричард Маккарти. – Рука, удивительно пухлая и белая, выползла из-под одеяла, подобно робкому зверьку. – А вы?

– Гэри Джоунс, – ответил тот, пожимая мягкую ладонь пальцами, едва не спустившими курок. – Для друзей – Джоунси.

– Спасибо, Джоунси. – Маккарти с благодарностью посмотрел на него. – Похоже, вы спасли мне жизнь.

– О, вы преувеличиваете, – отмахнулся Джоунси, снова вглядываясь в красную бороздку. Да нет. Это просто обморожение. Наверняка обморожение.

Глава 2

Бив

1

– Надеюсь, вы понимаете, что я не могу никому позвонить? – сказал Джоунси. – Здесь поблизости нет телефонов. Из всех достижений цивилизации только генератор, и все.

Маккарти, закутанный до самого носа в одеяло, кивнул.

– Я слышал гудение, но знаете, когда заблудишься, слух играет с тобой плохие шутки. Кажется, звук идет слева или справа, а потом можно поклясться, что он доносится откуда-то из-за спины, и лучше всего повернуть назад.

Джоунси кивнул, подумав, что на самом деле понятия не имеет, как все это бывает. Если не считать первых дней после несчастного случая, проведенных в бредово-наркотических скитаниях и боли, ему не приходилось теряться в лесу.

– Я пытаюсь придумать, как лучше поступить, – сказал Джоунси. – Наверное, когда Пит и Генри вернутся, мы вас проводим. Сколько человек было в вашей компании?

Маккарти, казалось, не сразу сообразил, о чем речь. Это, заодно со спотыкающейся походкой, еще больше укрепило Джоунси в уверенности, что парень перенес настоящий шок. Интересно, возможно ли такое после единственной ночи, проведенной в лесу, и как бы выглядел он сам на месте Маккарти?

– Четверо, – выговорил тот после минутного размышления. – Совсем как и вас. Мы охотились попарно. Я был с приятелем, Стивом Отисом. Тоже адвокат, как и я, из Скоухигана. Мы все оттуда, и эта неделя для нас... много значит.

– Понимаю, – улыбнулся Джоунс. – Как и для нас.

– Так или иначе... я, видимо, задумался и сбился с пути. – Он покачал головой. – Сам не понимаю, как это вышло. Я слышал Стива, временами даже видел сквозь деревья его жилет и потом... просто не знаю. Наверное, погрузился в свои мысли... лес для этого самое подходящее место, и – бац – очутился в самой глуши. Кажется, сначала я пытался вернуться по собственным следам, но тут совсем стемнело... – Он снова покачал головой. – В мозгах все смешалось, но, да, нас было четверо, и, похоже, это единственное, в чем я уверен. Я, Стив, Нэт Роупер и сестра Нэта Бекки.

– Должно быть, они с ума сходят от тревоги.

Маккарти мгновенно растерялся и мрачно нахмурился: очевидно, столь простая истина до него не доходила.

– Да... наверное. Ну конечно же! О Господи, Господи!

Джоунси едва сдержал улыбку. В таком состоянии Маккарти удивительно напоминал персонажа картины «Фарго».

– Поэтому я и считаю, что вас следует немедленно туда проводить. Если...

– Не хотелось быть обузой...

– Мы вас отведем. Если сумеем. То есть если погода позволит.

– Да, погодка, – с горечью протянул Маккарти. – Уж эти синоптики, с их чертовыми спутниками и доплер-радары! Казалось бы, можно надеяться на верные прогнозы, так нет! Вот вам их «ясно, умеренно, холодно», можете радоваться.

Джоунси недоуменно уставился на раскрасневшуюся физиономию, увенчанную слипшейся челкой редеющих каштановых волос. Он сам слышал последние прогнозы – он, Пит, Генри и Бив, – и все предупреждали о возможном снегопаде в ближайшие дни. Правда, кое-кто оговаривался «снег, переходящий в дождь», но ведущий радиостанции Касл-Рок (едва

ли не единственной, которую они ловили, да и то с помехами) рассуждал насчет метелей, шести – восьмидюймовых заносах, возможно, с северо-восточным ветром, если температура не поднимется и циклон не уйдет в сторону моря. Джоунси понятия не имел, откуда Маккарти слышал свой прогноз, но уж точно не из Касл-Рока. А может, просто спутал, даже наверняка, и ничего тут удивительного.

– Пожалуй, разогрею-ка я суп. Как насчет супа, мистер Маккарти?

– Прекрасная мысль, – благодарно улыбнулся Маккарти. – Вчера ночью и утром у меня ужасно болел живот, но теперь стало легче.

– Стресс, – кивнул Джоунс. – Меня бы на вашем месте наизнанку выворачивало, а может, и в штаны бы наложил.

– Меня не рвало, – сказал Маккарти. – Уверен, что нет. Но... – Он снова резко дернул головой. Нервный тик? – Не знаю. Все слилось в один огромный кошмар.

– Теперь кошмару конец. – Джоунси чувствовал себя престарелой клушкой, хлопочущей над цыпленком. Но ничего не поделаешь, парня нужно как-то успокоить.

– Хорошо, – вздохнул Маккарти. – Спасибо. И я с удовольствием съел бы суп.

– Какой хотите? Есть томатный, куриный и, кажется, банка говяжьего.

– Куриный, – сказал Маккарти. – Мама всегда говорила, что лучшее лекарство от всех болезней – куриный бульон.

Он широко улыбнулся, и Джоунси изо всех сил постарался скрыть потрясение. Зубы Маккарти оказались белыми и ровными, чересчур, неестественно ровными для того, чтобы быть своими, выдававшими, однако, возраст: сорок пять или около того. Но четырех по меньшей мере не хватало – верхних клыков (которые отец Джоунси называл «зубами вампира») и двух передних внизу, Джоунси не знал, как они называются. Однако был твердо уверен в одном: Маккарти ничего не знал о потере. Ни один человек, помнящий о черных провалах в белом частокале, не будет обнажать их так бесстыдно, даже в подобных обстоятельствах.

Он повернулся к кухне, надеясь, что Маккарти не успел увидеть его ошеломленное лицо и встревожиться. А может, и спросить, что стряслось.

– Один куриный бульон. Заказ принят, придется чуточку обождать. Как насчет поджаренного сыра к бульончику?

– Если это не слишком вас затруднит. И зовите меня Ричардом, ладно? Или Риком, так даже лучше. Когда люди спасают мне жизнь, предпочитаю быть с ними на короткой ноге, причем с самого начала.

– Рик так Рик. – *Лучше бы тебе починить зубы, до того как предстанешь перед другими присяжными, Рик.*

Ощущение чего-то неладного становилось все сильнее. Опять этот щелчок в мозгу, совсем как в тот момент, когда он почти угадал имя Маккарти. Пока еще он был далек от сожалений по поводу того, что не подстрелил этого типа при первой возможности, но в глубине души уже жалел о том, что черт не увел Маккарти за сто миль от его дерева и его жизни.

2

Он уже поставил бульон на плиту и резал сыр на сэндвичи, когда рванул первый порыв ветра – пронзительный вопль, заставивший дом натужно скрипнуть и яростно взметнувший снежную пелену. На какое-то мгновение даже костлявые закорючки сгоревших деревьев в Ущелье были стерты, сметены, и за окном встал огромный белый призрак, словно кто-то взял на себя труд вывесить гигантский киноэкран.

Впервые за все время Джоунси почувствовал легкую тревогу, не только за Пита и Генри, вероятно, возвращавшихся в эту минуту из магазина на «скауте» Генри, но и за Бивера. Конечно, если кто и знал здешние леса, так это Бивер, но разве можно ориентиро-

ваться в этой завирухе, «все ставки аннулированы», еще одно изречение его никчемного отца, не такое точное, как «удачу за деньги не купишь». Правда, Бивер мог найти дорогу по шуму генератора, но, как верно сказал Маккарти, в лесу, да еще в метель, сложно определить, откуда идет звук. Особенно при разгулявшемся ветре...

Мать научила его стряпать с дюжину простых блюд и в том числе делать сэндвичи с расплавленным сыром. «Сначала положи немного горчешек, – наставляла она (горчешками Джанет Джоунс назвала горчицу, от слов «горчица и кашки»), – намажь маслом хлеб, именно хлеб, а не сковороду, иначе получишь поджаренный хлеб с кусочками сыра, и ничего больше». Он до сих пор не понимал, в чем тут разница и каким образом намазанная сковорода может повлиять на конечный результат, но свято следовал заветам матери, хотя считал сплошной морокой смазывать верхнюю сторону хлеба, пока поджаривается нижняя. Но точно так же снимал резиновые сапоги, входя в дом, потому что мать считала, «будто от них ноги горят». Джоунси понятия не имел, что это означает, но и сейчас, приближаясь к сорокалетнему рубежу, стаскивал сапоги, как только переступал порог.

– Думаю, я и сам не прочь это попробовать, – сказал Джоунси, выкладывая сэндвичи на сковороду маслом вниз. Бульон уже закипал, от него шел дивный запах – уюта и тепла.

– Разумеется. Надеюсь, с вашими друзьями все в порядке.

– Да, – рассеянно произнес Джоунси, помешивая в кастрюльке. – Где вы остановились?

– Ну... мы обычно охотились в Марс-хилл, там у дяди Нэта и Бекки был охотничий домик, но два года назад какой-то кретин поджег его. Пьянство и сигаретные окурки до добра не доведут, как говорят пожарные.

– Да, дело обычное, – кивнул Джоунси.

– Правда, страховку выплатили, но охотиться стало негде. Я уже думал, что на этом всему конец, но Стив нашел довольно милое местечко в Кинео. Я думал, это просто тауншип⁹, нечто вроде поселка, еще одна часть Джефферсон-трект, но немногие жители зовут его Кинео. Вы знаете, о чем я?

– Знаю, – проговорил Джоунси онемевшими губами. Очередной телефонный звонок из ниоткуда. «Дыра в стене» находилась примерно в двадцати милях к востоку от магазина Гос-слина. Кинео же был милях в тридцати к западу. Всего пятьдесят миль. И его хотят убедить, что человек, сидящий на диване и едва не с головой укутанный в пуховое одеяло, прошагал со вчерашнего дня пятьдесят миль? Бред. Немыслимо.

– Вкусно пахнет, – сказал Маккарти.

Так и было, вот только Джоунси потерял аппетит.

3

Он как раз нес тарелку к дивану, когда послышался топот ног по гранитной плите. Дверь распахнулась, и в комнату в клубах снега ввалился Бивер.

– Член Иисусов! – воскликнул он. Как-то Пит составил список биверизмов, и «Член Иисусов» оказался в первой пятерке вместе с такими перлами, как «слизь подзалупная» и «поцелуй меня в задницу», выражениями, отдававшими одновременно дзен-буддизмом и непристойностью. – Я уж боялся, что так и останусь в снегу, но тут увидел свет, – продолжал Бив, воздев к потолку руки с расставленными пальцами. – Узрел свет, Господи, да, сэр, слава Ии...

Но тут запотевшие стекла очков начали потихоньку проясняться, Бив заметил незначкомца на диване, медленно опустил руки и улыбнулся: одна из причин, по которой Джоунси

⁹ Не получившая статуса города единица административного деления, входящая в состав округов и имеющая границы, установленные властями штата. – *Примеч. пер.*

любил его еще с начальной школы. Пусть Бив иногда бывает утомительным, надоедливым и уж, разумеется, его никак нельзя назвать самой яркой лампочкой в люстре, но первой реакцией на неожиданность и внезапность всегда были не сдвинутые брови, а улыбка.

– Привет, – сказал он. – Я Джо Кларендон. А вы кто?

– Рик Маккарти. – Рик встал, одеяло свалилось, и Джоунси увидел солидное брюшко, выпирающее из-под свитера. *Что ж, ничего удивительного*, подумал он, *обычный недуг среднего возраста, который и нас прикончит лет через двадцать или около того.*

Маккарти протянул руку, попытался шагнуть вперед и споткнулся об упавшее одеяло. Не схвати его Джоунси за плечо, наверняка пропахал бы носом пол, сметя по пути журнальный столик, на котором стояли тарелки. И Джоунси снова поразила странная неуклюжесть гостя, заставившая вспомнить, каким был он сам прошлой весной, когда снова учился ходить. Только сейчас ему удалось разглядеть пятно на щеке Маккарти – оказалось, это вовсе не обморожение, а что-то вроде нароста или родимого пятна с вросшей щетиной.

– Эй, только ничего не ломать! – Бив схватил руку Маккарти и принялся энергично трясти, пока Джоунси не показалось, что Маккарти вот-вот рухнет на журнальный столик. Он тихо порадовался, когда Бив – все пять футов шесть дюймов Бива – отступил, стряхивая тающий снег с черных, длинных под хиппи волос. Бив снова улыбался, еще шире обычного, и со своими лохмами до плеч и толстыми стеклами очков был, как никогда, похож на математического гения или серийного убийцу, хотя на деле был плотником.

– Рiku паршиво пришлось, – сказал Джоунси. – Заблудился вчера и провел ночь в лесу.

Гостеприимная улыбка Бива превратилась в сочувственную. Джоунси, зная, что за этим последует, сжался, посылая Биву мысленную команду заткнуться: у него сложилось впечатление, что Маккарти как человек верующий не выносит богохульства, но, разумеется, просить Бивера хорошенько промыть рот все равно что заклинать ветер утомониться.

– Сучье вымя! – воскликнул Бивер. – Охренеть можно! Садитесь! Ешьте! И ты тоже, Джоунси!

– Нет уж, лучше ты, – отказался Джоунси. – Тебе нужно согреться.

– Точно не хочешь?

– Не волнуйся, пойду сделаю себе яичницу. А Рик пока расскажет подробности. – *Может, хоть ты сумеешь разобраться во всем этом нагромождении несуразиц*, подумал он.

– Так и быть. – Бивер стащил куртку (красную) и жилет (разумеется, оранжевый) и хотел было швырнуть их на вязанку дров, но тут же вспомнил что-то. – Погоди-погоди, у меня тут кое-что твое.

Сунув руку в глубокий карман пуховика, он порылся и вытащил книгу в мягкой обложке, довольно помятую, но в остальном вполне пригодную для чтения. На обложке с надписью «Роберт Паркер. Маленькие слабости» плясали дьяволята с вилами. Книга, которую Джоунси забыл на настиле. Бив с улыбкой протянул ее другу:

– Я оставил твой спальный мешок, но подумал, что ты не заснешь, пока не узнаешь, какой хрен это сделал.

– Не стоило лезть наверх в такую погоду, – сказал Джоунси, но на самом деле это его сильно растрогало. Никто, кроме Бива, на такое не способен, и от этого становилось легче на душе. Значит, Бив продирался сквозь метель и не смог понять, сидит ли еще Джоунси на дереве. Конечно, Бив мог бы его окликнуть, но такое не для Бива. Девиз Бива – верить лишь тому, что видишь собственными глазами.

– Чепуха, – отмахнулся Бив и сел рядом с Маккарти, глазевшим на него, словно на редкостного экзотического зверька.

– Все равно спасибо, – кивнул Джоунси. – Займись сэндвичем. Я пошел жарить яичницу. – Он уже шагнул к плите, но поспешно обернулся: – А Пит с Генри? Как по-твоему, они успеют добраться к ночи?

Бив открыл было рот, но прежде чем успел ответить, ветер с новой силой набросился на домик, завывая в стропилах и скрипя досками.

– А, подумаешь, пара снежинок, – усмехнулся Бивер, когда порыв ветра стих. – Конечно, успеют. А вот если начнется настоящая вьюга, пожалуй, из дома носа не высунешь.

Он впился зубами в сэндвич, а Джоунси поставил на огонь сковороду и еще одну банку с супом. Теперь, когда Бивер был рядом, ему стало легче. Но, по правде говоря, ему всегда становилось легче, когда Бив был рядом. Бред, конечно, но так оно и есть.

4

Когда яичница поджарилась, а суп закипел, Маккарти болтал с Бивером, словно оба подружились едва ли не с пеленок. Если Маккарти и был оскорблен непрерывным потоком хоть и забавного, но все же сквернословия, все перевесило несомненное обаяние Бива. «Объяснить это невозможно, – сказал как-то Генри. – Бив охламон, настоящий охламон, но его просто *невозможно* не любить. Поэтому и постель у него не остывает, не думаешь же ты, что бабы ловятся на его неземную красоту!»

Джоунси понес суп с яичницей в гостиную, стараясь не хромать: поразительно, насколько сильнее ноет бедро в плохую погоду. Он всегда думал, что это бабушкины сказки, но, похоже, ошибался.

Он с трудом опустилсЯ в кресло рядом с диваном. Маккарти больше трепал языком, чем ел. Он почти не притронулся к супу и прикончил только половину сэндвича.

– Ну как вы, парни? – спросил Джоунси и, посыпав яичницу перцем, принялся энергично жевать: похоже, аппетит его все-таки не покинул.

– Мы – два счастливых блядуна, – сказал Бивер, но, несмотря на легкомысленный тон, Джоунси показалось, что он взволнован, даже, пожалуй, встревожен. – Рик рассказывал мне о своих приключениях. Совсем как история из тех журналов для взрослых, что валялись в парикмахерских, когда я был сопляком. – Он, все еще улыбаясь, обернулся к Маккарти, обычный, вечно улыбающийся Бив, по привычке запустивший руку в тяжелую гриву волос. – Тогда на нашей стороне Дерри парикмахером был старик Кастонже, он пугал ребятишек своими огромными ножницами до такого посинения, что меня, бывало, на веревке к нему не затащишь.

Маккарти слабо улыбнулся, но не ответил, поднял оставшуюся половину сэндвича, осмотрел и снова положил. Красная метка на щеке пылала багрецом, как только что выжженное клеймо. Бивер тем временем продолжал трещать, словно боялся, что Маккарти ненароком скажет хоть слово. За окном продолжал валить снег, ветер не унимался, и Джоунси подумал о Генри и Пите, возможно, застрывших в старом «скауте» на Дип-кат-роуд.

– Оказывается, Рик не только едва не попал в лапы ночного чудовища, вполне возможно – медведя, но и ружье потерял. Новенький с иголки «ремингтон 30–30», отпад, но только тебе его никогда больше не видать, ни единого шанса на миллион!

– Знаю, – сказал Маккарти. Краска снова сошла со щек, вытесненная свинцовой бледностью. – Не помню даже, когда я его бросил или...

По комнате внезапно пронесся резкий отрывистый рокот, словно кто-то рвет бумагу. Джоунси почувствовал, как мурашки бегут по коже. Неужели что-то застряло в дымоходе?

Но тут же понял, что это Маккарти. В свое время Джоунси слышал немало непристойных звуков, и громких, и долгих, но такого... Кажется, это длилось вечно, хотя на деле прошло не больше нескольких секунд. И тут же – нестерпимая вонь.

Маккарти, поднявший было ложку, уронил ее в нетронутый суп и почти девичье-смущенным жестом поднес правую руку к изуродованной щеке.

– О Боже, простите, – сказал он.

– Ничего страшного, всякое бывает, – усмехнулся Бивер, но скорее по стародавней привычке. В эту минуту им владел инстинкт, инстинкт и ничего больше. Но Джоунси видел, что Бив так же ошеломлен запахом, как и он сам. Это был не привычный сернистый смрад тухлых яиц, унюхав который, можно посмеяться и, помахав рукой, шутливо спросить: «Ах, черт, кто это режет сыр?» И не болотно-метановая вонь. Нет. Джоунси узнал этот запах, такой же, как изо рта Маккарти: смесь эфира и перезрелых бананов, совсем как пусковая жидкость, которую заливаешь в карбюратор в морозное утро.

– О Боже, это ужасно, – повторял Маккарти. – Мне так неловко.

– Да ничего страшного, – сказал Джоунси, хотя внутренности свернулись в тугой клубок, словно перед приступом рвоты. Теперь он ни за что не сможет доест, даже пытаться не стоит. Обычно он не так брезглив, но сейчас просто изнемогает от омерзения.

Бив поднялся с дивана и открыл окно, впустив снежный вихрь и поток благословенно чистого воздуха.

– Не стоит волноваться, партнер, но уж больно дух ядреный. Что это вы ели? Кабаний помет?

– Листья, мох и все, что под руку попадалось, не помню точно. Я так проголодался, что готов был наброситься на что угодно, да только ничего в этом не понимаю, так и не прочел ни одной книги Юэлла Гиббонса, и... конечно, было темно, – добавил он, словно по вдохновению, и Джоунси поймал взгляд Бивера, желая убедиться, что тот тоже понимает: каждое слово Маккарти – ложь. Маккарти либо не помнит, что ел, либо не ел вообще, просто пытается объяснить это отвратительное лягушачье кваканье и зловоние, его сопровождавшее.

Снова налетел ветер и с громким жалобным стоном послал новый заряд снега сквозь открытое окно. Слава Богу, хоть вытеснит застоявшийся воздух!

Маккарти подался вперед так поспешно, словно его толкнули в спину, а как только понуро свесил голову, Джоунси сразу сообразил, что сейчас произойдет. Прощай, ковер навахо! Бив, очевидно, подумал то же самое, поскольку поспешно подтянул длинные ноги, оберегая их от брызг.

Но вместо рвоты из утробы Маккарти вырвалось долгое тихое гудение, жалоба станка, работающего на пределе возможностей. Глаза Маккарти вылезли из орбит, как мраморные шарики, а кожа так натянулась на скулах, что, казалось, вот-вот лопнет. И все это длилось и длилось, раскат за раскатом, а когда наконец прекратилось, жужжание генератора показалось чересчур громким.

– Слышал я всякие отрывки, но эта штука бьет все рекорды, – с неподдельным уважением заявил Бив.

Маккарти откинулся на спинку дивана: глаза закрыты, уголки губ опущены, то ли от смущения, то ли от боли, то ли от того и другого вместе. И снова этот запах бананов и эфира, смрад брожения, словно что-то начинает гнить.

– О Боже, мне так жаль, – сказал Маккарти, не открывая глаз. – Со мной это творится весь день, с самого рассвета. И живот снова болит.

Джоунси и Бив обменялись встревоженными взглядами.

– Знаете что? – предложил Бив. – Думаю, вам нужно прилечь и поспать. Вы всю ночь были на ногах, боясь, что наткнетесь на приставучего медведя и бог знает еще кого. Наверняка измучились, устали и прочее дерьмо. Придавите часиков десять и будете как огурчик.

Маккарти уставился на Бива с такой униженной благодарностью, что Джоунси стало немного стыдно, словно он подглядывал под чужими окнами. Хотя лицо Маккарти было по-

прежнему тускло-серым, на лбу выступили огромные капли пота и покатались по щекам, как прозрачное масло. И это несмотря на прохладный сквознячок, гуляющий по комнате!

– Пожалуй, – сказал он, – вы правы. Я устал, вот и все. Живот, правда, ноет, но это все стресс. И ел я незнамо что – ветки и, Господи, о Господи, все, что ни попадя. – Он рассеянно поскреб щеку: – Эта чертова штука на лице очень скверно выглядит? Кровоточит?

– Нет, – заверил его Джоунси. – Обычное покраснение.

– Аллергия, – скорбно признался Маккарти. – Такое же у меня бывает от арахиса. Пожалуй, нужно прилечь. Самое оно.

Он поднялся, но тут же пошатнулся, и прежде чем Бив и Джоунси успели его подхватить, выпрямился и кое-как удержался на ногах. Джоунси мог бы поклясться, что выпуклость, казавшаяся солидным брюшком, почти исчезла. Неужели такое возможно? Или в бедняге действительно было столько газов? Трудно сказать. Одно ясно: выпустил он достаточно, чтобы рассказывать о таком чуде последующие двадцать лет, примерно в таком ключе: «Как вам известно, каждый год, в первую неделю охотничьего сезона мы собираемся в хижине Бивера Кларендона, и как-то в ноябре две тысячи первого, в самую жестокую метель, забрел к нам один тип...» Что ж, забавная история, люди будут смеяться над жалким говнюком, люди всегда рады посмеяться над беднягой, ухитрившимся пукнуть и рыгнуть на весь мир. Но, разумеется, Джоунси никому не признается, как едва не спустил курок «гаранда», приняв Маккарти за оленя. Эту часть он оставит при себе. Да и не стоит ни с кем делиться таким...

Поскольку одну нижнюю спальню занимали Пит и Генри, Бивер отвел Маккарти в другую, ту, где обычно спал Джоунси, предварительно послав другу извиняющийся взгляд. Тот лишь плечами пожал. В конце концов это вполне логично. Джоунси переночует вместе с Бивером, как когда-то в детстве. Кроме того, неизвестно, сможет ли Маккарти одолеть ступеньки: Джоунси все сильнее тревожило потеющее, оловянно-серое лицо гостя, тупой, какой-то оцепеневший взгляд.

Джоунси был из тех людей, которые, застав постель, немедленно погребают ее под всякой всячиной: книгами, газетами, одеждой, пакетами и прочими мелочами. Пришлось поспешно смести все это на пол, перед тем как откинуть одеяло.

– Не хотите отлить, партнер? – осведомился Бив.

Маккарти покачал головой, не отводя зачарованного взгляда от чистой голубой простыни. И Джоунси снова поразил его остекленевший взгляд. Совсем как у тех голов, которые принято вешать на стену в качестве охотничьих трофеев.

И тут он внезапно, ни с того ни с сего, увидел свою гостиную в Бруклине, одном из самых престижных пригородов Бостона. Плетеные коврики, раннеамериканская мебель... и голова Маккарти, укрепленная над камином. «Этого я свалил в Мэне. Здоровый был, скотина, фунтов сто семьдесят», – будет он рассказывать гостям на вечеринках.

Он закрыл глаза, а открыв, обнаружил, что Бив смотрит на него с некоторым беспокойством.

– Бедро скрутило, – сказал Джоунси. – Прости. Мистер Маккарти, снимайте свитер и джинсы. И, конечно, сапоги.

Маккарти воззрился на него с видом человека, очнувшегося от глубокого сна.

– Конечно, – проговорил он. – Еще бы!

– Нужна помощь? – спросил Бив.

– Господи, нет. – Казалось Маккарти вот-вот расхохочется. – Не настолько я низко пал.

– В таком случае оставляю вас на попечение Джоунси, – сказал Бивер, выскальзывая за дверь.

Маккарти принялся стягивать свитер через голову. Под ним оказалась красно-черная охотничья рубашка, а еще ниже – фуфайка с подогревом. И да, теперь Джоунси был уверен, что брюшко Маккарти значительно опало.

Ну... скажем, почти уверен. Пришлось напомнить себе, как всего час назад он был уверен, что видит не куртку Маккарти, а оленью голову.

Маккарти плюхнулся на стул у окна, чтобы снять сапоги, и снова пукнул: не так оглушительно, как в первый раз, но все же громко и неприлично. Оба словно не заметили этого, хотя вонь распространилась такая, что у Джоунси заслезились глаза.

Маккарти сбросил сапоги, со стуком приземлившись на пол, и стянул голубые джинсы, под которыми, как и предполагал Джоунси, оказались кальсоны с подогревом. В комнате вновь появился Бив с фаянсовым ночным горшком и, поставив его у изголовья, сказал:

– На случай, если вдруг... ну вы знаете, приспичит. Или подопрет так, что мочи не станет.

Маккарти тупо, словно не понимая, о чем идет речь, уставился на него, и Джоунси снова кольнула тревога. Не нравилось ему все это. Незнакомец в мешковатом нижнем белье казался непривычно зловещим. Большой незнакомец. Вопрос в том, насколько он болен.

– На случай, если не добежите до ванной, – объяснил Бив. – Которая, кстати говоря, совсем близко. Как раз слева от спальни, но помните, не первая, а вторая дверь по этой стене. Если вломитесь в первую, значит, придется срать в бельевого чулане.

Джоунси от неожиданности засмеялся, ничуть не заботясь о том, что издает чересчур высокие, слегка истерические звуки.

– Мне уже лучше, – сказал Маккарти, но Джоунси не заметил в его голосе ни малейшей искренности. Кроме того, Маккарти продолжал стоять посреди комнаты, как андроид, память которого была на три четверти стерта. И если прежде он выказывал некоторую живость, даже суетливость, сейчас энергия выработалась, исчезла, словно румянец на щеках.

– Ну же, Рик, – тихонько поторопил Бив. – Ложитесь и покемарьте чуток. Нужно же вам набраться сил.

– Да-да. – Он тяжело опустился на расстеленную кровать и выглянул в окно. Широко раскрытые невидящие глаза... Джоунси показалось, что запах постепенно рассеивается, но, возможно, он попросту принял за запах, как бывает, если долго простишься в обезьяннике. – Боже, какой снег!

– Да, – кивнул Джоунси. – Как ваш живот?

– Лучше, – повторил Маккарти, оборачиваясь к Джоунси. Теперь в глазах плескался страх. Как у испуганного ребенка. – Простите, что так бесцеремонно выпускаю газы. Такого со мной раньше не бывало. Даже в армии, где мы питались почти одними бобами. Но теперь мне и вправду полегчало.

– Уверены, что не хотите помочиться перед сном? – Джоунси, отец четверых детей, задал привычный вопрос почти автоматически.

– Нет. Сходил в лесу, перед тем как вы нашли меня. Спасибо, что приютили. Спасибо вам обоим.

– А, дьявол, – сказал Бивер, неловко переминаясь с ноги на ногу, – всякий бы на нашем месте сделал бы то же.

– Может, и да, – кивнул Маккарти. – А может, и нет. Помните, как в Библии: «Внемли, стою и стучусь у порога твоего...»

Ветер за окном завывал все яростнее, так что тряслись стены. Джоунси ждал продолжения: похоже, Маккарти было что рассказать, но тот молча лег и натянул одеяло. Откуда-то из глубин кровати донесся очередной смрадный рокот, и Джоунси решил, что с него довольно. Одно дело – впустить заблудившегося путника, оказавшегося на твоем пороге, и совсем другое – терпеть непрестанную газовую атаку.

Бивер последовал за ним и осторожно прикрыл дверь.

5

Джоунси хотел было что-то сказать, но Бив, покачав головой, приложил палец к губам и повел его в кухню – самое дальнее место от спальни. Не выходить же на улицу в такую погоду!

– Слушай, с этим парнем явно что-то неладно, – сказал Бивер, и даже в синеватом сиянии люминесцентной лампы Джоунси увидел, как он озабочен. Бив пошарил в широком нагрудном кармане комбинезона, нашел зубочистку и принялся грызть. Через три минуты – столько времени уходит у заядлого курильщика на сигарету – он превратит зубочистку в горстку измочаленных щепок. Джоунси никак не мог взять в толк, как выносят его зубы (и желудок) подобное варварство, но привычка сохранилась едва не с пеленок.

– Надеюсь, ты ошибся, хотя... – Джоунси покачал головой. – Ты когда-нибудь нюхал такое?

– Ну, пердун! – согласился Бивер. – Но дело не только в расстройстве желудка.

– Ты это о чем?

– Видишь ли... Он почему-то уверен, что сегодня одиннадцатое ноября.

Джоунси никак не мог сообразить, о чем толкует Бив. Одиннадцатого ноября они приехали сюда, как всегда, в старом «скауте» Генри.

– Бив, сегодня среда. *Четырнадцатое*.

Бивер невольно улыбнулся. Зубочистка, уже успевшая треснуть, переместилась в другой уголок рта.

– Мне-то это известно. И тебе тоже. А вот Рику – нет. Он считает, что сегодня день Господень.

– Бив, припомни, что он тебе сказал?

Вряд ли что-то существенное: в конце концов сколько времени может уйти на яичницу? Бив задумался, а Джоунси тем временем принялся мыть посуду. Он ничего не имел против походной жизни, но терпеть не мог разводить свинарник в отличие от многих вырвавшихся на волю мужчин.

– Сказал, что их компания заявила с утра в субботу, чтобы не терять день. В воскресенье он чинил крышу. И добавил: «По крайней мере я не нарушил заповедь, касающуюся работы в день субботний. Когда заблудишься в лесу, думаешь только об одном: как бы не спатить».

– Ага, – хмыкнул Джоунси.

– Пожалуй, я бы не поклялся под присягой, что он в самом деле считает, будто сегодня – одиннадцатое. Может, он имеет в виду прошлую неделю, четвертое ноября, потому что все твердил о воскресенье. Кроме того, поверить невозможно, что он скитался десять дней.

Джоунси кивнул. Десять дней вряд ли. А вот три... такому, пожалуй, можно поверить.

– Это объясняет кое-что, им сказанное, – начал Джоунси. – Он...

Пол скрипнул, и оба, подскочив от неожиданности, обернулись к закрытой двери спальни. Но оттуда никто не появился. Совсем забыли, что доски пола и стен вечно поскрипывают, даже когда ветра нет. Они пристыженно переглянулись.

– Да, я сегодня на взводе, – сказал Бивер, то ли поняв что-то по лицу Джоунси, то ли верно прочитав его мысли. – Признайся, старик, тебе тоже немного не по себе. Откуда он только выполз!

– «Не по себе» – это слабо сказано!

– Звук такой, словно он забил в задницу какое-то несчастное создание, погибающее от удушья! – Бив сам удивился собственному остроумию. Они расхохотались одновременно, задыхаясь, зажимая рты, стараясь, чтобы гость не услышал и не понял, что смеются над

ним. Джоунси приходилось особенно трудно: он чувствовал необходимость разрядки и в то же время понимал, что находится на грани истерики. Сгибаясь пополам, он охал, фыркал, захлебывался, не вытирая катившихся слез.

Наконец Бивер схватил его за руку и вывел на крыльцо. Они долго стояли, раздетые, в глубоком снегу, радуясь возможности посмеяться вволю в таком месте, где свист ветра заглушал остальные звуки.

6

Когда они снова вошли в дом, руки Джоунси совсем онемели, пришлось сунуть их под горячую воду, и Джоунси пожаловался, что совсем не ощущает тепла. Но на душе было на удивление спокойно. Иногда полезно вволю посмеяться! Он даже почти забыл о Пите и Генри. Как они там? Сумеют ли благополучно вернуться?

– Ты сказал, это кое-что объясняет, – напомнил Бив, принимаясь за очередную зубочистку. – Что именно?

– Он не знал о том, что ожидается снег, – медленно выговорил Джоунси, пытаясь поточнее воспроизвести слова Маккарти. – Жаловался на синоптиков. «Вот тебе и «ясно и умеренно холодно», кажется, он именно так сказал. Но это имело бы смысл, если последний прогноз он слышал одиннадцатого или двенадцатого, ведь почти до самой ночи действительно было ясно.

– Да, и умеренно, мать его, холодно, – согласился Бивер и, вытащив посудное полотенце с выцветшим узором из божьих коровок, принялся вытирать тарелки. – Что он еще сказал?

– Что они остановились в Кинео.

– Кинео?! Да это в сорока – пятидесяти милях к западу отсюда! Он... – Бивер вынул зубочистку изо рта, исследовал следы зубов и сунул обратно. – Понятно.

– Да, он не смог бы проделать все это за одну ночь, но если скитался три дня...

– И четыре ночи, если он заблудился днем в субботу, это четыре ночи...

– Да, и четыре ночи. Если предположить, что все это время он шел строго на запад... – Джоунси произвел мысленные подсчеты. По пятнадцать миль в день. – Вполне возможно, я бы сказал.

– Но как же он не замерз? – Бивер бессознательно понизил голос. – Правда, куртка у него длинная и белье с подогревом, но с самого Хэллоуина температура не поднималась выше двадцати градусов. Может, объяснишь, как это он шлялся по лесу четыре ночи и не замерз?! И даже не обморозился, если не считать этой штуки у него на щеке.

– Понятия не имею. И, кстати, почему он не оброс?

– Ну? – У Бивера поехала челюсть. Зубочистка опасно свисала с нижней губы. Наконец, опомнившись, он медленно кивнул. – Да. Щетина почти не видна.

– Да, на трехдневную не похожа.

– Похоже, он брился не далее чем вчера, верно?

– Верно. – Джоунси представил себе блуждающего по лесу Маккарти, испуганного, замерзшего и голодного (хотя по виду не скажешь, что он пропустил так уж много обедов), но все же каждое утро подходящего к ручью, чтобы разбить ботинком лед, а потом вынуть верный «Жиллетт» из... откуда? Из кармана куртки?

– А вдруг сегодня утром он потерял бритву, оттуда и щетина? – предположил Бив. Он снова улыбался, но, кажется, не слишком весело.

– Ну да. Заодно с ружьем. Видел его зубы?

Бивер многозначительно поморщился:

– Четырех недостает. Двух сверху, двух снизу. Выглядит в точности как тот малый, что вечно красуется на обложке журнала «Мэд»¹⁰.

– Ничего страшного, старина. У меня самого парочка смылась в самовольную отлучку. – Он приподнял губу, обнажая левую десну в не слишком приятной кривой ухмылке. – Видишь? Так и живу.

Джоунси покачал головой. Это дело другое.

– Пойми, малый – адвокат. Он постоянно на людях. Внешность – часть его имиджа. Он на этом живет. С такой вывеской? Эти провалы на самом виду! Клянусь, он не знал, что они вывалились.

– Не думаешь, что он оказался в зоне повышенной радиации? – хмуро спросил Бивер. – Зубы выпадают на хрен при лучевой болезни, я как-то в кино видел. Один из тех ужасиков, которые ты вечно смотришь. Как, по-твоему, такое могло быть? А если он и эту красную метку тогда же и получил?

– Ну да, схватил дозу, когда взорвался ядерный реактор в Марс-хилле, – хмыкнул Джоунси и тут же пожалел о срыве при виде недоумевающей физиономии Бивера. – Бив, когда у тебя лучевая болезнь, волосы выпадают тоже.

Бивер мгновенно просветлел:

– Точно! Мужик в том фильме под конец облысел, как Телли, как-там-его, тот, что играл копа по телевизору. – И помедлив, добавил: – Потом он умер. Тот, что в кино, конечно, не Телли, хотя если задуматься...

– Но у этого волосы на месте, – перебил Джоунси. Дай только Биверу волю, и тот немедленно начнет растекаться мыслию по дереву.

Он заметил, что в отсутствие чужака ни один из них не называл его Риком или Маккарти. Только «малый»... словно оба подсознательно стремились низвести его до уровня, ниже человеческого... превратить в нечто неопределенное, незначительное, словно это позволит придать меньше значения, если... словом, если...

– Ну да, – подтвердил Бивер. – Волос у него хоть отбавляй.

– Может, у него амнезия?

– Кто знает? Хотя он помнит свое имя, с кем приехал, всякое такое. Слушай, вот пернул-то! Как в трубу дунул! А вонь! Настоящий эфир!

– Верно. Как пусковая жидкость. Кстати, от диабетиков в коже иногда пахнет. Читал в каком-то триллере.

– Похоже на пусковую жидкость?

– Не помню.

Они долго стояли молча, глядя друг на друга, прислушиваясь к завыванию ветра. Джоунси вдруг сообразил, что забыл рассказать Биверу о молнии, которую якобы видел чужак, но к чему трудиться? И без того достаточно.

– Я думал, что он блеванет, когда наклонился вперед и свесил голову, – сказал Бивер. – Ты тоже?

Джоунси кивнул.

– И выглядит он плохо, совсем паршиво.

– Куда уж хуже.

Бивер вздохнул, бросил зубочистку в мусорное ведро и глянул в окно, на сплошную стену снега.

– Черт, хоть бы Генри и Пит были здесь! – Он пригладил волосы. – Особенно Генри.

– Бив, Генри – психиатр.

¹⁰ «Безумие» (англ.).

– Знаю, но это все, что у нас есть по медицинской части, а малый явно нуждается в лечении.

Собственно говоря, Генри действительно был врачом, без этого он не получил бы диплома психоаналитика, но, насколько знал Джоунси, никогда не занимался ничем, кроме психиатрии.

– Все еще уверен, Бив, что они успеют вернуться?

– Был. Полчаса назад, но сам видишь, что творится. Будем надеяться, – мрачно проговорил Бив. В эту минуту в нем ничего не осталось от всегда беспечного, жизнерадостного Бивера Кларендона. – Будем надеяться.

Глава 3 «Скаут» Генри

1

Пристально следя за светом фар «скаута», буравившим дырки в снежной завесе, которая накрыла Дип-кат-роуд, Генри пробивался к «Дыре в стене» и попутно обдумывал способы, как это сделать.

Разумеется, под рукой всегда был Выход Хемингуэя, когда-то в Гарварде, на последнем курсе, он даже написал статью с таким названием, так что, должно быть, уже тогда имел в виду именно такое решение, не просто выполнял очередное задание очередного курса, нет, что-то было в этом глубоко личное... скрытая тяга... даже в то время.

Так вот, Выход Хемингуэя был короток и прост: дробовик. И будь сейчас у Генри оружие... не то что он бы непременно сделал это в обществе друзей. У их четверки бывало немало хороших моментов в «Дыре в стене» и было бы нечестно все портить. Такое навсегда осквернило бы «Дыру» для Пита и Джоунси, да и для Бивера тоже, возможно, больше всего именно для Бивера, а это уж подлость. Но скоро все свершится, он чувствовал, как оно приближается, словно зуд в носу, перед тем как чихнуть, но, наверное, это так и будет выглядеть. Всего лишь «ап-чхи» – и привет тьма, старая подруга.

Согласно Выходу Хемингуэя, следует снять туфлю и носок, упереть приклад в пол, сунуть дуло в рот, большим пальцем спустить курок.

Памятка себе, подумал Генри, выравнивая вильнувший «скаут». Хорошо еще, что колеи остались, да, собственно говоря, эта дорога и есть две колеи, вырытые трелевочными машинами, безостановочно ползущими по ней летом. *Если сделаешь это таким образом, прими сначала слабительное и подожди, пока сходишь в туалет, ни к чему доставлять лишние хлопоты тем, кто тебя найдет.*

– Пожалуй, не стоит так спешить, – сказал Пит. У его ног стояла неизменная бутылка с пивом, уже наполовину опустошенная. Но одной бутылки недостаточно, чтобы вернуть Питу благодушное настроение. Еще три-четыре, и Генри вполне может переть по этой дороге под шестьдесят в час, а Пит при этом будет громко подпевать этому мудацкому диску «Пинк Флойд». А он вполне способен выжать шестьдесят, и ничего «скауту» не сделается, разве что бампер немного погнется. Оказаться в колеях Дип-кат, пусть и забитых снегом, все равно что лететь по рельсам. Если снег будет так валить и дальше, их дело плохо, ну а пока... все в порядке.

– Не волнуйся, Пит, все тип-топ.

– Хочешь пива?

– Только не за рулем.

– Даже в такой глухомани?

– Позже.

Пит притих, предоставив Генри тоскливую работенку: следить за светом фар и пробираться по извилистой дороге между деревьями. Оставив его наедине со своими мыслями, чего тот и добивался. Все равно что трогать и трогать языком больной зуб, проверяя, ноет или нет. Но именно этого он и хотел.

Существуют таблетки. Существует старый надежный способ: включенная электробритва в ванне с водой. Можно утонуть. Прыгнуть с обрыва. Револьвер в ухо – слишком ненадежно. Как и резать вены на запястьях, это только для психопатов, разыгрывающих самоубийство. Генри крайне заинтересовал японский способ: надеть петлю на шею. Привя-

затянуть другой конец к большому камню. Положить камень на сиденье стула, сесть на пол и прижаться к чему-нибудь спиной, так, чтобы нельзя было упасть назад. Опрокинуть стул. Камень откатится. Человек может прожить от трех до пяти минут в состоянии усугубляющейся асфиксии. Серое перетекает в черное – привет тьма, старая подруга.

Он прочел об этом методе в одном из любимых Джоунси детективов Кинси Милхоуна. Детективы и ужастики – две составляющие радости Джоунси. Но Генри больше склонялся к Выходу Хемингуэя.

Пит прикончил первую бутылку и, довольно улыбаясь, дернул пробку второй.

– И что ты об этом думаешь?

Генри словно выдернули силком из той вселенной, где живые действительно хотели жить. И как обычно в последнее время, он нетерпеливо поморщился. Но сейчас главное, чтобы никто из них ничего не заподозрил, а ему казалось, что Джоунси уже насторожился, да и Бивер вроде бы тоже. Эти двое иногда могли заглянуть внутрь. Пит, разумеется, ни сном ни духом, но и он способен сболтнуть в самый неподходящий момент, мол, каким озабоченным выглядит старина Генри, должно быть, что-то неприятное на уме, а Генри совсем это ни к чему. Для их четверки, старой канзасской банды Алых Пиратов третьего-четвертого классов, эта поездка в «Дыру в стене» будет последней, и нужно, чтобы о ней сохранились самые светлые воспоминания. Пусть они будут потрясены и ошеломлены случившимся, даже Джоунси, который чаще других видел Генри насквозь. Пусть твердят, что для них это полнейшая неожиданность. Все лучше, чем если оставшиеся трое будут сидеть по углам, опустив головы, боясь встретиться взглядами, думая, что им следовало бы догадаться, что все признаки были налицо, а они так ничего и не предприняли.

Поэтому он вернулся в другую реальность, убедительно изображая неподдельный интерес. А кому это удастся лучше, чем шринку?

– О чем я должен думать?

– Да об этой чепухе у Госслина, тупица, – пояснил Пит, закатив глаза. – О том вздоре, о котором толковал старик Госслин.

– Пит, его не зря зовут стариком. Ему уже восемьдесят, не меньше, а единственное, в чем не испытывают недостатка старики и старухи, так это истерия – типичный психоз пожилого возраста.

«Скаут» тоже не весенний цыпленочек – четырнадцать лет и второй круг по орбите одометра – выскочил из колеи, и его незамедлительно занесло, невзирая ни на какой четырехколесный привод. Генри выровнял машину, едва не засмеявшись, когда Пит уронил бутылку на пол и пронзительно взвизгнул:

– Эй, мать твою, какого черта! Смотри, что делаешь!

Генри сбавил скорость, почувствовал, что «скаут» стал слушаться, и снова нажал на педаль намеренно быстро и сильно. Машина снова пошла юзом, на этот раз против часовой стрелки. Очередной вопль Пита... Он повторил маневр, «скаут» вновь ввалился в колеи и на этот раз побежал гладко как по маслу. Неоспоримое преимущество решения покончить с жизнью – малые неприятности больше не действуют на нервы. Все по фигу.

Свет прорезал слепящую белизну, состоящую из миллиардов пляшущих снежинок, среди которых, если верить расхожей мудрости, нет ни одной одинаковой.

Пит поднял бутылку (выплеснулось совсем немного) и похлопал себя по груди.

– Ты не слишком гонишь?

– Ни чуточки, – сказал Генри и продолжил спокойно, словно ничего не случилось (на самом деле машина рыскнула) или течение его мыслей не прерывалось (оно и не прерывалось): – Массовая истерия – явление вполне обычное среди очень старых и очень молодых. Подробно описанный феномен как в моей области, так и в смежной профессии, социоло-

гии. – Он глянул на спидометр, увидел, что идет под тридцать пять миль, что и в самом деле довольно быстро для подобной погоды, и сбросил скорость. – Лучше?

Пит кивнул:

– Не обижайся, ты классный водила, но, старина, в такой снег! Кроме того, машина нагружена! – Он помахал большим пальцем в сторону двух пакетов и двух коробок на заднем сиденье. – Кроме сосисок, у нас там макароны «крафт» с сыром. Бивер без этой жратвы жить не может.

– Знаю. Мне они тоже нравятся. Вспомни истории о сатанистах в штате Вашингтон. Пресса в середине девяностых буквально с ума сходила. Следы привели к старикам, живущим с детьми, а в одном случае – с внуками, в двух городишках к югу от Сиэтла. Многочисленные жалобы о сексуальных издевательствах над детьми в детских садах, очевидно, посыпались, когда девочки-подростки, работающие неполный рабочий день, подняли ложную тревогу одновременно в Делавэре и Калифорнии. Возможно, совпадение, возможно, просто назрела подходящая обстановка для подобных сенсаций, и девочки этим воспользовались.

Как гладко скатываются с языка слова, словно в самом деле имеют какой-то смысл. Генри разглагольствовал, а сидевший рядом человек слушал в немом восхищении, и никто (особенно Пит) не мог предположить, что он выбирает между дробовиком, веревкой, выхлопной трубой и таблетками. Голова была словно забита магнитофонной пленкой, а сам он – нечто вроде плеера, непрерывно пропускающего сквозь себя кассету за кассетой.

– В Салеме, – продолжал Генри, – истерия поразила как стариков, так и молодых девушек, и voilà¹¹ – тут тебе и процесс о салемских ведьмах.

– Мы с Джоунси этот фильм видели, – сказал Пит. – Там Винсент Прайс играл. Я от страха в штаны наложил!

– Еще бы, – засмеялся Генри. На какое-то безумное мгновение ему показалось, что Пит имеет в виду «Плавильную печь». – А когда истерические идеи обретают силу? Как только урожай собран, настанет плохая погода, когда самое время рассказывать страшные истории и выдумывать всякие пакости. В Уинатчи, штат Вашингтон, – сатанизм и жертвоприношения детей в лесу. В Салеме – ведьмы. А в Джефферсон-трект, обиталище единственного и неповторимого магазина Госслина, – странное свечение в небе, пропавшие охотники и войсковые маневры, не говоря уже о фантастических красных штуках, растущих на деревьях.

– Не знаю насчет вертолетов и солдат, но так много народу видели эти огни, что пришлось даже созвать городское собрание. Сам старик Госслин мне сказал, пока ты выбирал консервы. Кроме того, несколько человек из Кинео действительно исчезли, какая уж тут истерия! – возразил Пит.

– Позволь заметить, что невозможно созвать городское собрание в Джефферсон-трект, поскольку это не город. Даже Кинео – всего лишь тауншип, имеющий, правда, название. Вторых, собрание будет проходить вокруг печки старого Госслина, и половина присутствующих успеют накачаться мятным джином или бренди, – заметил Генри.

Пит хихикнул.

– В-третьих, что им еще делать? И четвертое, насчет охотников: многие, возможно, попросту устали от охоты и отправились по домам или надрались и решили разбогатеть в новом казино в Каррабассете.

– Ты думаешь? – Пит выглядел подавленным, и Генри, ощутив внезапный прилив горячей любви к другу, похлопал его по коленке.

– Не страдай, – сказал он. – Мир полон непонятого и непознанного.

¹¹ вот (фр.).

Будь мир действительно таким, сомнительно, чтобы Генри так стремился бы покинуть его, но если что психиатры и умели в совершенстве (кроме как выписывать рецепты на прозак, паксил и амбиен¹²), так это лгать.

– Исчезновение четверых охотников сразу кажется мне более чем странным.

– Нисколько, – усмехнулся Генри. – *Одного*, вот это странно. *Двоих*... пожалуй, тоже. А вот сразу четверых? Да они попросту собрались вместе и отбыли, можешь не сомневаться.

– Сколько еще до «Дыры в стене», Генри? – Что, разумеется, означает: «У меня еще есть время для одной бутылочки пивка?»

Генри обнулil одометр у Госслина, старая привычка, еще со времен работы на «скорой» в штате Массачусетс, где платили по двенадцать центов за милю и всех престарелых психопатов, которых ты был в состоянии обслужить. Расстояние между магазином и «Дырой» легко запомнить: 22,2 мили. На одометре – 12,7, что означает...

– НЕ ЗЕВАЙ! – взвизгнул Пит, и Генри перевел взгляд на ветровое стекло.

«Скаут» как раз взобрался на вершину крутого, поросшего деревьями гребня. Здесь снег был еще гуще, но Генри ясно различал человека, сидевшего на дороге футлах в ста впереди. Незнакомый был закутан в мешковатое пальто с капюшоном, поверх которого ярким пятном выделялся оранжевый жилет, развевавшийся, как плащ супермена. На голове косо сидела меховая ушанка с пришитыми к ней оранжевыми лентами, тоже трепетавшими на ветру, напоминая цветные полоски, которыми иногда украшают площадку с подержанными автомобилями. Незнакомый сидел посреди дороги, как индеец, решивший выкурить трубку мира, и даже не пошевелился, когда узкие лучи света настигли его. Генри успел заметить глаза мумии: широко открытые, но неподвижные, такие неподвижные и блестящие, ничего не выражающие, и подумал: *И мои такими же будут, если не держать себя в руках.*

Времени затормозить не оставалось, особенно в таком снегу. Генри крутанул руль вправо и почувствовал толчок, когда «скаут» вновь выбился из колеи. Он мельком увидел белое застывшее лицо, и в голове вихрем пронеслась мысль: *Черт побери, да это женщина!*

«Скаут» немедленно занесло, но на этот раз Генри намеренно постарался завязнуть в снегу, отчетливо, каким-то внутренним чутьем зная (времени подумать не оставалось), что это единственный шанс сиделицы-на-дороге, притом весьма слабый.

Пит взвыл, и Генри уголком глаза заметил, как тот бессознательно отстраняющим жестом вытянул руки. «Скаут» переваливался с ухаба на ухаб, и Генри вывернул руль, пытаясь уберечь незнакомку от удара в лицо. Руль с противной, головокружительной легкостью скользил под затянутыми в перчатки руками. Секунды три «скаут» полз по покрытой снегом Дип-кат-роуд под углом сорок пять градусов, отчасти из-за беспощадного ветра, отчасти благодаря водительскому мастерству Генри Девлина. Снег клубился вокруг мелкой белой пыли; огни фар желтыми пятнами плясали по ссутулившимся под тяжестью сугробов соснам, слева от дороги. Все это продолжалось секунды три – целую вечность. Генри видит, как мимо проносится силуэт, словно движется она, а не машина, только женщина так и не шевельнулась, даже когда ржавый край бампера проскочил от ее лица где-то в полудюйме. Всего полудюйм морозного воздуха между острой железкой и ее щекой!

Обошлось! – ликовал Генри. – *Обошлось, стерва ты такая!* Последняя туго натянутая нить самообладания лопнула, и «скаут» развернуло боком. Машину затрясло, как в горячке, когда колеса снова отыскивали колею, только на этот раз вцепились поперек. Трудяга-«скаут» все еще пытался встать на верный путь, найти устойчивое положение, «задом наперед, все наоборот», – как пели они в начальной школе, стоя в строю, но налетел то ли на камень, то ли на бревно и с ужасающим грохотом опрокинулся, сначала набок, со стороны пассажирского сиденья, засыпав все вокруг осколками битых стекол, а потом на крышу. Одна

¹² Названия транквилизаторов и антидепрессантов. – *Примеч. пер.*

половина ремня безопасности порвалась, и Генри вышибло из кресла. Он приземлился на левое плечо, ударившись мошонкой о рулевую колонку, и сразу ощутил свинцовую тяжесть в паху. Сломанная ручка управления поворотником вонзилась в бедро, по ноге побежала теплая струйка крови, сразу намочившая джинсы. «Кларет, – как объявлял когда-то радиокомментатор боксерских матчей. – Смотрите, ребята, кларет потек». Пит то ли выл, то ли визжал, то ли то и другое вместе.

Несколько минут двигатель продолжал работать, но потом сила притяжения сделала свое дело, и мотор заглох. Некогда сильная машина превратилась всего лишь в уродливый горб на дороге, хотя колеса все еще вертелись, а свет продолжал обшаривать занесенные снегом сосны по левой стороне. Вскоре одна фара погасла, но другая еще не сдавалась.

2

Генри много и долго беседовал с Джоунси о несчастном случае (правда, не столько говорил, сколько слушал, терапия в основном и состояла в способности творчески выслушивать пациента) и знал, что Джоунси не запомнил самого столкновения. Насколько мог сказать Генри, он сам после аварии ни на мгновение не терял сознания, и цепочка воспоминаний не разрывалась. Он отчетливо помнил, что возится с застезжкой ремня, пытаясь поскорее избавиться от этого дерьма, а Пит тем временем орет, что у него нога сломана, его чертова нога сломана. Помнил ритмичное «шурх-шурх» «дворников», мерцание индикаторов на приборной доске, которая теперь оказалась над головой. Он нашел застезжку ремня, тут же потерял, снова нашел и нажал на кнопку. Ремень поддался, и Генри неловко упал, стукнувшись о крышу плечом и разбив пластиковый потолочный плафон. Неуклюже пошарив рукой по дверце, он нашел ручку, попытался открыть, но ничего не получалось.

– Моя нога! Ах ты с-сука!..

– Заткнись, – велел Генри. – Ничего с твоей ногой не случилось.

Можно подумать, он точно знал.

Генри снова отыскал ручку, нажал, но дверца не открывалась. Наконец он сообразил, в чем дело: машина лежит вверх колесами, и он тянет не в ту сторону. Он возобновил усилия под беспощадным светом обнажившейся лампы бывшего потолочного плафона, и дверца щелкнула. Он толкнул ее ладонью, почти уверенный, что ничего не выйдет: раму наверняка погнуло, и повезет еще, если удастся отвести, приоткрыть щель дюймов на шесть.

Но дверца закрипела, и в лицо ударила целая пригоршня снега, обожгла холодом лицо и шею. Генри приналег плечом, но только когда ноги оторвались от рулевой колонки, сообразил, что фактически висит в воздухе. И сейчас, сделав нечто вроде сальто, вдруг обнаружил, что пристально рассматривает свой, затянутый в джинсы пах, словно решил попробовать поцеловать ноющие яйца, как обычно делают дети, когда хотят, чтобы «бо-бо» прошло. Диафрагма сплюснулась вдвое под самым невероятным углом, и дышать становилось все труднее.

– Генри, помоги! Я застрял! *Застрял*, мать твою!

– Минутку! – прохрипел он каким-то чужим, сдавленным голосом. Даже из этого положения он видел, что верх левой штанины потемнел от крови. Ветер в соснах гудел, как холодильник «Электролюкс» самого Господа Бога.

Генри схватился за дверцу, тихо радуясь, что вел машину в перчатках, и дернулся что было сил: необходимо во что бы то ни стало выбраться, освободить диафрагму, иначе он задохнется. Еще мгновение, и он вылетел наружу, как пробка из бутылки. Какое-то время он не мог двинуться: просто лежал, отдуваясь, смагивая налипшие на веки снежинки, глядя на переливающуюся, колышущуюся снежную сеть. Небо над головой было совершенно обычным, как всегда, ничего странного, он готов был в этом поклясться в суде на всех Библиях

мира. Только низко нависшие серые брюшки облаков и психоделическое обвальное мелькание снега.

Пит звал его с нарастающей паникой.

Генри перевернулся, встал на колени, понял, что, кажется, обошлось, и осмелился подняться. Постоял, качаясь на ветру, опасаясь, что раненая нога подломится и снова опрокинет его в снег, но устоял. Тряхнул головой и, ковыляя, обошел «скаут» посмотреть, чем можно помочь Питу. И мельком глянул в сторону женщины, из-за которой они попали в этот чертов переплет. Она по-прежнему сидела в позе лотоса посреди дороги, полузанесенная снегом. Жилет развевался и хлопал по ветру, с ушанки все так же радостно подмигивали ленточки. Она даже не обернулась посмотреть на них и по-прежнему пялилась в сторону магазина Госслина. Широкий изгибающийся след протектора прошел примерно в футах от ее согнутой ноги, и Генри до сих пор не мог понять, как ему удалось ее объехать.

– Генри! Генри, да помоги же!

Он похромал по глубокому снегу к противоположной дверце. Ее заклинило, но когда Генри снова встал на колени и дернул обеими руками, она нехотя приоткрылась. Генри снова плюхнулся на колени, стиснул плечо Пита и потянул. Ничего.

– Отстегни ремень, Пит.

Пит повозился немного, но так и не смог найти пряжку, хотя она красовалась прямо на животе. Осторожно, без малейшего признака нетерпения (похоже, он все еще был в шоке) Генри отстегнул пряжку, и Пит мешком свалился на крышу. Голова бессильно свесилась набок. Пит взвизгнул от боли и удивления, но тут же сообразил, что делать, и, извиваясь ужом, выполз из полуоткрытой дверцы. Генри подхватил его под мышки и оттащил подальше. Оба свалились в снег, и Генри вдруг поразило мгновенное дежавю, столь сильное и неожиданное, что он едва не потерял сознание. Разве не так они играли детьми? Ну конечно! Как в тот день, когда научили Даддитса лепить снежных ангелов.

Откуда-то донесся пронзительный смех, и Генри растерянно вздрогнул. И тут же осознал, что смеется он сам. Пит резко сел – широко открытые безумные глаза, залепленная снегом спина, сжатые кулаки – и немедленно набросился на Генри.

– Какого хрена ты ржешь? Этот козел едва не отправил нас на тот свет! Удушью сукина сына!

– Не сына, а саму суку, – поправил Генри, смеясь еще громче. Вполне возможно, что Пит не расслышал его за воем ветра, но какая разница! Как давно ему не было так легко!

Пит без особых усилий поднялся с земли, и Генри уже хотел изречь что-то мудрое вроде того, что тот исключительно легко двигается для человека со сломанной ногой, но тут Пит снова рухнул, вопя от боли. Генри подошел ближе и пощупал вытянутую ногу Пита. Похоже, все в порядке, хотя разве можно определить наверняка сквозь два слоя одежды?

– Она все-таки не сломана, – сказал Пит, морщась от боли. – Мениск потянул, совсем как когда играл в футбол. Где она? Это точно женщина?

– Да.

Пит встал и, волоча ногу, обошел машину спереди. Оставшаяся фара по-прежнему героически освещала снег.

– Если выяснится, что она не калека и не слепая, за себя не отвечаю, – объявил он Генри. – Отвешу такого пенделя, что мигом долетит до лавки Госслина.

Генри снова разобрал смех, стоило представить, как Пит, подпрыгивая на здоровой ноге, пинает незнакомку больной. Совсем как блядские «Рокеттс»¹³!

– Пит, не смей ее трогать! – закричал он, сильно подозревая, что всякий эффект от строгого приказа будет уничтожен приступами маниакального хохота.

¹³ Женский танцевально-вокальный ансамбль, славящийся кордебалетом. – *Примеч. пер.*

– Не стану, если она не будет огрызаться, – пообещал Пит тоном оскорбленной старой девы, что вызвало новый приступ смеха. Немного отдышавшись, Генри спустил джинсы и кальсоны, чтобы взглянуть на рану. Оказалось, что это всего лишь царапина длиной дюйма три на внутренней стороне бедра. Правда, кровь еще не совсем унялась, но Генри показалось, что ничего особенно страшного нет.

– Какого дьявола вы тут вытворяете? – крикнул Пит с другого бока перевернутой машины, «дворники» которой продолжали скорбно шуршать. Хотя тирада была, как всегда, сдобрена ядреным словом (печальное влияние Бивера и биверизмов), Генри снова пришла на ум оскорбленная пожилая леди-учительница, что привело к очередному приступу веселья.

Он рывком подтянул штаны и выпрямился.

– Почему восседаете здесь посреди долбаной дороги в самую гребаную метель? Пьяны? Обширились? Что вы за безмозглая телка? Эй, отвечайте же! Мы с другом едва не откинули копыта из-за вас, можно бы по крайней мере... ох, МАТЬ ТВОЮ!

Генри подбежал как раз вовремя, чтобы увидеть, как Пит падает рядом с неподвижной мисс Буддой. Должно быть, опять коленка подвела. Женщина даже не повернула головы. Оранжевые ленты реяли за спиной. Лицо обращено к метели, широко раскрытые глаза не мигают, даже когда снежинки, залетающие в них, тают на теплых живых линзах, и Генри, невзирая на обстоятельства, вдруг ощутил профессиональное любопытство. На что же они наткнулись?

3

– О-о, сучье вымя, распротак тебя и этак, до чего же ПАРШИВО!

– Ну как ты? – спросил Генри и снова захохотал. Что за дурацкий вопрос!

– А как по-твоему, шринки-бой? – съязвил Пит, но когда Генри нагнулся над ним, слабо махнул рукой: – Нет, я в порядке, лучше проверь принцессу Дермостана. С чего это она тут уселась?

Генри, кривясь от боли, опустился на колени перед женщиной. Ныло все тело: ноги, ушибленное о крышу плечо, а шею было трудно повернуть, но, несмотря на все это, он по-прежнему посмеивался.

Незнакомка нисколько не походила на деву в беде. Лет сорока, некрасивая и плотно сбитая. Хотя парка казалась довольно толстой, да и под низ наверняка было немало чего надето, все же она заметно топорщилась спереди, выпирающими выпуклостями, специально для которых, видимо, и была изобретена операция по уменьшению груди. Волосы, выбившиеся из-под клапанов ушанки, очевидно, были подстрижены наспех и кое-как. Она тоже носила джинсы, но из одной ее ляжки можно было выкроить два бедра Генри. Первое определение, которое пришло ему на ум, было: деревня. Из тех, что вечно развешивают бельишко на захламленном дворе, рядом со своим экстра-широким трейлером, а из приемника, выставленного в открытом окне, несется очередная попса... В крайнем случае покупает бакалею у Госслина... чем ей еще заняться? Правда, оранжевый жилет и ленты указывают на то, что она приехала охотиться, но в таком случае, где же ее ружье? Снегом замело?

В широко раскрытых синих глазах не было ни проблеска мысли. Совершенно пустые. Генри искал следы, но ничего не нашел. Наверняка успели скрыться под снегом.

Но что-то было во всем этом неестественное. Откуда она свалилась? С неба?

Генри стащил перчатку и пощелкал пальцами перед ее невидящими глазами. Она моргнула. Не слишком много, но куда больше, чем он ожидал, если учесть тот факт, что многотонная махина только сейчас пронеслась в шаге от нее, а она и не дернулась.

– Эй, – заорал он что есть мочи. – Эй, очнитесь! Очнитесь же!

Он снова щелкнул онемевшими пальцами: когда они успели так замерзнуть. *Ну мы и попали!* – подумал он. – *Вот так влипли!*

Женщина рыгнула. Звук показался поразительно громким, заглушившим даже шум ветра, и прежде чем его унесло, Генри ощутил горьковатый резкий запах, что-то вроде медицинского спирта. Незнакомка заерзала, поморщилась и испустила газы с рокотом, похожим на мурлыканье заведенного мотора. *Может, подумал Генри, это местный способ здороваться?*

Эта мысль снова его рассмешила.

– Охренеть, – прошептал Пит ему в ухо. – Нужно проверить, у нее штаны целы после такого выхлопа? Ну и ну! Что вы пили, леди, политуру? Она пила что-то, и будь я проклят, если это не антифриз.

Генри согласно кивнул.

Глаза женщины неожиданно ожили, встретились со взглядом Генри, и тот был потрясен увиденной в них болью.

– Где Рик? – спросила она. – Я должна найти Рика, он единственный, кто остался.

Она растянула губы в уродливой гримасе, и Генри заметил, что во рту не хватает половины зубов, а оставшиеся выглядят колющими покосившейся изгороди. Она снова рыгнула, и Генри даже зажмурился от едкого запаха.

– Господи Иисусе! – взвизгнул Пит. – Да что это с ней?

– Не знаю, – пожал плечами Генри, с тревогой заметив, что глаза женщины снова остекленели. Кажется, дело плохо. Будь он один, можно было бы сесть рядом с женщиной и обнять ее за плечи: куда более интересное и, вне сомнения, оригинальное решение его последней проблемы, чем Выход Хемингуэя. Но нужно еще позаботиться о Пите, Пите, не успевшем пройти даже первый этап лечения от алкоголизма, хотя, возможно, все еще впереди.

И кроме того, его разбирало любопытство.

4

Пит сидел в снегу, растирая колено и поглядывая на Генри. Ждал, что тот предпримет. Что ж, вполне справедливо, Генри достаточно часто приходилось выполнять роль мозгового центра этой четверки. Лидера у них не было, но Генри считался чем-то вроде. Так повелось еще со школы.

Женщина, однако, ни на кого не смотрела. Снова тупо пялилась в снежное пространство.

Остынь, велел себе Генри. *Вздыхни поглубже и остынь*.

Он набрал в грудь побольше воздуха, задержал и медленно выдохнул. Лучше. Немного лучше. Итак, что же все-таки с дамой? Не важно, откуда она явилась, и что здесь делает, и почему от нее несет вонью разбавленного антифриза. Что с ней творится именно сейчас?

Шок, очевидно. Шок настолько сильный, что вылился в нечто вроде ступора, недаром же она даже не дрогнула, когда «скаут» пронесся едва не по ногам. И все же она не ушла в себя настолько глубоко, что только гипноз мог бы вывести ее из этого состояния: среагировала на щелчок пальцев и заговорила. Справлялась о каком-то Рике.

– Генри...

– Помолчи секунду.

Он снова снял перчатки, вытянул руки и хлопнул в ладоши перед ее лицом. И хотя звук был очень тихий по сравнению с буйной музыкой ветра, она снова моргнула.

– Встать!

Генри схватил ее за руки и даже обрадовался, ощутив конвульсивноежатие ее пальцев. Он подался вперед, морщась от запаха эфира. Любой человек, испускающий такую вонь, не может быть здоров.

– Ну же, вставайте! Со мной! На счет «три». Раз, два, ТРИ!

Он потянул ее вверх. Она поднялась, пьяно пошатываясь, и снова рыгнула. И одновременно испустила ветры. Ушанка сползла на один глаз. Видя, что она и не пытается ничего сделать, Генри приказал:

– Поправь ей шапку!

– Что?

Пит тоже встал, хотя не слишком уверенно держался на ногах.

– Не хочу ее отпускать. Открой ей глаза и нахлобучь шапку покрепче.

Пит нехотя послушался. Женщина слегка наклонилась, скорчила гримасу, пукнула.

– Большое спасибо, – кисло пробурчал Пит. – Вы очень добры, спокойной ночи.

Почувствовав, что женщина обмякла, Генри сильнее сжал руки.

– Шагайте! – заорал он ей прямо в лицо. – Шагайте вместе со мной. На счет «три». Раз, два, ТРИ!

Он повел ее к капоту «скаута». Теперь она уставилась на него, и он старался удержать ее взгляд. Не оборачиваясь к Питу (не хотел рисковать снова ее потерять), он велел:

– Держись за мой ремень. Веди меня.

– Куда?

– Вокруг «скаута».

– Не уверен, что смогу...

– Придется. А теперь делай что говорят.

Прошло не меньше минуты, прежде чем он ощутил пробравшуюся под куртку руку Пита. Тот вцепился в его ремень, и все трое медленно поплелись через узкую полосу дороги, в неуклюжей конге, сквозь желтый неподвижный свет уцелевшей фары. Здесь по другую сторону огромной беспомощной туши «скаута» они по крайней мере были защищены от ветра. Уже неплохо.

Вдруг женщина резко выдернула руки и нагнулась, широко разинув рот. Генри проворно отступил, не желая получить в лицо струю рвоты, но вместо этого она оглушительно рыгнула и тут же испустила ветры. Такого грома Генри еще не доводилось слышать, а он мог бы поклясться, что всего наслушался за всю жизнь в больничных палатах северного Массачусетса. Однако она удержалась на ногах, шумно вдыхая воздух носом.

– Генри, – охнул Пит, хриплым то ли от ужаса, то ли от благоговения голосом. – Господи, Генри, смотри!

Он потрясенно уставился в небо. Мельком отметив, что челюсть у приятеля как-то странно отвисла, Генри последовал его примеру и глазам не поверил. По низко нависающим облакам медленно скользили круги ярких огней. Генри, жмурясь, принялся считать, но все сбивался. Девять или десять? Он вспомнил о прожекторах, пронзавших небо на голливудских премьерах, но откуда здесь прожекторы? А если бы и были, они наверняка увидели бы столбы света, поднимавшиеся в снежном воздухе. Источник света явно находился то ли над облаками, то ли прямо в облаках, но уж никак не ниже. Огни хаотически метались взад-вперед, и Генри охватил внезапный атактистический ужас... поднимающийся изнутри... из самых глубин. Спинной мозг мгновенно превратился в ледяной столп.

– Что это? – почти заскулил Пит. – Иисусе, Генри, что это?!

– Я не...

Женщина подняла голову, увидела пляшущие огни и принялась визжать, на удивление громко, истошно и с таким ужасом, что Генри самому захотелось завывать.

– Они вернулись! Вернулись! Вернулись! – вопила она.

Генри хотел было успокоить ее, но женщина прислонилась головой к шине «скаута» и закрыла руками глаза. Она больше не кричала, только тихо стонала, как попавшее в капкан животное, без всякой надежды освободиться.

5

Неизвестно, сколько времени (возможно, не более пяти минут, хотя, казалось, гораздо дольше) они наблюдали игру огней на небе. Цветные круги подскакивали, раскачивались, подмигивали, метались влево и вправо – словно бы играли в чехарду. В какой-то момент Генри сообразил, что их осталось всего пять, а потом исчезли еще два. Женщина, по-прежнему уткнувшись в шину, снова пукнула. Генри вдруг осознал, что они торчат в снежной пустыне, глаза на нечто вроде небесного явления, скорее всего оптического, очевидно, последствия снегопада, пусть и занятного, но вряд ли способствующего их скорейшему возвращению в безопасное место. Он отчетливо вспомнил последние показания одометра: 12,7. До «Дыры в стене» почти десять миль, немаленькое расстояние даже в самых благоприятных обстоятельствах, а тут... метель вот-вот перейдет в бурю. Не говоря уже о том, что он единственный может идти.

– Пит!

– Это что-то! – выдохнул Пит. – НЛЮ хреново, клянусь, как в «Секретных материалах»! Как по-твоему...

– Пит! – Он ухватил Пита за подбородок и повернул его лицом к себе. Наверху таяли два последних огня. – Это какие-то электрические разряды, только и всего.

– Ты так думаешь? – Пит выглядел абсурдно разочарованным.

– Да, что-то связанное с бурей. Но даже если это первая волна Бабочек-Инопланетян с планеты Алнитак, вряд ли это будет иметь какое-то значение, если мы все превратимся в эскимо на палочке. Ты мне нужен. Вспомни свой коронный трюк. Сумеешь?

– Не знаю, – сказал Пит, бросив последний взгляд на небо. Там оставался только один круг и то уже почти неразличимый. – Мэм? Мэм, они вроде как исчезли. Теперь самое время оттаять. Ну как?

Женщина не ответила, по-прежнему прижимаясь к шине. Ленты на ушанке негромко хлопали. Пит вздохнул и повернулся к Генри:

– Что тебе нужно?

– Знаешь шалаши лесорубов вдоль дороги? – Таких было всего восемь или девять. Всего-навсего четыре столба, накрытых куском ржавой жести. Рабочие бумагоделательной фабрики хранили там до весны бревна и кое-какое оборудование.

– Еще бы, – кивнул Пит.

– Можешь вспомнить, какой ближе всего?

Пит закрыл глаза, поднял палец и стал двигать им взад-вперед, одновременно прищелкивая языком. Старая манера, еще со школы. Не такая давнишняя, как привычка Бивера жевать карандаши и зубочистки или любовь Джоунси к детективам и ужастикам, но все же многолетняя. И Пит ни разу не ошибался. Оставалось надеяться, что и сейчас не подведет.

Женщина, возможно, уловив тихие, тикающие звуки, подняла голову и огляделась. На лбу чернело большое пятно, оставленное шиной.

Пит наконец открыл глаза.

– Прямо тут, – заявил он, показывая в направлении «Дыры в стене». – Вон за тем поворотом будет холм. Перевалить через него, и дальше по прямой. Совсем недалеко. По левой стороне. Часть крыши обвалилась. У какого-то Стивенсона там шла носом кровь.

– Правда?

– Да ну, старик, не знаю, – смутился Пит.

Генри смутно припомнил убогий приют... а то, что крыша обвалилась, даже неплохо: если жезл достает до земли, будет хоть к чему прислониться.

– Недалеко – это сколько?

– С полмили. Самое большее – три четверти.

– И ты уверен.

– Точно.

– Можешь со своим коленом проковылять столько?

– Думаю, да, а вот она как?

– По-моему, она приходит в себя, – кивнул Генри. Положив руки на плечи женщины, он повернул ее к себе, так, что они оказались почти нос к носу. Несло у нее изо рта омерзительно: антифриз с примесью чего-то органического, масляного... но он не пытался отодвинуться. – Нужно идти, – объяснил он, без крика, но громко и повелительно. – Шагаем вместе по счету «три». Один, два, ТРИ!

Он взял ее за руку и, обогнув «скаут», вывел на дорогу. После мгновенного сопротивления она покорно последовала за ним, казалось, не чувствуя ни холода, ни ветра. Так продолжалось минут пять, но тут Пит снова пошатнулся.

– Подожди, – выдавил он. – Чертово колено опять фокусничает.

Нагнувшись, он принялся массировать колено. Генри посмотрел на небо. Ничего.

– Ну как ты? Сможешь добраться?

– Смогу, – сказал Пит. – Давай, вперед.

6

Они благополучно добрались до середины склона, и тут Пит со стоном упал, матерясь и хватаясь за ногу. Заметив взгляд Генри, он издал странный горловой звук, что-то среднее между смехом и рычанием:

– Не волнуйся. Малютка Пит доползет.

– Уверен?

– Угу. – И к ужасу Генри (к которому примешивалось, как ни странно, веселье, мрачное веселье, последнее время не покидавшее его ни на минуту), Пит принялся молотить кулаками несчастную коленку.

– Пит...

– Отпускай, чертова тварь, отпускай! – вопил Пит, полностью игнорируя приятеля. Все это время женщина стояла, сгорбившись, не обращая внимания на то, что ветер дует в спину и оранжевые ленты лезут в глаза. Неподвижная, молчаливая, как выключенный станок.

– Пит?

– Все нормально, – отмахнулся Пит, устало глядя на Генри, но в глубине глаз тоже мелькали смешливые искорки. – Мы в полном дерьме или нет?

– В полном.

– Вряд ли я дошагаю до самого Дерри, но уж до этой развалюхи дотопаю. – Он протянул Генри руку: – Помоги встать, вождь.

Генри послушно рванул его с земли, и Пит поднялся, скованно, неуклюже, словно у него затекли ноги. Постояв немного, он кивнул:

– Пойдем. Поскорее бы убраться подальше от ветра. Черт возьми, нужно было захватить пару бутылок пива.

Они вскарабкались на вершину холма. На другой стороне ветер не так свирепствовал. К тому времени, как они спустились, Генри позволил себе надеяться, что хотя бы эта часть их путешествия окончится благополучно. Но на полпути к темнеющему остоу убежища женщина рухнула, сначала на колени, потом лицом вниз. И осталась лежать неподвижно,

чуть повернув голову, только пар, вырывающийся из рта, служил признаком того, что она еще жива (*ах, насколько все было бы проще, замерзши она несколько часов назад*, подумал Генри). Немного отдохнув, она легла на бок и утробно рыгнула.

– Ах ты, надоедливая п...а! – сказал Пит не зло, скорее устало, и глянул на Генри. – Ну, что теперь?

Генри опустил на колени, кричал на нее, щелкал пальцами, хлопал в ладоши, считал до трех. Бесполезно.

– Останься с ней. Может, я найду что-то вроде волокуши.

– Желаю удачи.

– Можешь предложить что-то другое?

Пит, поморщившись, уселся в снег и вытянул перед собой больную ногу.

– Нет, сэр, – вздохнул он. – Все блестящие мысли истощились.

7

Генри добрался до хижины минут за шесть. Раненое бедро онемело, но он старался не обращать внимания. Если дотащить сюда Пита и женщину и если «арктик кэт»¹⁴, стоявший без дела в «Дыре в стене», заведется, все еще может обойтись. И черт возьми, интересная штука эти небесные огни...

Крыша из рифленого железа обвалилась очень удачно. Перед, выходивший на дорогу, оставался открытым, но упавший лист образовал заднюю стенку, и из неглубокого сугроба выглядывал кусок грязно-серого брезента, усыпанный опилками и щепками.

– Есть! – крикнул Генри, хватая примерзший брезент. Оторвать его от земли удалось не сразу, но в конце концов ткань с треском поддалась, напомнив Генри о звуках, издаваемых женщиной. Таща за собой брезент, он устремился туда, где оставил Пита и незнакомку.

Пит по-прежнему сидел в снегу рядом с бесчувственной женщиной, неестественно выставив ногу.

8

Все оказалось куда легче, чем посмел надеяться Генри. Самым трудным было взвалить ее на брезент, дальше все пошло как по маслу. Несмотря на свой вес, она скользила по снегу, как на санях. Генри тихо радовался холоду. Будь сейчас градусов на пять теплее, мокрый снег прилипал бы к ткани. Да и дорога была совсем короткой.

Снег уже доходил до щиколоток и валил все гуще, но и снежные хлопья стали крупнее. Как они горевали, увидев такие в детстве! «Кончается!» – говорили они друг другу, скорбно вздыхая.

– Эй, Генри! – окликнул Пит, чуть задышавшись, но это уже не имело значения: до хижины было рукой подать. Да и Пит старался беречь ногу и семенил, почти не сгибая колена.

– Что?

– Последнее время я часто вспоминаю Даддитса... и... ну, не странно ли?

– Нет костяшек, – не задумываясь, сказал Генри.

– Точно, – нервно подхватил Пит. – «Нет костяшек, нет игры». Не думаешь, что это странно?

– Если это так, – ответил Генри, – мы оба не в себе.

– Ты это о чем?

¹⁴ Марка снегохода. – *Примеч. пер.*

– Я сам часто думаю о Даддитсе. С прошлого марта. Мы с Джоунси собирались поехать к нему...

– Правда?

– Да. Но Джоунси как раз сбила машина.

– Спятивший старый мудака! Как только ему разрешили сесть за руль! – взорвался Пит. – Джоунси чудом остался в живых!

– Именно чудом, – кивнул Генри. – Остановка сердца в машине «скорой». Едва спасли. Пит замер с открытым ртом.

– Нет, правда? Так паршиво? Так близко?

Генри только сейчас понял, что проболтался.

– Да, только держи язык за зубами. Карла мне сказала, но Джоунси, похоже, не знает. А я так... – Он неопределенно махнул рукой, но Пит понимающе кивнул. «А я так ничего и не почувствовал», – хотел сказать Генри.

– Не волнуйся, я нем как рыба, – заверил Пит.

– Да уж, постарайся.

– Так вы и не добрались до Дадса.

– Не пришлось, – покачал головой Генри. – За всеми этими треволнениями с Джоунси я совсем забыл. Тут и лето настало, знаешь, как одно цепляется за другое...

Пит сочувственно вздохнул.

– Но поверишь, я тоже думал о нем, совсем недавно. У Госслина.

– Малыш в цветастой рубашонке? – спросил Пит. Каждое слово вырывалось изо рта облачками пара.

Генри кивнул. «Малышу» вполне могло быть лет двадцать – двадцать пять. Трудно сказать, когда речь идет о даунах. Рыжеволосый, семеновавший по центральному проходу маленького темного магазинчика, рядом с женщиной, похоже, отцом: та же охотничья куртка в черно-зеленую клетку и, что важнее всего, с такими же морковными волосами, только поредевшими настолько, что местами проглядывал голый череп. И взгляд предостерегающий, ясно говоривший: «Попробуйте словом обмолвиться насчет моего парня, худо придется».

И, разумеется, никто из них слова не сказал, в конце концов они отмахали двадцать миль от «Дыры в стене», чтобы запастись пивом, хлебом и хот-догами, а не нарываться на неприятности. Кроме того, они когда-то знали Даддитса... собственно говоря, почему знали... знают и сейчас, посылают подарки на Рождество, открытки на дни рождения Даддитса, который когда-то, по-своему, на свой особый, своеобразный манер, был одним из них. Правда, Генри вряд ли мог признаться Питу, что думает о Дадсе в самые неподходящие моменты. Моменты? Да нет, с тех пор, как шестнадцать месяцев назад понял, что хочет покончить с собой, и все, что он делает и говорит, стало либо способом оттянуть неизбежное, либо подготовкой к грядущему событию. Иногда он даже видел во сне Бива, твердившего: «Дай я это улажу, старик...», и Даддитса, с любопытством повторявшего: «Сто увадис?»

– Нет ничего странного в том, что мы вспоминаем Даддитса, Пит, – сказал он, втаскивая импровизированные санки в шалаш и тяжело отдуваясь. – Мы мерили себя по Даддитсу. Даддитс – самое светлое, что было в нашей жизни. Наш звездный час.

– Ты так считаешь?

– Угу. – Генри поспешно плюхнулся на снег, решив отдышаться, прежде чем переходить к следующему пункту плана. Сколько там на часах? Почти полдень. К этому времени Джоунси и Бивер наверняка поняли, что дело не только в метели и что им пришлось худо. Может, догадаются завести снегоход (*если он работает*, напомнил себе Генри, *если чертова таратайка работает*) и отправятся на поиски. Это сильно упростит ситуацию.

Он оглядел лежавшую на брезенте женщину. Растрепанные волосы закрывали один глаз, второй с леденящим безразличием смотрел на Генри, вернее, сквозь него.

Генри свято верил, что перед всеми детьми рано или поздно встает необходимость самозащиты и что одиночки действуют куда менее решительно, чем детские стаи. Очень часто это выливалось в неоправданную жестокость. Генри и его друзья вели себя прилично, неизвестно по какой причине. Правда, в конце концов это, как и все остальное, особого значения не имеет, но не вредно помнить, что когда-то ты боялся последствий и был паинькой.

Он сказал Питу о своих планах, объяснил, что требуется от Пита, и тяжело поднялся. Пора начинать. Нужно во что бы то ни стало добраться до «Дыры», пока не стемнеет. Чистое, безопасное, теплое место...

– Ладно, – нехотя согласился Пит. – Будем надеяться, что она не откинет копыта. И что эти огни не вернутся. – Вытянув шею, он взглянул на небо, но ничего не увидел, кроме темных, нависших над головой туч. – Как по-твоему, что это было? Что-то вроде молнии?

– Эй, да ты прямо-таки эксперт по космосу, – усмехнулся Генри. – Лучше насобирай щепок, для этого даже вставать не придется.

– На растопку?

– Сообразил, – кивнул Генри и, переступив через женщину, направился к опушке леса, где валялись бревна потолка. Впереди примерно девять миль. Но сначала они разведут костер. Высокий жаркий костер.

Глава 4

Маккарти идет в сортир

1

Джоунси и Бивер, сидя на кухне, играли в криббидж, который называли попросту игрой. Память о Ламаре, отце Бивера, который всегда именовал ее так, словно, кроме этой, на свете других игр не было. Для Ламара Кларендона, жизнь которого вращалась вокруг его строительной компании в центральном Мэне, криббидж, вполне вероятно, и был таковой. Способ убить вечера для тех, кто полжизни проводит в лагерях лесорубов, железнодорожных вагончиках и строительных трейлерах. Доска со ста двадцатью отверстиями, четыре колышка и старая засаленная колода карт. Если все это у вас имеется, считайте, вы в деле.

В криббидж чаще всего играли, чтобы скоротать время: пока пройдет дождь, прибудет заказанный груз или из магазина приедут задержавшиеся друзья и подскажут, что делать со странным парнем, лежащим за закрытой дверью спальни.

Если не считать того, думал Джоунси, что больше всего нам нужен Генри. Пит – что-то вроде приложения. Только Генри знает, что делать. Бивер прав – без Генри, как без рук.

Но Пит и Генри все не ехали. Пока еще для настоящей тревоги слишком рано, возможно, они задержались из-за снегопада, но Джоунси уже начинал беспокоиться, и Биверу, наверное, тоже не по себе. Никто пока не высказал опасений вслух: в конце концов до вечера далеко, и все еще может обойтись, но невысказанная мысль уже витала в воздухе.

Джоунси постарался сосредоточиться на доске и картах, но продолжал поглядывать на дверь спальни. Скорее всего Маккарти уже спит, но, черт возьми, не нравилось ему лицо этого парня!

Джоунси подметил, что и Бив искоса посматривает в ту же сторону.

Джоунси перетасовал древнюю колоду, сдал себе пару карт и отложил криб¹⁵, когда Бив щелчком подвинул к нему еще две. Бивер снял, и начало было разыграно: в ход пошли колышки¹⁶.

«Можешь сколько угодно отмечать ход и все же с треском проиграть, – твердил Ламар, с его вечной сигаретой «Честерфилд», свисавшей с уголка губ, и кепчонкой с гордым логотипом «Кларендон констракшн», неизменно надвинутой на левый глаз, как у человека, который знает тайну, но согласится выдать только за подходящую цену, Ламар Кларендон, порядочный работающий папочка, умерший от инфаркта в сорок восемь, – зато если отмечаешь ход, тебя никогда не обьегорят».

Нет игры, думал Джоунси. Нет костяшек, нет игры.

И тут же по ушам ударил тот чертов дрожащий голос, из больничных кошмаров: *Пожалуйста, перестаньте, я этого не вынесу, сделайте укол, где Марси?*

Господи, ну почему мир так жесток? Почему так много оскалившихся зубьями шестеренок готовы перемолоть твои пальцы, почему так много приводов, передач, колес и еще бог знает чего готовы расщепить каждую твою кость?

– Джоунси?

– Что?

– Ты в порядке?

¹⁵ четыре сброшенные карты в криббидже. – *Примеч. пер.*

¹⁶ колышками отмечается ход при игре в криббидж. – *Примеч. пер.*

- Да, а в чем дело?
- Ты весь трясешься.
- Правда? – Что тут спрашивать, он и сам это знал.
- Честное слово.
- Наверное, сквозняк. Не чувствуешь никакого запаха?
- От него?
- Ну не от подмышек же Мэг Райан! От него, разумеется.
- Нет, – сказал Бивер. – Пару раз мне казалось... наверное, воображение разгулялось.

Когда кто-то все время пердит... ну, знаешь... и к тому же...

- Да, вонь ужасная.
- Да. И отрыжка тоже. Я думал, он наизнанку вывернется. Честно.

Джоунси кивнул. *Я боюсь. Сижусь здесь, напуганный до усеру, в метель, и жду. Жду Генри, черт бы все побрал. Вот так, подумал он.*

- Джоунси!
- Ну что тебе? Мы собираемся доигрывать партию или нет?!
- Естественно, но... как по-твоему, Генри и Пит доберутся?
- Откуда, черт возьми, мне знать?
- У тебя никакого... предчувствия? Может, видение...
- Я не вижу ничего, кроме твоей физиономии.

Бив вздохнул:

- Но все же, думаешь, с ними все нормально?
- Думаю, все. – Джоунси украдкой глянул сначала на часы – половина двенадцатого, –

а затем на закрытую дверь, за которой прятался Маккарти. Посреди комнаты, в потоках восходящего воздуха, медленно поворачивался и колыхался Ловец снов. – Сам видишь, какой снег. Они вот-вот появятся. Ну же, давай играть.

- Давай. Восемь.
- Пятнадцать за два.
- Твою мать! – Бивер сунул в рот зубочистку. – Двадцать пять.
- Тридцать.
- Дальше.
- Один за два.

– Срань господня! – невесело хмыкнул Бивер, поняв, что дела его плохи. – Ты только что в зад мне эти проклятые колышки не втыкаешь каждый раз, когда сдаешь.

- Почему же? И когда сдаешь ты, картина та же самая. Нечего болтать, играй.
- Девять.
- Шестнадцать.

– И одна за последнюю карту, – объявил Бив с таким видом, словно одержал моральную победу. Он встал. – Выйду на крыльцо, отолю.

- Это еще зачем? У нас вполне нормальный сортир, на случай, если ты не знаешь.
- Знаю. Просто хочу проверить, не разучился ли еще писать свое имя на снегу.
- Ты когда-нибудь повзрослеешь? – засмеялся Джоунси.
- Ни за что, если это, конечно, в моей власти. И не шуми, парня разбудишь.

Джоунси сгреб карты и стал рассеянно тасовать, следя глазами за идущим к двери Бивером. Почему-то вспомнилась разновидность игры, в которую они играли детьми. Тогда они называли ее Игрой Даддитса и часами просиживали за ней в гостиной Кэвеллов. Криббидж как криббидж, только отмечать ходы поручали Даддитсу. «У меня десять, – говаривал Генри, – поставь колышек на десять, Даддитс». И Даддитс, расплываясь в добродушной улыбке, никогда не забывал осчастливить Джоунси, воткнув колышек на шесть, десять или любое число из ста двадцати. По правилам Игры Даддитса никто не имел права жаловаться,

говорить: «Даддитс, это слишком много, Даддитс, этого недостаточно». И, дьявол, как они веселились! Мистер и миссис Кэвелл иногда заглядывали в комнату и тоже смеялись, и как-то, вспомнил Джоунси, когда им было лет пятнадцать-шестнадцать, и Даддитсу, разумеется, тоже, Даддитс Кэвелл так и не вырос, и это было в нем самым прекрасным и пугающим, так вот, в тот раз Эйб Кэвелл вдруг заплакал, повторяя: «Мальчики, если бы вы только знали, что это значит для меня и для миссус, если бы вы только знали, что это значит для Дугласа...»

– Джоунси...

Голос Бивера ворвался в его мысли, глухой, странно блеклый, словно растерявший разом все интонации. Вместе с ним ворвался поток холодного воздуха, и Джоунси зябко поежился.

– Закрой дверь, Бив, ты что, морозоустойчивый?

– Иди сюда. Ты должен на это взглянуть.

Джоунси поднялся, подошел к двери и уже открыл было рот, чтобы выругать Бива, но тут же забыл, что хотел сказать. Во дворе теснились животные в количестве, достаточном для небольшого зоопарка, в основном олени, дюжины две ланочек и несколько самцов. Но тут же шныряли еноты, важно переваливались сурки и бесшумно, словно не касаясь снега, скользили белки. Со стороны сарая, где хранились снегоход, инструменты и запасные части, появились три огромные собаки, которых Джоунси сначала принял за волков. Но потом, заметив обрывок веревки на шее у одного, понял, что это скорее всего одичавшие псы. Все они карабкались вверх по склону Ущелья и явно перемещались к востоку. Джоунси заметил парочку диких кошек приличного размера, мчавшихся бок о бок с оленями, и даже протер глаза, словно не доверяя себе. Но кошки не исчезли, как, впрочем, олени, еноты, белки и сурки. Все они двигались без спешки и без паники, при пожарах так не бывает. Впрочем, и дымом не пахло. Никто никуда не убегал, они просто переселялись на другое место, уходя отсюда подальше.

– Господи Иисусе, Бив, – ошеломленно проговорил Джоунси.

Бив, задравший голову к небу, на миг опустил глаза и тут же снова уставился наверх.

– Лучше посмотри туда.

Джоунси последовал его примеру и зажмурился от слепящего света. Огни, красные, бело-голубые, ходили по небу кругами, зажигая облака, и до него вдруг дошло, что именно видел Маккарти, когда бродил по лесу. Они металась взад-вперед, ловко огибая друг друга, а иногда на мгновение сливаясь, излучая сияние такое нестерпимо яркое, что приходилось прикрывать глаза ладонью.

– Что это? – прошептал он.

– Не знаю, – ответил Бивер, не оборачиваясь. На бледном лице с пугающей отчетливостью выделялась щетина. – Но это *их* боятся животные. Поэтому и стараются убраться подальше.

2

Они простояли на крыльце с четверть часа, и до Джоунси внезапно донеслось тихое жужжание, как от трансформаторной будки. Джоунси спросил Бива, слышит ли он, и тот молча кивнул, не отрываясь от цветных танцующих сполохов размером, по мнению Джоунси, с крышку люка. И хотя так и не понял, кто издает эти звуки – животные или огни, все же не стал спрашивать. Да и речь отчего-то давалась с трудом, язык словно сковало страхом, изнурительным, лихорадочным, бесконечным, как гриппозный бред.

Наконец огни стали таять, и хотя Джоунси не видел, чтобы они мигали, с каждой минутой их становилось меньше. Поток животных тоже иссякал и назойливое жужжание отдалялось.

Бивер передернул плечами, словно пробуждаясь от морока.

– Камера! – воскликнул он. – Хочу сделать несколько снимков, пока все не исчезло.

– Вряд ли ты сумеешь...

– Хотя бы попробую! – почти прокричал Бивер и, тут же понизив голос, повторил: – Я должен попробовать. Может, поймаю в объектив оленей, прежде чем...

Повернувшись, он метнулся к кухне, вероятно, пытаясь припомнить, под какой грудой грязной одежды погребена его древняя исцарапанная камера, но тут же замер и сообщил мрачным, совершенно не в духе Бивера голосом:

– Ох, Джоунси, кажется, у нас проблема.

Джоунси бросил последний взгляд на оставшиеся огни (выцветающие, пропадающие) и обернулся. Бивер стоял у раковины, растерянно оглядывая центральную часть комнаты.

– Что? Что на этот раз?! – Этот противный, визгливый, чуть вибрирующий крик базарной бабы... неужели... неужели... его голос?

Бивер вытянул руку. Дверь в спальню, где они поместили Рика Маккарти... комнату Джоунси... была распахнута. Зато дверь в ванную, которую нарочно оставили открытой, чтобы Рик смог безошибочно откликнуться на зов природы, сейчас захлопнута.

Бивер повернул озабоченное, заросшее щетиной лицо к Джоунси.

– Этот запах... чуешь?

Джоунси чувствовал, несмотря на приток холодного воздуха из двери. Все тот же эфир или этиловый спирт, но с какой-то примесью. Экскрементов, это уж точно. И, возможно, крови. И еще чего-то типа метана, копившегося в шахте миллионы лет и теперь вырвавшегося на волю. Иными словами, не та вонь, над которой они хихикали в школьных походах. Куда гуще и несравненно ужаснее. Можно только сравнивать ее с обычными газами, потому что ничего другого на ум не приходило. Словно в ноздри бьет смрад разлагающегося трупа.

– Видишь? – прошептал Бив.

По доскам пола, от одной двери до другой, тянулась цепочка ярких алых пятен. Можно подумать, у Маккарти внезапно кровь носом хлынула.

Вот только Джоунси казалось, что нос тут ни при чем.

3

Из всех тех вещей, которые ему страстно не хотелось делать: сообщить брату Майку, что мама умерла от сердечного приступа, сказать Карле, что если она не завяжет со спиртным и колесами, он уйдет из дома, шепнуть Большому Лу, своему компаньону по палатке в Кэмп-Агавам, что тот намочил постель, – тяжелее всего было пройти эти несколько шагов и пересечь комнату. Все равно что брести куда-то в сонном кошмаре, когда плывешь над землей, даже не шевеля ногами, медленно, неведомо куда, как в вязком глицерине.

Только в дурных снах никогда не попадаешь в нужное место, а тут... им удалось перебраться на другой конец комнаты, так что, очевидно, никакой это не сон. Они застыли, тараща на кровавые брызги, не очень большие, самая внушительная размером с десятицентовик.

– Должно быть, очередной зуб выпал, – по-прежнему вполголоса проговорил Джоунси. – Больше ничего на ум не приходит.

Бив молча поднял брови и, очевидно, решившись, заглянул в дверь. И тут же поманил пальцем Джоунси. Тот боком, по стеночке, не желая терять из виду дверь ванной, подошел поближе. Одеяло было сброшено на пол, словно Маккарти вскочил внезапно и в большой спешке. На подушке еще сохранился отпечаток головы, матрац был примят. На нижней половине простыни расплывалось огромное кровавое пятно, казавшееся лиловым на синем фоне.

– По-моему, в том месте зубы не растут, – шепнул Бивер, перекусывая зубочистку. Острая щепка спланировала на пол. – Может, у него месячные?

Вместо ответа Джоунси показал в угол, где валялись залитые кровью кальсоны и шорты Маккарти. Хуже всего пришлось шортам: если бы не эластичный пояс и не оставшийся нетронутым клочок ткани, их можно было бы принять за непристойно красное сексуальное белье того типа, который любят носить голубые поклонники «Пентхауса», заранее решившие, что свидание с очередным возлюбленным непременно завершится в постели.

– Загляни в ночной горшок! – сказал Бивер.

– Почему бы просто не постучать в дверь ванной и не спросить, как он себя чувствует?

– Потому что, мать твою, я хочу понять, чего нам следует *ожидать*, неужели не ясно! – злобно прошипел Бивер и, погладив себя по груди, выплюнул остатки измочаленной зубочистки. – Старик, у меня, кажется, едет крыша.

Сердце Джоунси бешено колотилось. По лицу струился пот. Но тем не менее он ступил в комнату. Если большая часть помещений успела проветриться, то здесь все еще стоял невыносимый смрад дерьма, метана и эфира. Джоунси ощутил, как то небольшое, что он успел съесть, стало колом в желудке, и судорожно напрягся, чтобы удержаться от рвоты. Он шагнул к горшку, но никак не мог заставить себя заглянуть в него: мерещились всякие ужасы. Человеческие органы, плавающие в кровавом бульоне. Зубы. Отрубленная голова.

– Ну же, – сказал Бивер.

Джоунси зажмурился, нагнул голову, задержал дыхание и открыл глаза. Ничего. Ничего, кроме чистого фаянса, неярко поблескивавшего в свете плафона. Пусто. Он шумно выдохнул сквозь сжатые зубы и вернулся к Биву, стараясь не ступать на кровавые сгустки.

– Ничего, – сообщил он. – Хватит тянуть кота за хвост.

Они прошли мимо бельевого чулана и остановились у отделанной сосновыми панелями двери в туалет. Бивер вопросительно глянул на Джоунси. Тот покачал головой:

– Твоя очередь. Я только сейчас перебрался через минное поле.

– Это ты его нашел, – прошептал в ответ Бив, упрямо выдвинув челюсть. – Тебе с ним и возиться.

Только теперь Джоунси расслышал кое-что еще, расслышал, не прислушиваясь. Частично потому, что звук был таким знакомым, отчасти потому, что он просто помешался на Маккарти, человеке, которого едва не подстрелил. Похоже, этот шум все время оставался у него в подсознании: тихое «плюх-плюх-плюх», становившееся все громче. Доносившееся неизвестно откуда.

– О дьявол, сучье вымя, – выругался Джоунси, и хотя говорил обычным тоном, оба отчего-то подпрыгнули, как от удара грома. – Мистер Маккарти, – окликнул он, постучав. – Рик! У вас все в порядке?

Не ответит. Не ответит, потому что мертв. Мертв и восседает на троне, совсем как Элвис, подумал он.

Но Маккарти оказался жив.

– Мне что-то нехорошо, парни, – простонал он. – Нужно просидеться. Если мне удастся, я... – Он снова застонал и пукнул, тихо, почти мелодично. Джоунси поморщился. – ...я буду, как огурчик.

По мнению Джоунси, это было огромным преувеличением. Маккарти явно задыхался от боли.

И словно в подтверждение, Маккарти мучительно застонал. Послышался очередной мелодичный звук, и Маккарти вскрикнул.

– Маккарти! – Бивер взялся за ручку, но она не поворачивалась. Маккарти, их маленький сувенир из леса, запер дверь изнутри. Бив принялся дергать ручку. – Рик! Откройте, старина! – крикнул он, делая вид, будто ничего не произошло, будто все это очередная шутка,

ничего больше, веселый розыгрыш на лоне природы, но от этого выглядел еще более испуганным.

– Со мной все в порядке, – сказал Маккарти. – Я... парни, мне просто нужно освободить кишечник.

Последовала целая серия смрадных разрядов. Как, должно быть, глупо называть то, что они слышали, «газами» или «ветрами»: жеманные, как завитушки крема, определения. Звуки, доносившиеся из-под двери, были грубыми и какими-то мясистыми, словно треск разрывающейся плоти.

– Маккарти! – крикнул Джоунси, колотя в дверь. – Впустите нас!

Но хотел ли он действительно войти? Вовсе нет. Господи, как жаль, что Маккарти не бродит до сих пор по лесу или не набрел на кого другого! И хуже всего, миндалины в основании мозжечка, эта безжалостная рептилия, подсказывала, что лучше всего было бы с самого начала его пристрелить. «Относись к этому проще, дурачок», как говорится в программе Карлы «Анонимные наркоманы».

– Маккарти!

– Проваливайте! – с бессильной злобой отозвался Маккарти. – Неужели не можете убраться и оставить человека... дать человеку облегчиться? Господи!

«Плюх-плюх-плюх» – ближе и громче.

– Рик! – теперь уже кричал Бив, хватаясь за беспечный тон, как утопающий за соломинку. – Откуда у вас кровотечение?

– Кровотечение? – Маккарти искренне удивился. – С чего вы взяли?

Джоунси и Бивер в ужасе переглянулись.

«ПЛЮХ-ПЛЮХ-ПЛЮХ!»

Наконец Джоунси обратил внимание на странные шлепки и немедленно ощутил невероятное облегчение, поняв, что это такое.

– Вертолет! – охнул он. – Бьюсь об заклад, это его ищут!

– Ты так думаешь? – осведомился Бив с видом человека, услышавшего волшебное заклинание.

Джоунси кивнул. Правда, вполне возможно, что вертушка просто преследует странные небесные огни или пытается выяснить причину бегства животных, но он и думать не хотел о подобных вещах, плевать ему и на огни, и на животных. Главное – избавиться от Маккарти, сбить его с рук, благополучно отправить в Мэчиас или Дерри.

– Беги на улицу и маши флагом.

– Что, если...

«ПЛЮХ! ПЛЮХ! ПЛЮХ!» Одновременно из-за двери донеслась очередь натужных, трескучих звуков, сопровождаемых воплем Маккарти.

– Беги на крыльцо! – крикнул Джоунси. – Маши чем хочешь, но заставь этих мудаков сесть! Что хочешь делай, хоть сними штаны и танцуй канкан, только заставь их сесть!

– Ладно. – Бив повернулся к двери, но тут же дернулся и взвизгнул.

Сотни ужасов, о которых Джоунси старался не думать, внезапно вырвались из темной кладовки и, плотоядно хихикая, ринулись к свету. Однако это оказалась ланочка, неизвестно как попавшая на кухню. Вытянув изящную голову, она внимательно изучала стол-тумбу. Джоунси, глубоко, прерывисто вздохнув, припал к стене.

– Ничего себе, с понтом, но без зонта! – пробормотал Бивер и, немного опомнившись, надвинулся на животное. – Брысь отсюда, Мейбл! – велел он, хлопнув в ладоши. – Или не знаешь, какое время года? Ну же, вали, пока цела!

Ланочка чуть постояла, глядя на них огромными глазами, в которых светилась почти человеческая тревога, и повернулась, задев головой длинный ряд кастрюль, половников и щипцов, висевших над плитой. Кухонная утварь с громким звяканьем посыпалась на пол.

Олениха рванулась к двери, мелькнув крошечным белым хвостиком. Бивер последовал за ней, тоскливо озирая горку навоза на чистом линолеуме.

4

Великое переселение животных почти закончилось. Ланочка, изгнанная Бивером из кухни, пролетела над хромой лисицей, очевидно, потерявшей лапу в капкане, и исчезла в лесу. Откуда-то из нависших облаков, как раз над сараем, возник коричневый громыхающий вертолет размером с городской автобус с белыми буквами АНГ на борту.

АНГ? Какого черта это означает? Вероятно, авиация Национальной гвардии, из Бангора.

Вертолет неуклюже задрал корпус. Бивер ринулся во двор, лихорадочно размахивая руками.

– Эй, помогите! Нужна помощь! Помощь, парни!

Вертолет стал снижаться, пока до земли осталось не более семидесяти пяти футов, достаточно близко, чтобы поднять снежные вихри. Потом двинулся по направлению к Биверу, словно толкая грудью снежный фронт.

– Эй, у нас тут больной! Больной! – надрывался Бивер, подпрыгивая, словно дергунчик-брейкдансер на дискотеке, и чувствуя себя последним олухом. Но что поделать? Надо так надо.

Вертушка подплыла к нему, но больше не снижалась, и похоже, не собиралась приземляться, и в голову Бива пришла ужасная мысль. Он сам не понимал, паранойя ли это или исходит от парней в вертушке. Иначе почему он внезапно ощутил себя мошкой, пришпиленной к центру мишени в тире: порази Бивера и выиграй часы-радио.

Боковая дверь вертушки скользнула в сторону. В проеме появился мужчина с мегафоном, в самой объемистой парке, которую Бив когда-либо видел. Но не это его беспокоило. Беспокоила кислородная маска, закрывавшая рот и нос незнакомца. Он в жизни не слышал о пилотах, вынужденных носить кислородную маску на высоте семидесяти пяти футов, при условии, конечно, что воздух не заражен.

Мужчина в парке поднес к маске микрофон. Голос звучал громко и четко, перекрывая шум винтов, но все же казался несколько механическим, то ли из-за усилителя, то ли из-за маски, словно к Биву обращалось некое роботоподобное божество.

– СКОЛЬКО ВАС? – спросило божество. – ПОКАЖИТЕ НА ПАЛЬЦАХ.

Сбитый с толку, испуганный, Бивер прежде всего подумал о себе и Джоунси: в конце концов Генри и Пит еще не вернулись. Он поднял два пальца, как знак победы.

– ОСТАВАЙТЕСЬ НА МЕСТЕ! – прогремело божество, высовываясь из вертолета. – В РАЙОНЕ ОБЪЯВЛЕН ВРЕМЕННЫЙ КАРАНТИН. ПОВТОРЯЮ, В РАЙОНЕ ОБЪЯВЛЕН ВРЕМЕННЫЙ КАРАНТИН. ВАМ ЗАПРЕЩАЕТСЯ ПОКИДАТЬ ЭТО МЕСТО.

Снег почти прекратился, но ветер дул с прежней силой, бросая в лицо пригоршни ледяной пыли, поднятой лопастями вертолета. Бивер сощурился и снова стал махать руками, втягивая в себя морозный воздух. Пришлось выплюнуть зубочистку, чтобы не проглотить ненароком (недаром мать вечно предсказывала, что именно это и послужит причиной его гибели: вдохнешь зубочистку, тут тебе и конец).

– То есть как это – карантин? – заорал он. – У нас тут больной, спускайтесь и заберите его!

При этом он понимал, что никто не услышит за мерным жужжанием двигателей, ведь у него, черт возьми, нет мегафона, но все же продолжал надрываться. Но как только слово «больной» сорвалось с языка, Бив сообразил, что ввел в заблуждение парня из вертолета: их не двое, а трое!

Он уже хотел поднять три пальца, но вспомнил о Генри и Пите. Их пока нет, но если ничего не случилось, вот-вот появятся, так сколько же их всего?! Два – неправильно, а что правильно? Три или пять?

И как обычно в подобных ситуациях, у Бивера что-то в мозгах заело – как у собак челюсти сводит. Когда такое случалось в школе, рядом обретались Джоунси или Генри, всегда готовые подсказать. Тут же помочь было некому, только уши резало «плюх-плюх-плюх» и снег обжигал лицо, забиваясь в горло, в легкие, вызывая кашель.

– ОСТАВАЙТЕСЬ НА МЕСТЕ! ПОЛОЖЕНИЕ ПРОЯСНИТСЯ В ТЕЧЕНИЕ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХ – Сорока восьми часов! Если нуждаетесь в еде, скрестите руки над головой.

– *Нас больше!* – вскрикнул Бивер, так истошно, что перед глазами заплескали красные точки. – *У нас больной! У... нас... БОЛЬНОЙ!*

Идиот в вертолете швырнул за спину мегафон и сложил большой и указательный пальцы кружком, словно говоря: «О'кей! Понял вас!»

Бивер едва не заплакал от досады, но вместо этого поднял руку с растопыренными пальцами, по одному за каждого из их четверки и последний – за Маккарти. Мужчина в вертолете присмотрелся и расплылся в улыбке. На какое-то волшебное мгновение Бивер вообразил, что сумел достучаться до этого долбоеба в маске. Но долбоеб, принявший отчаянные знаки Бивера за приветствие, помахал в ответ, сказал что-то пилоту, и вертолет АНГ начал медленно подниматься. Бивер Кларендон, стоя в крошечных смерчах поднятого лопастями снега, засыпанный белой морозной пылью, продолжал отчаянно вопить:

– *Нас пятеро и мы нуждаемся в помощи! Нас пятеро и мы, мать вашу, нуждаемся в ПОМОЩИ!*

Вертушка исчезла в облаках.

5

Джоунси, разумеется, кое-что расслышал, особенно объявление в мегафон, но в мозгу почти ничего не отложилось: слишком сильна была тревога за Маккарти, наглухо замолчавшего после нескольких тихих горловых вскриков. Запах, ползущий из-под двери, продолжал усиливаться.

– Маккарти! – окликнул он, едва на пороге показался Бивер. – Откройте или мы сломаем дверь!

– Убирайтесь, – возопил Маккарти писклявым, каким-то не своим голосом. – Мне нужно просрать, вот и все, НУЖНО ПРОСРАТЬСЯ! Если я смогу просрать, все будет в порядке.

Такая откровенная грубость из уст человека, по-видимому, считавшего причитания «О Боже» и «Господи» выражениями на грани допустимого, перепугали Джоунси куда больше, чем окровавленные простыня и белье. Он обернулся к Биверу, не обращая внимания на то, что тот весь в снегу и походит на Деда Мороза.

– Идем, помоги ломать дверь. Нужно как-то ему помочь.

Бивер показался ему растерянным и измученным. На щеках медленно таял снег.

– Ни за что. Тот малый в вертолете сказал что-то насчет карантина: а если он заразный и вообще? Вспомни эту красную штуку у него на лице...

Несмотря на собственные отнюдь не великодушные чувства по отношению к Маккарти, Джоунси с трудом сдерживался, чтобы не отвесить оплеуху старому другу. В марте прошлого года он сам лежал, истекая кровью, на мостовой Кембриджа. А если бы прохожие отказались дотронуться до него, боясь СПИДа? Оставили без помощи? Прошли мимо лишь потому, что под рукой не нашлось резиновых перчаток?

– Бив, мы уже общались с ним, так что если это действительно инфекция, мы скорее всего уже ее подхватили. Ну, что скажешь?

Бивер предпочел промолчать. В мозгу Джоунси привычно щелкнуло, и на мгновение он увидел Бивера, с которым вместе вырос, мальчика в старой потертой мотоциклетной куртке, который кричал: «Эй, парни, кончай! Да КОНЧАЙ же, мать вашу!»

Увидел – и понял, что все в порядке.

Бивер выступил вперед:

– Эй, Рик, как насчет того, чтобы открыть? Мы всего лишь хотим помочь.

В ответ – ни звука. Ни стоны, ни дыхания, ни шороха одежды. Только мерное гудение генератора и тающий «плюх» вертолета.

– Ладно, – сказал Бивер и неожиданно перекрестился. – Придется вломиться.

Они вместе отступили, повернулись боком к двери, бессознательно подражая копам из полицейских сериалов.

– На счет «три», – велел Джоунси.

– А твоя нога выдержит, старик?

По правде говоря, бедро и нога как на грех разнылись, хотя Джоунси до последней минуты этого не признавал.

– Ну да, а мой зад – повелитель мира.

– На счет «три». Готов. – И дождавшись, пока Бивер кивнет, скомандовал: – Один... два... три...

Они одновременно ринулись к двери, ударили в нее плечами. Дверь подалась с такой абсурдной легкостью, что они, хватаясь друг за друга и спотыкаясь, с ходу ввалились в ванную. И тут же поскользнулись на мокром от крови кафеле.

– *А, блядство*, – прошипел Бивер, прикрывая ладонью рот, в котором на этот раз не было зубочистки. – *Блядство*, дьявол, *блядство*!

Джоунси обнаружил, что не может ответить.

Глава 5

Даддитс, часть первая

1

– Леди, – окликнул Пит.

Женщина в мешковатом пальто ничего не ответила. Лежала на засыпанном опилками брезенте и молчала. Питу был виден только один глаз, смотревший на него, или сквозь него, или в центр закрученной рулетом вселенной. Кто знает? Мурашки по коже бегут.

Между ними весело потрескивал огонь, вытесняющий холод и обдающий теплом щеки. Пит огляделся. Генри ушел с четверть часа назад и, по расчетам Пита, вернется не раньше чем часа через три. Три часа, когда ему уже сейчас не по себе под жутким стеклянным взглядом незнакомки.

– Леди, – повторил он, – вы меня слышите?

Молчание. Правда, однажды она зевнула, и Пит заметил, что во рту не хватает половины чертовых зубов. Какого хрена с ней сотворили?

Но так ли уж ему хотелось это знать?

И да, и нет, немного подумав, решил Пит. Конечно, его разбирало любопытство, а кого бы не разбирало на его месте, но в то же время лучше от этого держаться подальше. Зачем ему нужно знать, кто она, кто этот самый Рик и что с ним стряслось. «Они вернулись! – визжала женщина, завидев огни в небе. – Вернулись!»

– Леди! – позвал он в третий раз.

Молчание.

Она упомянула, что Рик – единственный, кто остался, а потом кричала: «Они вернулись», возможно, имея в виду огни, но с тех пор лишь непрерывно пукала и рыгала, если не считать зевка, обнажившего беззубые десны... И этот взгляд... жуткий остекленевший взгляд. Генри нет всего пятнадцать минут: он ушел в пять минут первого, а теперь на часах Пита – двенадцать двадцать. Этот хренов день грозит оказаться чертовски долгим, и если он выдержит его, не сломавшись (он все время думал об одной истории, которую они читали в восьмом классе, только не мог вспомнить, кто ее написал, о парне, который убил старика, потому что не мог выносить его взгляда, но в то время Пит не понимал таких вещей, зато теперь понял, лучше не надо, да, сэр), значит, необходимо чем-то подкрепиться.

– Леди, вы меня слышите?

Ничего. Только жуткий стекленеющий взгляд.

– Мне нужно вернуться к машине. Я вроде как забыл кое-что. Но с вами ничего не случится, верно ведь?

Ответа он не дождался. И тут она снова выпустила газы с неприятным визгом циркулярной пилы и натужно сморщилась, как от боли... судя по звукам, это, наверное, и в самом деле больно. И хотя Пит постарался повернуться спиной, смрад все равно ударил в ноздри, тухлый, зловонный, какой-то нечеловеческий. Но и на вонь навоза это не походило. В детстве он работал на Лайонела Силвестра и выдоил немалое количество коров, а они иногда пердели, как раз когда сидишь на табуретке и дергаешь за вымя: тяжелый запах перебродившей зелени, болотный дух. Но этот был совсем другой. Похоже на... словно ты снова вернулся в детство и держишь свой первый химический набор, а потом устаешь от дурацких надоедливых опытов, тщательно изложенных в брошюре, съезжаешь с катушек и смешиваешь все дерьмо подряд, чтобы посмотреть, а вдруг взорвется.

И именно это, понял Пит, отчасти не дает ему покоя. Действует на нервы. Конечно, это идиотизм. Люди не взрываются просто так, верно? Но все же без помощи не обойтись. Потому что от нее у него сердце в пятки уходит.

Он подбросил в огонь два полена, принесенных Генри, подумал и добавил третье. Над костром поднялся сноп золотистых искр, закружился вихрем и растаял.

– Я вернусь до того, как все это прогорит, но если захотите подкинуть еще дровишек, не стесняйтесь. Договорились?

Молчание. Ему вдруг захотелось хорошенько ее потряхнуть, но между ним и машиной лежали полторы мили, да столько же обратно. Нужно беречь силы. Кроме того, она, возможно, снова пукнет. Или рыгнет прямо ему в физиономию.

– Значит, так тому и быть. Молчание – знак согласия, как любила говаривать миссис Уайт в четвертом классе.

Пит поднялся, хватаясь за колено, гримасничая и оскальзываясь, почти падая, но наконец выпрямился, только потому, что не мог обойтись без пива, просто не мог, а кроме него, никому пива не раздобыть. Да, он, возможно, алкоголик. Впрочем, какое там «возможно», рано или поздно с этим придется что-то делать, но пока он предоставлен самому себе и должен как-то крутиться. Да, потому что эта стерва отключилась, от нее ничего не осталось, кроме тошнотворных газов и этого жуткого остекленевшего взгляда. Пусть сама бросает дрова в костер, если замерзнет, но только она не успеет замерзнуть, он вернется задолго до того, как погаснет огонь. Подумаешь, полторы мили. Уж столько-то нога наверняка продержится.

– Я скоро буду, – предупредил он и помассировал коленку. Ноет, но не так уж сильно. Честное слово, не так уж сильно. Он только сложит пиво в пакет, может, прихватит коробку крекеров для стервы, раз уж все равно будет там, и тут же пустится в обратный путь. – Уверены, что с вами все в порядке?

Молчание. Только этот чертов взгляд.

– Молчание – знак согласия, – повторил он и поплелся к холму по широкой полосе, проложенной брезентом, и их собственным полузаметанным следам. Приходилось останавливаться через каждые десять – двенадцать шагов и растирать колено. Один раз он оглянулся. Костер казался маленькой незначительной точкой в тусклом свете серенького дня.

– Бред какой-то, – сказал он и продолжил свой путь.

2

По короткому прямому отрезку до подножия холма и до половины подъема он добрел без происшествий и уже осмелился было чуть прибавить скорости, когда чертово колено – ха-ха, надули дурака на четыре кулака – снова забастовало, пронзив его остро-жгучей болью, и Пит свалился, выдавливая проклятия сквозь стиснутые зубы.

И пока сидел на снегу, сыпля ругательствами, осознал, что вокруг творится что-то непонятное. Большой олень прошел мимо, даже не удостоив его взглядом, хотя еще вчера удирал бы во все лопатки. Рядом металась рыжая белка, едва не путаясь в ногах оленя.

Пит, раскрыв от удивления рот, сидел под театрально-огромными хлопьями, похожими на тюлевое покрывало. На дороге появились другие животные, в основном олени, бредущие и скачущие опрометью, как беженцы, покидающие место катастрофы. Живая волна двигалась к востоку.

– Куда это вас несет? – спросил он у зайца-беляка, скачущего по снегу, с прижатыми к голове ушами. – Чемпионат мира среди зверья? Отбор актеров для диснеевских мультиков? Придется...

Он осекся, ощутив, как мигом пересохла глотка и отнялся язык. Бурый медведь, накопивший жира перед лежкой, переваливаясь, брел среди редких деревьев и хотя не обратил ни малейшего внимания на Пита, иллюзии последнего относительно его статуса в больших Северных Лесах безвозвратно рассеялись. Он не что иное, как гора вкусного белого мяса, которое по какой-то нелепой случайности еще дышит. Без ружья он куда беззащитнее белки, стелющейся под ногами оленя. Заметив медведя, та по крайней мере всегда может удрать на ближайшее дерево, взобраться на самую верхушки, куда медведь попросту не дотянется. И тот факт, что именно этот медведь даже не посмотрел в его сторону, отнюдь не может служить утешением. Где один, там и два, а следующий может оказаться не столь рассеянным.

Только уверившись, что медведь ушел, Пит поднялся. Черт, как же сердце колотится! А он еще оставил эту безмозглую пердуню одну, хотя, если медведь решит напасть, какая из него защита? Значит, нужно достать из машины ружья, свое и Генри, если, конечно, он сумеет их унести.

Следующие пять минут, которые он взбирался на вершину холма, первое место в его мыслях занимало оружие, а пиво отошло на второе. Но к тому времени, как он стал спускаться, пиво вытеснило все опасения. Сложить бутылки в мешок и повесить на плечо. И не пить на обратном пути. Высосет первую, когда снова усядется перед костром. Это будет его наградой, а нет пива лучше, чем полученное в награду.

Ты алкоголик. Алкоголик, знаешь это? Блядский алкоголик.

Ну да, и что из этого? Что ты не можешь завязать. И что на этот раз никто не узнает, как ты смылся, оставив ничего не соображающую бесчувственную женщину одну в лесу, пока сам отправился на поиски живительной влаги. Не забыть потом выкинуть пустые бутылки подальше в снег. Впрочем, Генри наверняка догадается, недаром они всегда знали друг про друга все. И мысленная связь там или нет, приходилось признать, что натянуть нос Генри Девлину еще никому не удавалось.

Однако Пит считал, что Генри вряд ли будет доставать его из-за пива, разве что посчитает, что пришло время потолковать об этом. Да, наверное, пришло. Может, стоит попросить помощи у Генри. Что ж, так он и сделает, рано или поздно. Но и сейчас Питу было не по себе. На душе кошки скребли. Не в привычках прежнего Питера Мура бросать женщину одну, что ни говори, а поступок не слишком достойный. Но Генри... с Генри тоже было что-то неладно. Пит не знал, чувствует ли это Бивер, но был уверен, что Джоунси чувствует. Генри какой-то не такой. Отчаявшийся. Может, даже...

Сзади раздалось нечто вроде смачного хрюканья. Пит взвыл и круто развернулся. Колено снова схватило со злобной безумной силой, но он едва заметил боль. Медведь! Медведь зашел со спины – тот, прежний, или другой...

Но это оказался не медведь, а лось, который важно прошествовал рядом с Питом, и тот, вздохнув от облегчения, снова рухнул на дорогу, сыпля непристойностями и держась за ногу.

Дурак, клял он себя, подняв лицо навстречу редким снежинкам. Алкоголик чокнутый!

Больше всего его пугало то, что на этот раз нога откажет окончательно. Скорее всего он порвал себе что-то и теперь будет валяться в снегу, бессильно наблюдая Странный Отлив Животных С Насиженных Мест, пока не вернется Генри на снегоходе и спросит: «Какого хрена ты тут делаешь? Почему оставил ее одну? А, черт, можно подумать, я не знал!»

Но в конце концов он умудрился снова подняться, хотя на этот раз пришлось неуклюже ковылять боком. Но все лучше, чем лежать в снегу, в двух шагах от свежей кучи дымящегося лосиного дерьма. Отсюда уже был виден перевернутый «скаут», частично замеченный снегом. Пит твердил себе, что если бы последнее падение случилось по другую сторону холма, он бы вернулся назад, к женщине и костру, но теперь, когда до «скаута» рукой подать, проще идти вперед. И что главная цель – раздобыть ружья, а пиво это так, приятное дополнение.

Твердил, пока сам почти не поверил. А что же до возвращения... ну, дошлепает как-нибудь. Сумел же он добраться сюда!

Он уже был ярдах в пятидесяти от «скаута», когда в небе послышалось быстро приближающееся «плюх-плюх-плюх» лопастей вертолета. Пит радостно вскинул голову, вознамерившись держаться до той минуты, когда сможет помахать пилотам – Бог видит, если кому-то и необходима небесная помощь, это прежде всего ему!

Но вертолет так и не разорвал низкий потолок туч. Питу удалось, правда, на миг разглядеть темный силуэт, рассекавший сырое дерьмо, скопившееся прямо над ним. Размытые огни промелькнули и исчезли: стрекот быстро удалялся к востоку, в том направлении, куда бежали животные. Пит брезгливо поморщился, ощутив омерзительное облегчение, застенчиво таившееся под тонким налетом разочарования: вздумай вертолет приземлиться, он так и не добрался бы до пива, после того, как проделал этот путь, этот проклятый путь.

3

Пять минут спустя Пит уже стоял на коленях, готовясь пробраться в перевернутый «скаут». Он быстро понял, что очередного приступа можно ждать в любую минуту (колени разнесло так, что оно выпирало из джинсов уродливым бугром), и почти вплыл в покрытую снегом кабину. Здесь ему не нравилось: пространство слишком тесное, запахи чересчур сильные. Почти все равно что оказаться в могиле, да еще насквозь пропитанной одеколоном Генри.

Покупки рассыпались по заднему сиденью, но Пит едва взглянул на батоны, консервные жестянки и пакет с сосисками (сходившими у старика Госслина за мясо). Сейчас ему нужно было только пиво, и похоже, когда «скаут» перевернулся, на счастье Пита, разбилась всего одна бутылка. Пьяницам везет! Пивом тоже пахло, и довольно назойливо: та бутылка, которую он пил перед аварией, расплескалась, но этот запах он любил. Не то что одеколон Генри... фу, Господи! Не лучше, чем вонь от той рехнувшейся бабы.

Пит сам не понимал, почему аромат одеколona напоминал ему гроб, могилы и похоронные венки, но так уж случилось.

– С чего это ты вздумал брызгаться одеколоном в лесу, старый бродяга? – спросил он, глядя, как дыхание вырывается изо рта крошечными белыми клубами. Но будь здесь Генри, разумеется, ответил бы, что и не думал душиться, и в машине не пахнет ничем, кроме пива. И был бы прав.

Впервые за долгое время Пит вспомнил о хорошенькой риэлторше, потерявшей ключи у брайтонской аптеки. Как он сумел найти ключи, по каким, почти невидимым признакам понял, что она вовсе не собирается ужинать с ним, мало того, не хочет видеть, не желает близко подходить? Неужели учуять запах несуществующего одеколona – явление того же порядка?

Пит не знал. Понимал только, что дело плохо. Недаром запах одеколona смешался в мозгу с мыслями о смерти.

Забудь всю эту чушь, болван! Придумал себе страшилку! Одно дело – действительно увидеть линию и совсем другое – выдумывать всякие ужасы! Забудь обо всем и делай то, за чем пришел.

– Дивная, чтоб ее, идея, – сказал Пит.

Магазинные пакеты были не бумажными, а пластиковыми и к тому же с ручками: старик Госслин не чуждался прогресса. Питер потянулся за одним и внезапно ощутил болезненный укол в правой ладони. Чертова разбитая бутылка, о которую он ухитрился порезаться, и судя по всему, достаточно глубоко. Может, это наказание за то, что ушел от женщины. Если так, считай себя мужчиной и думай, что легко отделался.

Он сгреб восемь бутылок, начал было выбираться из «скаута», но передумал. Неужели он тащился сюда ради вшивых восьми бутылок?

– Ну уж нет, – пробормотал Пит и подхватил еще семь, не поленившись как следует осмотреть каждую, несмотря на то что на душе становилось все тяжелее. Наконец он протиснулся задом в окно, изо всех сил давя паническую мысль о том, что какое-то маленькое юркое создание с острыми зубами прыгнет на него и отхватит яйца. Возмездие Питу, часть вторая.

Он не особенно трусил, но выскочил наружу куда быстрее, чем забрался внутрь, и тут колено опять схватило. Пит, застонав, покатился по снегу, глядя в небо, с которого величественно планировали последние резные хлопья, кружевные, как лучшее женское белье, ну же, лапочка, уговаривал он колено, отпускай, сука, сволочь, не тяни!

И как раз в тот момент, когда он уже подумал, что все кончено, боль смилостивилась. Пит с шипением выпустил воздух из легких и опасливо взглянул на пакет, с которого приветливо подмигивали огромные красные буквы: БЛАГОДАРИМ ЗА ПОКУПКУ В НАШЕМ МАГАЗИНЕ.

– Можно подумать, здесь есть какой-то другой магазин, старый ты ублюдок, – буркнул Пит, решив позволить себе бутылочку, прежде чем пускаться в обратный путь. Черт возьми, легче будет ноша!

Выудив бутылку, он свернул колпачок и влил в себя половину содержимого. Пиво оказалось холодным, снег, в котором он сидел, еще холоднее, но все же ему сразу стало легче. Пиво, как всегда, творило волшебство. Как, впрочем, скотч, водка и джин, но когда речь заходила об алкоголе, Пит полностью соглашался с Томом Т. Холлом: лучше пива ничего на свете нет.

Глядя на пакет, он снова вспомнил о морковной макушке в магазине: таинственная улыбка, узкие, как у китайцев, глаза с наплывающими на веки складочками, из-за которых таких людей когда-то называли монголоидами, монголоидными идиотами. Это снова вернуло его к мыслям о Даддитсе, если совсем уж официально – о Дугласе Кэвелле. Пит не мог сказать, почему Дадс последнее время так упрямо сидит в голове, но пообещал себе, что как только все это закончится, завернет в Дерри и повидает Даддитса. Он заставит и остальных поехать с ним, и почему-то чувствовал, что слишком стараться не придется. Даддитс, возможно, именно та причина, по которой они до сих пор остаются друзьями. Дьявол, да большинство давно и думать забыли о прежних друзьях по колледжу или высшей школе, не говоря уже о тех, с кем водились в начальной, которая теперь называлась средней, хотя Пит был уверен, что она так и осталась печальной мешаниной неуверенности, мучительных сомнений, «двоек», потных подмышек, безумных увлечений и психованных идей. Конечно, они не знали Даддитса по школе, хотя бы потому, что Даддитс никогда не ходил в среднюю школу Дерри. Дадс учился в школе Мэри М. Сноу для умственно отсталых детей, известную среди окрестной ребятни как Академия Дебилов, а иногда просто как Школа Кретинов.

В обычных обстоятельствах их пути никогда бы не пересеклись, но на Канзас-стрит перед заброшенным кирпичным зданием простиралась большая пустая площадка. На фасаде все еще сохранилась выцветшая вывеска: БРАТЯ ТРЕКЕР, ПЕРЕВОЗКИ И ХРАНЕ-НИЕ. С обратной стороны, над аркой, где загружались грузовики, было написано еще кое-что... да, кое-что...

И теперь, сидя в снегу, но уже не чувствуя подтаявшей ледяной кашицы под задницей, даже не сознавая, что допивает вторую бутылку (первую он выбросил в заросли, через которые все еще продирались животные), Пит вспомнил день, когда они встретили Дадса. Вспомнил дурацкую куртку Бива, которую тот обожал, и его голос, тонкий, но властный, объявляющий конец чего-то и начало чего-то еще, объявляющий каким-то непостижимо уверенным и всезнающим тоном, что течение их жизни необратимо изменилось как-то во вторник днем,

когда они собирались стучать в баскетбол двое на двое на подъездной дорожке Джоунси, а потом, может, поиграть в парчизи на компьютере, и теперь, сидя в лесу, перед опрокинутым «скаутом», все еще обоняя одеколон, которым не душился Генри, поглощая сладостный яд своей жизни, держа бутылку рукой в окровавленной перчатке, продавец машин вспоминал мальчика, не оставлявшего мечту стать астронавтом, несмотря на все возраставшие проблемы с математикой (тогда ему помогали сначала Джоунси, потом Генри, а в десятом классе он окончательно потонул, и ничья помощь уже не спасала). Он вспомнил других мальчишек, в основном Бива, перевернувшего мир пронзительным воплем:

«Эй, парни, кончай! КОНЧАЙ, мать вашу!»

Ломающийся голос подростка...

– Бивер, – произнес вслух Пит, поднимая бутылку в приветственном салюте, и прислонился к остывшему боку «скаута». – Ты был прекрасен, старина.

А все они?

Разве все они не были прекрасны?

4

Пит всегда освобождается раньше приятелей, потому что учится в восьмом классе, и в этот день последним уроком музыка, на первом этаже. У остальной троицы уроки на третьем. Джоунси и Генри штудируют американскую литературу, факультатив для продвинутых, а Бивер – основы практической математики, то есть Математику для Тупых. Пит из последних сил борется, чтобы не попасть в такую группу, но, похоже, проигрывает неравную битву. Он знает сложение, вычитание, умножение, деление и даже операции с дробями, хотя последние даются с великим трудом. Но теперь вдруг откуда-то возник икс. Пит не понимает и боится икса.

Он стоит за воротами, у изгороди из рабицы, ожидая, пока пройдет поток восьмиклассников и всякой зелени вроде семиклассников, стоит, ковыряет землю носком ботинка и приговаривает, что курит: одна рука прикрывает рот, вторая, с гипотетическим окурком, спрятана за ней.

Но вот с третьего этажа спускаются десятиклассники, и среди них, шествуя, как монархи, некоронованные короли, хотя Пит никогда не осмелился бы сказать вслух ничего подобного, идут его друзья, Джоунси, Бивер и Генри. И, конечно, король из королей – это Генри, которого любят все девочки, при том что он очкарик. Питу повезло с друзьями, и он знает это. И знает, что он, возможно, самый удачливый восьмиклассник в Дерри, икс там или не икс, не говоря уже о том, что благодаря друзьям ни один мудака из восьмых классов и пальцем не смеет тронуть Пита.

– Эй, Пит! – кричит Генри, едва все трое выползают из ворот. При виде Пита у Генри, как всегда, делается несколько удивленное, но радостное лицо. – Как оно ничего, парень?

– Ни шатко ни валко, – отвечает Пит, как всегда. – А у тебя?

– ДДДТ, – кивает Генри, протирая очки. Образуй они клуб, это могло стать их девизом. Со временем они даже Даддитса научат это говорить, правда, у того выходит: «де дуго демо се озе», один из тех даддитсизмов, которые родителям так и не дано понять, что, разумеется, приводит в восторг Пита и его приятелей.

Но сейчас, когда до появления Даддитса в их жизни еще полчаса, Пит просто повторяет за Генри:

– Да, старик, ДДДТ.

День другой, дерьмо все то же. Правда, в душе мальчишки верят только второй половине изречения, потому что в их представлении все дни одинаковы. Это Дерри, образца 1978 года, и следующий год не наступит никогда. Пусть вокруг твердят, что будущее есть, что они

доживут до двадцать первого века, Генри станет адвокатом, Джоунси – писателем, Бивер – водителем-«дальнобойщиком», ну а Пит... Пит станет астронавтом, с нашивкой НАСА на плече, но все это бездумная болтовня, точно так же они поют в церкви по воскресеньям Апостольский Символ Веры, не вникая в смысл слов. Им куда интереснее узнать, что там под юбкой Морин Чессмен, и без того короткой, но поднявшейся едва ли не до пояса, стоило ей наклониться. Они твердо верят, что в один прекрасный день узнают цвет трусиков Морин, что Дерри будет существовать всегда, впрочем, как и они. Всегда будут учиться в средней школе Дерри, а без четверти три, когда кончаются уроки, зашагают по Канзас-стрит, поиграть в баскетбол на подъездной дорожке Джоунси (на подъездной дорожке Пита тоже есть обруч, но у Джоунси им нравится больше, поскольку отец Джоунси прибил его достаточно низко, чтобы без особого труда забросить мяч). Вот они идут, растянувшись на всю ширину тротуара, болтая о набивших оскомину вещах: уроки, учителя, кто кому дал в репу и кто кому еще только собирается врезать в тыкву, и что-может-выйти, если и они соберутся помахать с теми-то и теми-то (только они вряд ли соберутся помахать с теми-то и теми-то, учитывая весьма неприятные последствия), о чем-то очередном подвиге (пока в фаворитах ходит семиклассник Норм Пармелу, известный отныне как Макаронина Пармелу, прозвище, которое, как они считают, приклеится к нему до скончания этого века, а может, перейдет и в следующий. Этот самый Норм Пармелу выиграл на пари пятьдесят центов, при свидетелях втянув в обе ноздри макароны с сыром и, высморкнув обратно, благополучно проглотил, ах этот Макаронина Пармелу, который, как многие школьники, принял печальную известность за славу), о том, кто с кем гуляет (если девушку и парня заметят идущими рядом после школы, они предположительно гуляют вместе, если же их застанут держащимися за руки или лижущимися, предположение становится уверенностью), кто выиграет «Суперкубок», (хреновы «Патриоты», «Патриоты Бостона», только они никогда не выигрывают, одни козлы болеют за «Патриотов»).

Все те же, но бесконечно завораживающие темы, которые они не устают перебирать, пока каждый день возвращаются из все той же школы (*верую во единого Бога, Отца Всемогущего*), по той же улице (*Творца неба и земли*), под тем же вечно белесым октябрьским небом (*и жизни будущего века*), с теми же друзьями (*аминь*).

День другой, дерьмо все то же, эту истину они усвоили крепко-накрепко, и они идут, с наслаждением прислушиваясь к бойкому мотивчику-диско, хотя любят повторять: «РБПХ: Рок – бог, попс – херня».

Перемены настигнут их неожиданно и без предупреждения, как всегда в таком возрасте: если бы перемены заранее спрашивали у старшеклассников позволения явиться, они просто перестали бы существовать.

Но сегодня они обсуждают еще и охоту, потому что мистер Кларендон обещал в следующем месяце впервые взять их в «Дыру в стене». Они пробудут там три дня, захватив два учебных (с разрешением от школы проблем не будет, и абсолютно ни к чему лгать о цели путешествия: может, Южный Мэн и урбанизировался, но здесь, в глуши, охота по-прежнему входит в систему образования юной личности, особенно если эта юная личность – мальчик). Они приходят в такой бешеный восторг при одной мысли о том, как будут пробираться сквозь заросли с заряженными ружьями, пока их приятели в родной школе сидят за партами и зубрят, зубрят, зубрят, что даже не замечают, как проходят мимо Академии Дебилов. Умственно отстающие освобождаются почти в то же время, что и обычные ученики, но большинство возвращается из школы с родителями или садится в специальный автобус, выкрашенный не в желтый, а в синий цвет, с яркой наклейкой на бампере: ПОДДЕРЖИВАЙ ДУШЕВНОЕ ЗДОРОВЬЕ, НЕ ТО УБЬЮ.

Когда Генри, Бивер, Джоунси и Пит проходят мимо «Мэри М. Сноу», несколько слабоумных, из тех, что соображают чуть яснее и кому позволено идти домой самостоятельно,

все еще ковыляют по улице с неизменно удивленным выражением на круглых физиономиях. Пит и его друзья, как обычно, скользят по ним равнодушными взглядами, в сущности, не замечая. Всего лишь часть пейзажа...

Генри, Джоунси и Пит раскрыв рты слушают Бива, который объясняет, что им придется спускаться в Ущелье, потому что лучшие олени пасутся именно там, где растут их любимые кусты.

– Мы с отцом видели там кучу оленей, – захлебывается он. – Целый миллиард!

Растегнутая молния на потертой куртке согласно позвякивает.

Они болтают о том, кто добудет самого большого оленя и в какое место лучше стрелять, чтобы убить с первого выстрела и не причинять лишних страданий. («Правда, отец говорит, что животные страдают не так, как раненые люди, – вставляет Джоунси. – Он сказал, Господь создал их иными, чтобы мы могли охотиться без помех».) Они пересмеиваются, толкаются и спорят о том, кого из них вывернет наизнанку при виде крови, а Академия Дебилов остается далеко позади. Впереди же, на их стороне улицы, маячит квадратное здание красного кирпича, где братья Трекер когда-то делали свой скромный бизнес.

– Если кто и блеванет, так уж не я! – хвастает Бивер. – Да я сто раз видел оленишки, подумаешь, дело! Помню как-то...

– Эй, парни, – возбужденно перебивает Джоунси, – хотите взглянуть на «киску» Тины Джин Шлоссингер?

– Кто такая Тина Джин Слоппингер? – скушаяще осведомляется Пит, хотя уже навести уши. Увидеть «киску», любую «киску», его заветная мечта: он вечно таскает у отца журналы «Пентхаус» и «Плейбой», которые тот прячет в мастерской, за большим ящиком с инструментами. «Киска» – это тот предмет, который его живо интересует. Правда, от нее он не заводится так, как от голых сисек, наверное, потому, что еще маленький.

Но «киска» – это и вправду интересно.

– *Шлоссингер*, – поправляет Джоунси, смеясь. – Шлоссингер, Питецкий. Шлоссингеры живут в двух кварталах от меня и... – Он неожиданно замолкает, пораженный внезапной мыслью. Вопрос, который пришел ему в голову, требует немедленного ответа, поэтому он дергает за рукав Генри: – Слушай, эти Шлоссингеры – евреи или республиканцы?

Теперь очередь Генри смеяться над Джоунси, что он и делает, правда, совсем беззлобно.

– Видишь ли, думаю, что технически возможно быть одновременно и теми, и другими, или... вообще никем.

Генри произносит слово «никем» почти как «никоим», чем и производит неизгладимое впечатление на Пита. До чего же шикарно звучит, мать его!

Он велит себе отныне произносить только «никоим, никоим, никоим»... хотя знает, что обязательно забудет, что он из тех, кто обречен до конца жизни говорить «никем».

– Плюнь на религию и политику, – говорит Генри, все еще смеясь. – Если у тебя есть фотка Тины Джин Шлоссингер с голой «киской», я тоже хочу посмотреть.

Бив тем временем явно возбуждается: щеки пылают, глаза блестят, новая зубочистка сменяет прежнюю, не догрызенную и до половины. Молнии на его куртке, той, которую носил старший брат Бивера все четыре года своего увлечения Фонзом¹⁷, позвякивают громче.

– Она блондинка? – спрашивает он. – Блондинка и в высшей школе? Супербомба? С такими сиськами! – Он растопыривает руки перед собственной цыплячьей грудью, и когда Джоунси, улыбаясь, кивает, оборачивается к Питу и громко выпаливает: – Королева этого

¹⁷ Фонз – основной персонаж сериала «Счастливые дни», подросток, одетый в черную кожаную куртку и неизменно держащий большой палец вверх, демонстрируя тем самым победу и удовлетворение. – *Примеч. пер.*

года, болван, ясно? Помнишь день встречи выпускников? Там ее и выбрали! Ее снимок был в газете! На лодке, вместе с Ричи Гренадо!

– Да, но хреновы «Тигры» продули в тот день игру, а Гренадо сломали нос, – вставляет Генри. – Подумать только, первая в истории школьная команда Дерри удостоилась сыграть с командой класса А из Южного Мэна, и эти олухи...

– Хрен с ними, с «Тиграми», – отмахивается Пит, которого школьный футбол занимает чуть больше ненавистного икса, хоть и ненамного. Главное, теперь он знает, о ком идет речь, вспоминает газетный снимок девушки, стоящей на украшенной цветами палубе баржи для перевозки целлюлозы, рядом с ведущим игроком «Тигров»: оба в коронах из фольги, улыбаются и машут зрителям. Волосы девушки обрамляют лицо крупными пушистыми волнами, платье без бретелек полуоткрывает грудь.

Впервые в жизни на Пита накатывает настоящая похоть – плотское, кровавое, давящее ощущение, от которого твердеет конец, сохнет во рту и в голове все мешается. «Киска», конечно, штука интересная, но вот увидеть местную, свою «киску», «киску» знакомой девчонки, королевы бала... куда волнительнее! Это, как выражается кинокритик городских «Новостей» об особо понравившихся фильмах, которые, по его мнению, никак невозможно пропустить, – НАДО! НАДО – и все тут.

– Где? – спрашивает он Джоунси, уже воображая, как эта самая Тина Джин Шлоссингер ждет на углу школьный автобус, просто стоит, хихикая с подружками, не имея ни малейшего представления о том, что проходящий мимо мальчишка видел, что у нее под юбкой или джинсами, что волосы на ее «киске» того же цвета, что на голове. – Где это?

– Здесь. – Джоунси показывает на краснокирпичную коробку, когда-то служившую складом братьям Трекер. Стены поросли плющом, но осень была холодной, и почти все листья почернели и засохли. Часть стекол разбита, а остальные заросли грязью. Каждый раз при виде этого места у Пита мороз идет по коже, возможно, потому, что взрослые ребята, парни из высшей школы, любят играть в бейсбол на площадке за строением, и некоторых хлебом не корми – дай поиздеваться над младшими, кто знает почему, должно быть, от безысходности будней. Но сейчас не тот случай, поскольку с бейсболом на этот год покончено, и большие парни скорее всего давно уже переместились в Строфорд-парк, где до самого снега играют в американский футбол (как только выпадет снег, они начнут выбивать друг другу мозги старыми хоккейными клюшками, обмотанными изолентой). Нет, беда в том, что в Дерри иногда исчезают дети, Дерри в этом отношении странный городишко, и когда они в самом деле исчезают, оказывается, что в последний раз их видели в заброшенных уголках вроде опустевшего склада братьев Трекер. Никто не говорит вслух об этом неприятном факте, но все знают. Знают и молчат.

Все же «киска», не какая-то абстрактная «киска» из «Пентхауса», а самая настоящая «муфта» девчонки с соседней улицы... да, тут есть на что посмотреть. Вот это бэмс!

– Братья Трекер? – переспрашивает Генри с откровенным недоверием. Они сами не заметили, как остановились, и сейчас топчутся на тротуаре, недалеко от здания, пока слабые с трудом ковыляют по другой стороне улицы. – Не пойми меня неправильно, Джоунси, ты для меня авторитет, клянусь, я тебя уважаю, но чего это вдруг снимку «киски» Тины Джин там валяться?

– Откуда мне знать? – пожимает плечами Джоунси. – Дейви Траск видел и клянется, что это она.

– Что-то мне не слишком по кайфу туда тащиться, – говорит Бивер. – Конечно, я не прочь увидеть «киску» Тины Джин Слосхенгер...

– Шлоссингер...

– ...но это место пусто с тех пор, как мы были в пятом классе.

– Бив...

– ...и, бьюсь об заклад, там полно крыс.

– Бив...

Но Бив твердо вознамерился выложить все до конца.

– Крысы разносят бешенство, – говорит он, – и заражают людей.

– Нам ни к чему входить, – объясняет Джоунси, и вся троица с новым интересом взирает на него. – Это, как сказал кто-то, заведя негра-блондина, совершенно новая Африка.

Джоунси, убедившись, что завладел вниманием приятелей, продолжает:

– Дейви сказал, что нужно только обогнуть подъезд. И заглянуть в третье или четвертое окно. Вроде бы когда-то там был офис Филадельфия и Тони Трекеров. На стене все еще висит доска объявлений. И Дейви клянется, что на этой доске висят только две вещи: карта Новой Англии с маршрутами грузовиков и снимок Тины Шлоссингер с голой «киской».

Они глазят на него раскрыв рты, но только Пит осмеливается задать вопрос, волнующий всех:

– Она совсем без ничего?

– Нет, – признается Джоунси. – Дейви говорит, даже сиськи прикрыты, но она стоит с поднятой юбочкой и без трусов, и всякий может увидеть это ясно, как я – вас.

Пит разочарован тем, что нынешняя королева вечера выпускников не стоит, в чем мать родила, с голым задом, но сообщение о том, что она задрала юбку, воспаляет всех, подпитывая первобытное, полузапретное представление о том, что такое настоящий секс. В конце концов всякая девушка *может* задрать юбку, любая девушка.

Теперь даже Генри не до вопросов. Только Бив продолжает допытываться у Джоунси, точно ли им не придется заходить внутрь. Но компания, сметая все, как прилив, в едином властном, бессознательном порыве, уже движется в направлении подъездной дороги, бегущей от дальней стороны здания к пустой площадке.

5

Пит прикончил вторую порцию и, размахнувшись, запустил бутылкой в заросли. Фу-у, наконец-то полегче.

Убедившись, что может идти, он осторожно поднялся, счистил с задницы снег. Кажется, колено не так болит. Похоже, что да. Выглядит ужасно, словно он запрятал под джинсы арбуз, но сверлит не слишком. Все же он старался идти медленнее, слегка помахивая пакетом. Теперь, когда тихий, но настойчивый голос, твердивший, что он должен глотнуть пива, просто обязан, заткнувшись, он даже проникся некоторым сочувствием к женщине и втихаря надеялся, что она не заметила его отсутствия. Он будет тащиться еле-еле, станет массировать колено каждые пять минут (а возможно, поговорит с ним, успокоит, безумная идея, но в конце концов, кроме него, никого тут нет, и это не повредит) и постепенно доберется до места. А там и пивка выпьет.

Он ни разу не оглянулся на брошенный «скаут», так и не увидел, что на снегу несколько раз выведено крупными буквами ДАДДИТС, не осознал, что сам писал это имя, пока думал о том давнем дне 1978 года.

Один только Генри спросил тогда, с чего вдруг фото девчонки Шлоссингер будет висеть в пустом офисе или пустом грузовом складе, и сейчас Питу пришло в голову, что Генри сделал это потому, что привык играть роль Скептика в их компании. Он и спросил всего один раз, остальные просто *поверили*, и почему бы нет? Из своих тринадцати лет Пит полжизни верил в Санта Клауса. И кроме того...

Пит остановился у вершины холма, не из-за ноги и не потому, что задохнулся. Просто в мозгу вдруг раздалось тихое жужжание, словно заработал трансформатор. Правда, не беспрерывное, а ритмичное, что-то вроде «бум-бум-бум»... нет, не вдруг, не то чтобы «началось

внезапно», звук уже давно существовал, но Пит только сейчас его услышал. Услышал, и в голову тут же полезли дурацкие мысли. Снова одеколон Генри и... Марси. Кто-то по имени Марси. Он не знал никакой Марси, но имя отчего-то застряло в башке, вроде как «Марси, ты мне нужна, иди скорее», или «Черт возьми, Марси, неси же бензин!»

Пит продолжал стоять, облизывая пересохшие губы. Забытый пакет вяло свисал с руки. Пит поспешно вскинул голову к небу, уверенный, что увидит огни, и они там были, только два и очень слабые.

– Скажи Марси, пусть заставит их сделать мне укол, – сказал Пит, тщательно выговаривая в пустоту каждое слово, отчего-то уверенный, что поступает правильно. Почему и по какой причине, он объяснить не мог, но эти слова звучали в его мозгу. Трудно сказать, что пробудило их к жизни: щелчок или огни. Чем или кем вызвано то, что с ним творится?

– Может быть, «никоим», – произнес он. И тут сообразил, что снег прекратился. В окружающем мире осталось лишь три цвета: темно-серый неба, темно-зеленый хвои и идеальная нетронутая белизна выпавшего снега. И все притихло.

Пит склонил голову сначала на левый бок, потом на правый, прислушался. Именно притихло. Безмолвие. Ни шороха во всем мире, и жужжания тоже не слышно. Подняв глаза, он увидел, что бледное, как крылья бабочки, сияние погасло.

– Марси? – повторил он, словно окликаая кого-то. Ему пришло в голову, что Марси – имя женщины, ставшей причиной аварии, но Пит тут же отмел эту мысль. Женщину звали Бекки, он знал это так же точно, как имя хорошенькой риэлторши. Марси – всего лишь слово, не будившее никаких воспоминаний. Возможно, у него крыша едет. Не в первый раз.

Он перевалил через вершину и стал спускаться, снова вспоминая тот день осенью 1978 года, день, когда они встретили Даддитса.

Он почти добрался до ровной дороги, когда колено взорвалось, не просто судорогой, а белым слепящим клубком боли.

Пит рухнул в снег. Он не слышал, как бьются бутылки «будвайзера» в пакете – все, кроме двух. Он слишком громко кричал.

Глава 6

Даддитс, часть вторая

1

Генри быстро зашагал в направлении домика, но когда снегопад сменился редкими хлопьями, а ветер начал стихать, перешел на мерный бег трусцой. Он занимался бегом много лет, и темп казался вполне приемлемым. Наверное, рано или поздно придется остановиться, сбавить скорость или отдохнуть, но последнее весьма сомнительно. Он пробежал дистанции куда длиннее девятимильных, хотя не в таком снегу и не в последнее время. Все же, о чем беспокоиться? Что он упадет и сломает бедро? Что скорчится в сердечном приступе? В тридцать семь лет сердечный приступ казался чем-то не совсем реальным, но даже будь он главным кандидатом на инфаркт, глупо тревожиться об этом сейчас, не так ли, особенно если учесть то, что он замышляет. Так о чем тут беспокоиться?

О Джоунси и Бивере, вот о чем, то есть – о ком. Пусть это казалось столь же нелепым, как трястись при мысли о сдавшем сердце посреди снежной пустыни – беда позади него, вместе с Питом и странной заторможенной женщиной, не впереди, в «Дыре в стене»... только настоящая беда – в «Дыре в стене», более страшная беда.

Он не знал, откуда это знает, но – знал и принял как должное. Знал еще до того, как навстречу стали попадаться животные, живой лентой текущие на восток и не боявшиеся человека.

Раз или два он смотрел на небо, выискивая странные огни, но ничего не увидел, и вскоре ему стало не до того. Приходилось смотреть вперед, чтобы не столкнуться с животными. Нельзя сказать, чтобы они неслись беспорядочной толпой, но в глазах стыло странное, боязливое выражение, такого он никогда еще не видел. Как-то даже пришлось отпрыгнуть в сторону, чтобы не налететь на парочку пышнохвостых лис.

Осталось восемь миль, подумал он. Это стало своеобразной мантрой бегуна трусцой, отличной от тех, которые обычно возникали в голове (чаще всего детские стишки), но не настолько уж отличной: принцип тот же. *Восемь миль, всего восемь, до Бенберри-кросс. Бом, бом, на палочке верхом.* Никакого Бенберри-кросс, всего лишь старая охотничья хижина мистера Кларендона, а теперь Бивера, и никакой палочки, чтобы доставить его туда. Как можно ездить на палочке? Кто знает! И что, во имя Господне, тут происходит? Огни, медленное, но неуклонное переселение животных (Господи, что, если в лесу бродит настоящий медведь?), женщина на дороге, сидевшая в снегу, просто сидевшая, растерявшая не только зубы, но и мозги в придачу?! А эти газы, Боже милосердный! Единственное, с чем можно сравнить эту вонь... да, вспомнил! Весьма отдаленно похожий смрад исходил изо рта шизофреника в последней стадии рака кишечника. «От этого запаха никак не отделаться, – объяснял его друг, гастроэнтеролог. – Они могут чистить зубы по двадцать раз на день, пользоваться зубным эликсиром, ничего не помогает. Это вонь пожирающего себя тела, потому что, если оставить в стороне все диагностические реверансы, рак в чистом виде это и есть самоканнибализм».

Еще семь миль, всего семь миль, а животные все бегут, зверушки рвутся в Диснейленд. А когда доберутся, выстроятся в цепочку и станут танцевать конгу, распевая: «Мир тесен».

Мерный приглушенный топот обутой в сапоги ног. Танец очков, подпрыгивающих на переносице. Дыхание вырывается струями холодного пара. Но теперь он вошел в форму,

согрелся, эндорфины¹⁸ взыграли. Что бы с ним ни происходило, в энергии недостатка не было. Пусть он одержим суицидом, но ни в коем случае не страдает дистимией¹⁹.

В этом часть его проблемы – физическая и эмоциональная пустота, подобная полному растворению в бушующей метели, – это от гормональной недостаточности, он не сомневался в этом. Как и в том, что болезнь можно если не излечить окончательно, то по крайней мере контролировать таблетками, которые сам Генри прописывал бушелями. Но подобно Питу, вполне сознававшему, что в ближайшем будущем его ожидает курс лечения и годы собраний Анонимных Алкоголиков, Генри не желал исцеления и отчего-то был убежден, что исцеление будет ложью, каким-то образом отнявшей часть его души.

Интересно, вернулся ли Пит за пивом. Почти наверняка. Генри сам предложил бы захватить пару бутылочек, если бы догадался вспомнить, избавив Пита от рискованного путешествия (рискованного не только для него, но и для женщины).

Но в тот момент Генри совершенно растерялся, куда уж тут до пива!

Зато, можно поклясться, Пит вспомнил. Но способен ли он добраться до «скаута» со своим коленом? Вполне возможно, но Генри не поручился бы за это.

«Они вернулись! – вопила женщина, глядя в небо. – Они вернулись! Вернулись!»

Генри пригнул голову и засеменял быстрее.

2

Еще шесть миль, всего шесть миль до Бенберри-кросс! Действительно всего шесть или он чрезмерно оптимистичен? Чересчур доверился своим старичкам-эндорфинам? Ну а если и так? Оптимизм в таком случае не повредит. Снег почти прекратился, и поток животных поредел – тоже неплохо.

А вот что плохо, так это мысли, большинство из которых, похоже, вовсе не его. Бекки, например, кто такая Бекки? Имя долго резонировало в мозгу, пока не стало частью мантры. Генри полагал, что это женщина, которую он едва не убил. *Чья это девочка? Бекки, я Бекки, пригожая Бекки Шу.*

Только вот пригожей ее не назовешь. Совсем не назовешь. Грузная вонючая баба, вот кто она на самом деле, оставленная на не слишком надежное попечение Пита.

Шесть. Шесть. Всего шесть миль до Бенберри-кросс.

А пока – ровный бег, по возможности ровный, если учесть дорогу, и чужие голоса, бубнившие в голове. Но, по правде говоря, чужим был всего один, да и то не голос, а что-то вроде ритмичного припева

(чья малышка, чья малышка, лапка Бекки Шу)

Остальные голоса были знакомы. Голоса друзей или те, которые были известны друзьям. Одним был тот, о котором говорил Джоунси, голос, слышанный после несчастного случая, накрепко связанный со всей его болью: *Пожалуйста, прекратите, я не вынесу этого, сделайте мне укол, где Марси...*

И вслед за этим голос Бивера: *Пойди взгляни в горшок.*

И ответ Джоунси: *Почему бы просто не постучаться в ванную и не спросить, как он там...*

Стоны незнакомца, заверявшего, что, если только удастся сходить по-большому, все будет в порядке...

...но это не чужой. Это Рик, друг пригожей Бекки Шу. Рик, как его там? Маккарти? Маккинли? Маккин? Генри не знал точно, но склонялся к Маккарти, по имени героя в старом

¹⁸ Вещества, вырабатываемые мозгом и обеспечивающие весь спектр положительных эмоций. – Примеч. пер.

¹⁹ Так называемое расстройство настроения: резкие переходы от эйфории к депрессии. – Примеч. пер.

ужастике о космических пришельцах, принявших облик людей. Один из любимых Джоунси. Стоит влить в него несколько порций виски и упомянуть об этом фильме, и он тут же подхватит: «Они здесь! Они уже здесь!»

Женщина, уставившись в небо, вопит: *Они вернулись! Вернулись!*

Господи Боже, такого не случилось с тех пор, как они были детьми, а это *хуже*, гораздо хуже, все равно что держать в руках оголенный провод, пронизанный не электричеством, а голосами.

Все эти бесчисленные пациенты, жалующиеся на голоса в головах. И Генри, великий психиатр, молодой бог, как называл его когда-то один из лечившихся в окружной больнице, кивал, словно понимая, о чем они толкуют. Да что там, верил, что понимает. Но, может, по-настоящему понял только сейчас.

Голоса. Они так измотали Генри, что он не расслышал «шлеп-шлеп-шлеп» лопастей вертолета, темной акулы, едва прикрытой брюхами облаков. Но тут голоса стали ослабевать, как идущие издали радиосигналы, когда настает день и атмосфера начинает сгущаться. Наконец остался единственный голос, его собственный, твердивший, что в «Дыре в стене» случилось или вот-вот случится нечто ужасное; и нечто, столь же ужасное, случилось или вот-вот случится позади, рядом со «скаутом», или в хижине лесорубов.

Пять миль. Всего пять миль.

В попытке выбросить из головы эти мысли он заставил себя вернуться туда, куда, как он уже знал, отправился Пит: в 1978-й, к братьям Трекер и Даддитсу. Генри не понимал, что общего имеет Даддитс Кэвелл со всей этой хренью, но отчего-то все они думали о нем, и Генри даже не нуждался в обычной мысленной связи, чтобы ощутить это. Пит упомянул Даддитса, когда они тащили женщину к хижине, Бивер только вчера толковал о Даддитсе, когда они охотились вместе: Генри еще подстрелил оленя. Бив пустился в лирические воспоминания о том, как однажды они повезли Даддитса в Бангор делать рождественские покупки. Как раз после того, как Джоунси получил права: той зимой Джоунси был готов везти кого и куда угодно. Бив еще посмеивался над тем, как тревожился Даддитс, что Санта Клаус не настоящий, а их четверка, здоровые оболтусы-старшеклассники, воображавшие, что схватили бога за бороду, старались убедить его, что Санта самый что ни на есть живой. Что, разумеется, им и удалось. А Джоунси, пьяный вдрабадан, в прошлом месяце позвонил Генри из Бруклина (Джоунси в отличие от Пита не имел привычки надираться, и Генри впервые слышал его спотыкающуюся речь) и объявил, что никогда в жизни не совершал ничего благороднее, именно благороднее, мать вашу, чем та история с бедным стариной Даддитсом Кэвеллом в далеком семьдесят восьмом. «Это был наш звездный час», – говорил Джоунси в трубку, и Генри, дернувшись от неприятного удивления, сообразил, что сказал Питу абсолютно то же, слово в слово. Даддитс. Чертов Даддитс.

Еще пять миль... а может, четыре. Еще пять миль... а может, четыре.

Они рвались посмотреть «киску» соседской девчонки, и Джоунси уверял, что снимок припилен к доске объявлений в заброшенном офисе. Генри уже не помнил имени девушки, еще бы, после стольких лет, но она была подружкой этого мудака Гренадо и королевой бала выпускников средней школы семьдесят восьмого года. Все эти сведения особенно подогрели их интерес. Но едва оказавшись во дворе, они увидели валявшуюся на подъездной дороге красно-белую майку деррийских «Тигров». А немного подальше виднелось кое-что еще...

«Ненавижу этот сраный мультик, они никогда не меняют одежду», – сказал Пит, и Генри уже открыл было рот для ответа, как...

– Какой-то малый орет, – прошептал Генри. Он поскользнулся в снегу, едва не упал и побежал дальше, вспоминая тот октябрьский день под белесым небом. Бежал, вспоминая Даддитса. Крик Даддитса изменил всю их жизнь. Как они предполагали, к лучшему, но сейчас Генри не был в этом уверен.

Впервые он *настолько* не был в этом уверен.

3

Они добегают до подъездной дороги, порядком заросшей сорняками, растущими даже в засыпанных щебенкой выбоинах: Бивер, разумеется, впереди, хотя у него от натуги только что не пена изо рта идет. Генри кажется, что Пит так же вымотан, хотя держится лучше, несмотря на то что он на год моложе. Бивер просто... как бы это лучше выразиться... из штанов выскакивает.

Генри тихо радуется столь точному определению, хотя старается не смеяться. Но тут Бивер замирает, так внезапно, что Пит едва не врезается в него.

– Эй! – говорит он. – Что за хренотень? Чья-то майка.

И действительно, майка. Красная с белым, вовсе не старая и грязная, значит, не лежала здесь сто лет. Наоборот, выглядит почти новой.

– Майка, шмайка, кому все это надо? – отмахивается Джоунси. – Давайте-ка...

– Придержи коней, – говорит Бивер. – Видишь, совсем хорошая.

Да вот только, когда поднимает ее, оказывается, что хорошего мало. Новая, да, новая с иголочки форма «Тигров», с номером 19 на спине. Пит гроша ломаного не даст за футбол, но остальные узнают номер Ричи Гренадо. Воротник сзади разорван, словно ее хозяин пытался удрать, но был схвачен за шиворот и резким рывком водворен на прежнее место.

– Похоже, я ошибся, – грустно шепчет Бив, швыряя майку. – Пошли.

Но прежде чем они успевают сделать несколько шагов, натываются еще на кое-что, на этот раз не красное, а желтое, ярко-желтый пластик, который так любят малыши. Генри, гарцующий впереди, поднимает это желтое. Коробка для завтраков. На крышке – Скуби Ду с друзьями, бегущие из дома с привидениями. Как и майка, она выглядит совсем чистенькой, не похоже, что валялась все это время вместе с мусором, и тут Генри становится не по себе. Кажется, не стоило им вообще забираться в это заброшенное место... по крайней мере можно было бы выбрать для этого другой день. Правда, даже в свои четырнадцать он сообщает, что сморозил чушь. Когда дело доходит до «киски», нужно либо действовать сразу же, либо отказаться, а о том, чтобы отложить такое событие, и речи быть не может.

– Ненавижу этот сраный мультик, – повторяет Пит, рассматривая коробку через плечо Генри. – Заметил, они никогда не меняют одежду, из серии в серию?

Джоунси берет у Генри коробку со Скуби Ду и переворачивает, чтобы взглянуть на буквы, старательно выведенные на обратной стороне. Безумное возбуждение в глазах Джоунси постепенно тает, сменяясь легким недоумением, и у Генри возникает отчетливое ощущение того, что Джоунси тоже жалеет о предпринятой экспедиции. Уж лучше бы они пошли постучали мячом...

Наклейка на обратной стороне гласит:

Я ПРИНАДЛЕЖУ ДУГЛАСУ КЭВЕЛЛУ, МЕЙПЛ-ЛЕЙН,

ДОМ 19, ДЕРРИ, ШТАТ МЭН.

**ЕСЛИ МАЛЬЧИК, КОТОРОМУ Я ПРИНАДЛЕЖУ,
ПОТЕРЯЕТСЯ, ЗВОНИТЕ 949-18-64. СПАСИБО.**

Генри открывает рот, собираясь сказать, что коробка и майка скорее всего принадлежат парнишке, который ходит в Академию Дебилов, это уж точно, стоит только прочесть надпись, совсем как бирка на собачьем ошейнике пса, но в этот момент с противоположной стороны здания, там, где взрослые парни играют в бейсбол, доносится вопль, такой жалобный, что Генри пускается бежать, даже не подумав об изумленных нотках, которыми он пронизан. О полном ужаса изумлении того, кого впервые в жизни обидели или напугали (или и то, и другое).

Остальные мчатся следом, продираясь через путаницу сорняков подъездной дорожки, той, что ближе к зданию, растянувшись в линию: Генри, за ним Джоунси, Бив и Пит.

Оттуда слышатся раскаты мужского смеха.

– Ну же, жри, – командует кто-то. – Как сожрешь, можешь топать отсюда. Дункан даже отдаст тебе штаны, если попросишь.

– Да, если... – начинает другой мальчишка, вероятно, Дункан, но тут же смолкает, уставясь на Генри и его друзей.

– Эй, парни, кончай! – орет Бивер. – Кончай, мать вашу!

Двое приятелей Дункана в куртках школы Дерри, сообразив, что их уединение грубо нарушено, оборачиваются. Перед ними на коленях, одетый только в трусы и одну кроссовку, с лицом, измазанным грязью, кровью, слезами и соплями, стоит мальчишка неопределенного возраста. Нет, совсем не ребенок, судя по поросшей пушком груди, но кажется все равно малышом. Ярко-зеленые глаза с косым китайским разрезом полны слез.

На красно-кирпичной стене, позади этой компании и белеют выцветшие буквы этого изречения:

НЕТ КОСТЯШЕК, НЕТ ИГРЫ.

Что означает, вероятно, совет забрать костяшки и играть подальше от здания и пустой площадки, где все еще видны глубокие следы от баз и полуосыпавшийся холмик подающего, но кто может сказать наверняка? Нет костяшек, нет игры.

В последующие годы они часто будут повторять эту фразу; она станет одной из личных кодовых реплик их юности, не имеющих определенного значения. Пожалуй, всего ближе «кто знает?» или «что тут поделаешь?». Лучше всего произносить ее с улыбкой, разводя руками или пожимая плечами.

– Это еще что за говнюки? – спрашивает Бива один из парней. У него на левой руке что-то вроде бейсбольной рукавицы или перчатки для гольфа... что-то спортивное. Ею он держит комок сухого собачьего дерьма, который и пытается заставить съесть почти голого мальчишку.

– Что это вы делаете? – в ужасе кричит Джоунси. – Хотите, чтобы он *это* съел?! Да вы *спятили*!

У парня, держащего дерьмо, поперек переносицы белеет лента пластыря, и Генри едва не взрывается смехом, узнав героя. Вот так вмастил! Ну прямо по заказу! Они хотели взглянуть на «киску» королевы бала, а наткнулись на короля, чей футбольный сезон завершился без особых трагедий, если не считать сломанного носа, и который теперь развлекается на свой лад, пока остальная команда тренируется к ближайшему матчу.

Ричи Гренадо, очевидно, не понял, что узнал: он пялится на Джоунси. Его застали врасплох, и кроме того, голос Джоунси полон такого неподдельного отвращения, что Ричи в первую минуту теряется и делает шаг назад. Но тут же сообразив, что малый, посмевавшийся говорить с ним таким укоризненным тоном, моложе года на три и легче на сотню фунтов, снова поднимает опустившуюся было руку.

– Я заставлю его сожрать этот кусок дерьма, – говорит он. – А потом отпущу. И ты брысь отсюда, сопляк, если не хочешь половину.

– Да, отвали, – вступает третий. Ричи Гренадо – здоровый бычок, но и ему далеко до этого амбала, ростом этак в шесть футов пять дюймов, с изъеденной фурункулами физиономией. – Пока не...

– Я знаю, кто вы, – обрывает Генри.

Взгляд Ричи переползает на Генри. Настороженный и одновременно раздраженный.

– Уё, сынок, да побыстрее. В последний раз предупреждаю.

– Ты Ричи Гренадо. Я видел твоё фото в газетах. Что, по-твоему, люди скажут, если мы развоним по всей округе, на чем тебя поймали?

– Никому вы ничего не развоните. Потому что *мертвые* молчат, – шипит тот, которого зовут Дунканом. Светло-русые грязноватые волосы беспорядочной копной лохматятся вокруг лица и падают на плечи. – Пшли отсюда! Кому сказано!

Генри, не обращая внимания, в упор смотрит на Ричи Гренадо. И ничуть не боится, хотя сознает, что этим троим вполне по силам растоптать их в лепешку: он пылает бешеной яростью, такого с ним никогда еще не было. Парень, стоящий на коленях, явно из слабоумных, но не настолько, чтобы не понимать, что эти трое намеренно мучают его, сначала порвали майку, потом...

Генри в жизни еще так не был близок к хорошей трепке, но это волнует его меньше всего. Сстиснув кулаки, он подступает к парням. Малый на земле громко всхлипывает, опустив голову, и звук отдается эхом в мозгу Генри, подогревая злость.

– Я всем расскажу, – повторяет он, и хотя угроза звучит по-детски, ему самому так не кажется. И Ричи тоже. Ричи отступает, и рука в перчатке с зажатым в пальцах куском дерьма снова обвисает. Впервые за все время он тревожно озирается. – Трое на одного, на слабоумного малыша, мать твою, парень! Я скажу всем, скажу, *я знаю, кто ты*.

Дункан и громила, на котором нет школьной куртки, встают по обе стороны Ричи. Мальчик в трусах оказывается за их спинами, но Генри все еще слышит пульсирующий ритм его рыданий, он отдается в голове, бьет в виски и доводит до безумия.

– Ну ладно, сами напросились. – Амбал обнажает в ухмылке черные ямы на месте выбитых зубов. – Сейчас мы вас прикончим.

– Пит, если они подойдут ближе, беги, – говорит Генри, не сводя глаз с Ричи Гренадо. – Беги домой, зови мать, пусть звонит в полицию. А вам троим никогда его не словить. Хер догоните.

– Это точно, Генри, – звучит в ответ тонкий, но ничуть не испуганный голос Пита.

– И чем сильнее вы нас изобьете, тем хуже вам придется, – говорит Джоунси. Генри уже закаленный боец, но для Джоунси подобное событие – настоящее откровение, так что он вызывающе посмеивается. – Даже если вы в самом деле нас *убьете*, что это вам даст? Пит и в самом деле здорово бегаёт, и он всем расскажет.

– Я тоже бегаю быстро, – холодно парирует Ричи, – и поймаю его.

Генри наконец оборачивается, сначала к Джоунси, потом к Биву. Оба стоят насмерть. Бив даже кое-что предпринимает: нагибается и подбирает с земли пару булыжников размером с яйцо, только с зазубренными краями, и принимается многозначительно ими постукивать, перебегая взглядом суженных глаз от Ричи к гроmile. Зубочистка во рту агрессивно подпрыгивает.

– Как только они подойдут ближе, кидайтесь на Гренадо, – командует Генри. – Тем двоим Пита не достать.

Он смотрит на Пита, бледного, но не струсившего: глаза сияют, ноги нетерпеливо приплясывают, готовые сорваться с места.

– Пит, скажешь матери, где мы. Пусть пришлет сюда копов. И не забудь имя этого мудака. – Обвинительным жестом окружного прокурора он указывает на Гренадо, взгляд которого снова становится нерешительным. Нет, не только. Испуганным.

– Ну же, ослоеб, – подначивает Бивер. Нужно отдать ему должное, всегда выберет лучший эпитет. – Я тебе еще раз нос подправлю. Только последний трус бросит свою команду из-за свернутого шнобеля!

Гренадо больше не отвечает: наверное, не знает, кому отвечать, и тут случается очередное чудо: Дункан, второй парень в черной куртке, начинает неловко переминаться с ноги на ногу. Щеки и лоб медленно заливаются краской. Он нервно облизывает губы и неуверенно смотрит на Ричи. Только амбал готов ринуться в бой, и Генри почти надеется, что они в самом деле сцепятся. Генри, Джоунси и Пит так просто не сдадутся. Покажут им, если дойдет до драки, честно, покажут, потому что *плач*, этот ужасный невыносимый *плач*, ударяет в голову...

– Эй, Рич, может, стоит... – начинает Дункан.

– Убить их, – рычит амбал. – Прикончить мудаков, и вся недолга. – И делает шаг вперед. На какое-то мгновение все висит на волоске. Генри понимает, что если это чучело сделает еще один шаг, он потеряет контроль над Ричи Гренадо, и тот, как старый злобный питбуль, сорвется с поводка и ринется на добычу, огромная стрела из мяса и костей.

Но Ричи не дает дружку разгуляться и довести дело до свалки. Вовремя хватает амбала за мощное, вдвое толще бицепса Генри, запястье, поросшее к тому же красновато-рыжими волосками.

– Нет, Скотти, – говорит он, – погоди минуту.

– Да, погоди, – почти в панике вторит Дункан, бросая на Генри взгляд, который тот, даже в свои четырнадцать лет, находит весьма странным. Этот взгляд полон укоризны! Словно именно Генри и его друзья делают что-то непозволительное.

– Что вам надо? – спрашивает Ричи. – Хотите, чтобы мы убралась?

Генри кивает.

– Если мы уйдем, что вы сделаете? Проболтаетесь?

И тут Генри обнаруживает нечто поразительное: он, совсем как амбал Скотти, почти готов сорваться. Какой-то частью души он буквально жаждет спровоцировать драку, заорать в лицо Ричи: «ВСЕМ! ВСЕМ, МАТЬ ТВОЮ!» Зная, что друзья его прикроют и никогда слова не скажут, даже если их отвалтузят так, что дело дойдет до больницы.

Но малыш. Бедный, плачущий, умственно отсталый малыш. Как только парни покончат с Генри, Бивером и Джоунси (да и с Питом – если сумеют его поймать), снова примутся за слабоумного, и дело может пойти куда дальше, чем попытки заставить его съесть дерьмо.

– Никому, – говорит он. – Мы никому не скажем.

– Врун сраный, – шипит Скотти. – Он сраный врун, Ричи, смотри на него!

Скотти снова рвется вперед, но Ричи сильнее сжимает пальцы на его запястье.

– Если все обойдется, – добавляет Джоунси благостно и рассудительно, – нечего будет рассказывать.

Ричи мельком глядит на него и снова обращается к Генри:

– Клянись Богом.

– Клянусь Богом, – соглашается Генри.

– И вы все тоже клянетесь Богом? – спрашивает Гренадо.

Джоунси, Бив и Пит послушно клянутся Богом.

Гренадо на долгое, бесконечно долгое мгновение задумывается и пожимает плечами.

– Так и быть, хрен с ним, мы уходим.

– Как только они подойдут, беги за дом, – поспешно шепчет Генри Питу, потому что взрослые парни уже двинулись со двора. Но Гренадо по-прежнему крепко держит Скотти за руку, и, по мнению Генри, это добрый знак.

– Подумаешь, не стоит время тратить, – небрежно бросает Ричи, и Генри так и подмывает рассмеяться, но он усилием воли сохраняет бесстрастный вид. Не хватает еще хихикнуть в такой момент, когда все улажено. Та же часть его души бунтует от ненависти, но остальная – дрожит от облегчения.

– Да что это вам взбрело? – вдруг спрашивает Ричи. – Подумаешь, большое дело.

У Генри язык чешется, в свою очередь, поинтересоваться, как сам Ричи способен на такое, и это не риторический вопрос. Этот *плач!* Господи! Но он молчит, зная, что все сказанное им только подстегнет оглоеда, и все начнется сначала.

И тут начинается нечто вроде танца, который суждено выучить всякому, кто учится в первом и втором классах. Едва Ричи, Дункан и Скотт ступают на дорожку (небрежно, вперевалочку, стараясь показать, что им самим надоело стоять тут, что уходят по собственной воле, а не бегут от банды малолетних наглецов), Генри и его друзья сначала поворачиваются к ним лицами, потом вытягиваются в линию и отступают к рыдающему, все еще стоящему на коленях мальчишке, отсекая его от троицы.

На углу здания Ричи останавливается и оборачивается к приятелям.

– Ничего, еще встретимся, – говорит он. – Один на один или со всеми вместе.

– Точно, – соглашается Дункан.

– Остаток жизни проведете в кислородной палатке, – добавляет Скотт, и на Генри снова накатывает припадок веселья. Он тихо молится, чтобы друзья чего-нибудь не брякнули – не буди лиха, – но все молчат. Почти чудо.

Последний злобный взгляд Ричи – и Генри, Джоунси, Пит и Бив остаются наедине с малым, раскачивающимся взад и вперед на грязных коленках; чумазое окровавленное, залитое слезами, непонимающее лицо поднято к белесому небу, как циферблат сломанных часов. Они переглядываются, гадая, что делать дальше. Поговорить с ним? Объяснить, что все в порядке, что плохие мальчишки убралась и опасность миновала? Все равно ведь не поймет. И, ох, этот плач кажется таким ненормальным. Как могли эти кретины, пусть злобные и глупые, продолжать издеваться над малым под этот плач?

Позже Генри поймет... вернее, разберется... но сейчас это остается для него полнейшей тайной.

– Я кое-что попробую, – резко бросает Бивер.

– Да, конечно, все что угодно, – говорит Джоунси. Голос его дрожит.

Бив выступает вперед, но тут же оглядывается на друзей. Во взгляде то ли стыд, то ли вызов, и... и Генри мог бы поклясться: надежда!

– Если протреплетесь кому-нибудь, что я это сделал, больше знать вас не желаю, – предупреждает он.

– Хватит языком молоть, – говорит Пит, и голос его тоже подрагивает. – Если сможешь его заткнуть, действуй!

На несколько секунд Бивер застывает на том месте, где стоял Ричи, пытавшийся скоротить малому собачье дерьмо, потом тоже опускается на колени. Генри внезапно понимает, что трусы мальчишки, как коробка, тоже разрисованы персонажами из мультиков, Скуби Ду и его друзьями.

И тут Бивер обнимает ноющего, почти голого недоумка и начинает петь.

4

Четыре, всего четыре мили до Бенберри-кросс... а может, только три. Всего четыре мили до Бенберри-кросс... а может, только...

Генри снова поскользнулся и на этот раз не сумел удержаться на ногах: слишком глубоко ушел в воспоминания, падение застало врасплох. Не успев опомниться, он уже летел на землю.

И приземлился на спину с глухим сильным стуком, не сумев сдержать крика. Мелкая сахарная пудра снега поднялась легким облачком. В довершение ко всему он так ушиб затылок, что из глаз посыпались искры.

Больно было так, что он не сразу смог подняться, давая любой сломанной конечности время заявить о себе. Не дождавшись ничего серьезного, он завел руку за спину и потер поясницу. Ноет, но терпеть можно. В десять-одиннадцать лет, когда он все зимы проводил в Строуфорд-парке, катаясь на санках, еще и не такое бывало, а он только смеялся. Когда-то, летя вниз на снежокате, которым правил этот поганец Питер Мур, они оба врезались головами в толстую сосну у подножия холма, которую мальчишки прозвали Деревом Смерти, и отделались синяками да парой шатавшихся зубов. Беда в том, что десять-одиннадцать лет ему было давно.

– Вставай, малыш, все в порядке, – сказал он и осторожно сел. Спину тянет, конечно, но и это не трагедия. Так, сотрясение костей. Ничего не пострадало, кроме гребаной гордости, как они когда-то говорили. Но все же Генри продолжал сидеть. Он показал неплохое время и заслужил отдых. Кроме того, воспоминания его расстроили. Ричи Гренадо, мудак Ричи Гренадо, который, как оказалось, действительно смылся из футбольной команды и совсем не из-за сломанного носа.

«Мы еще встретимся», – пообещал он на прощание, и Генри посчитал, что это не пустая угроза, но стычки так и не произошло, нет, вообще не произошло. Вместо этого произошло кое-что другое.

И все это было очень давно. Сейчас его ждет Бенберри-кросс – «Дыра в стене», – и нет палочки, которая домчала бы его туда, только лошадка бедных – собственные ноги. Генри поднялся, начал отряхиваться от снега, и тут... этот истошный вопль в голове.

О-о-ой! – крикнул он. Господи, словно кто-то подкрался и врубил плейер на полную мощность, словно в мозгу взорвалась граната, словно перед глазами обвалилось здание. Он отшатнулся, как от удара, беспорядочно размахивая руками, и если бы случайно не уперся в замерзшие ветки сосны, растущей по левой стороне дороги, наверняка упал бы снова.

Но все же кое-как высвободился из когтей дерева, хотя в ушах по-прежнему звенело... не только в ушах, в *голове*... и шагнул вперед, с трудом веря, что еще жив. Поднес руку к носу, и ладонь повлажнела от крови. Во рту что-то болталось. Он сунул туда пальцы, вытащил зуб, удивленно оглядел и отшвырнул, игнорируя порыв сунуть его в карман куртки. Насколько он знал, никто еще не делал хирургическую имплантацию сломанного зуба, и Генри сильно сомневался, что Зубная Фея придет ему на помощь из своей волшебной страны.

Он так и не определил, чей это был вопль, но почему-то подумал, что Пит Мур вляпался в крупную неприятность.

Генри прислушался к другим голосам, другим мыслям, но ничего не услышал. Превосходно. Хотя, нужно признать, даже без голосов перед глазами все равно прошла бы почти вся жизнь.

– Ну же, парень, вперед, сил у тебя еще хоть отбавляй, – сказал он и снова пустился бежать к «Дыре в стене». Ощущение, что там что-то неладно, становилось все сильнее, и он едва удерживался, чтобы не прибавить скорости.

Иди загляни в горшок.

Почему бы просто не постучать в ванную и не спросить, как он там?

Неужели он действительно слышал эти голоса? Да, сейчас они стихли, но он их слышал, слышал так же четко, как ужасный, агонизирующий вопль. Пит? Или женщина? Пригожая Бекки Шу?

– Пит, – выдохнул он вместе с клубами пара. – Это был Пит...

Правда, он был не до конца уверен, но все же...

Сначала Генри боялся, что не сможет снова найти ритм, но беспокоился напрасно: сам не заметил, как вошел в прежний темп, прекрасную простоту единства натужного дыхания и топающих ног.

Мили три, всего три мили до Бенберри-кросс. Домой, домой, возвращаюсь я домой. Совсем как мы отвели Даддитса домой в тот день.

(Если протреплетесь кому-нибудь, что я это сделал, больше с вами не возжусь.)

Генри вернулся в тот октябрьский день, как в глубокий сон. Канул в колодец памяти так глубоко и быстро, что сначала не почувял облака, рвущегося к нему облака, состоявшего не из слов, не из мыслей, не из криков, а только из его же красно-черной сущности, «я», у которого впереди много дел и много мест, куда идти.

5

Бивер выступает вперед, чуть колеблется и опускается на колени. Дебил не видит его: он все еще ноет, зажмурившись и тяжело дыша. Узкая грудь судорожно вздымается. Искреченная молниями мотоциклетная куртка смотрится довольно забавно рядом с веселенькими трусишками, но никто из мальчишек не смеется. Генри хочет только одного: чтобы слабоумный замолчал. Этот плач его убивает.

Бивер, не вставая с колен, подбирается ближе и обнимает плачущего мальчишку.

– Спи, дитя, Господь с тобой, ночь несет тебе покой...

Генри никогда раньше не слышал, как поет Бивер: Кларендонов никак нельзя назвать набожными, – и сейчас он поражен красотой чистого тенора. Через год-другой, после ломки, голос Бивера изменится, станет обычным и ничем не примечательным, но здесь, на заросшей сорняками пустующей площадке позади заброшенного здания, он поражает всех, пронизывает насквозь, до самого сердца. Даже слабоумный перестает плакать и пораженно тараторит на Бивера.

– По небу плывет кораблик, не простой, а золотой, паруса на нем стоят, чистым серебром горят, вот дремота к нам идет, глазки милые сомкнет, спи, дитя, Господь с тобой, пусть хранит он твой покой...

Последняя нота плывет в воздухе, и на мгновение мир благоговейно замирает. У Генри на глаза наворачиваются слезы. Дебил смотрит на Бивера, покачивающего его в такт песне. На замурзанной физиономии выражение блаженного восхищения. Он уже забыл разбитую губу, ссадину на щеке, пропавшую одежду, потерянную коробку для завтрака. И говорит Биверу «ио ас», почти одними согласными, которые могут означать все что угодно, но, как ни странно, Генри превосходно понимает, как, впрочем, и Бивер.

– Больше не могу, – говорит он и, сообразив, что по-прежнему обнимает парнишку за плечи, убирает руку. Лицо слабоумного немедленно омрачается, на этот раз не от страха или капризного нетерпения избалованного, не получившего чего-то ребенка, но от искренней неподдельной грусти. Огромные капли брызжут из поразительно зеленых глаз и про-

кладывают чистые дорожки на черных щеках. Он берет руку Бивера, кладет себе на плечо и требует:

– Ио ас.

Бивер в панике оглядывается на дружков.

– Так мне мать пела на ночь, – говорит он, – и после этого я всегда спал как убитый.

Генри и Джоунси переглядываются и хохочут. Не слишком умно с их стороны: еще испугают парнишку, и тот снова начнет подвывать, но с собой ничего не поделаешь. А мальчик, вместо того чтобы заплакать, вдруг улыбается им широкой солнечной улыбкой, обнажившей два ряда белых, тесно посаженных зубов, и снова смотрит на Бивера, не отпуская его руки.

– Ио ас, – командует он.

– А, блин, спой снова, – требует Пит, – давай.

Биву приходится повторять куплет еще три раза, прежде чем парнишка отпускает его и позволяет остальным впихнуть себя в штаны и порванную майку, ту самую, с номером Ричи Гренадо на спине. Генри так и не забыл этой навязчивой подробности и иногда вспоминает ее в самые неподходящие моменты: после того как потерял девственность на вечеринке университетского братства под звуки «Дыма над водой», несущиеся снизу из динамиков; после того как открыл газету на странице некрологов и увидел чарующую улыбку Барри Ньюмена над тройным подбородком, когда кормил отца, пораженного болезнью Альцгеймера в несправедливо раннем возрасте пятидесяти трех, упорно считавшего, что Генри не Генри, а кто-то по имени Сэм. «Настоящий мужчина всегда платит долги, Сэмми», – сказал отец, и когда сглотнул следующую порцию овсянки, по подбородку побежала струйка молока. И в такие минуты колыбельная Бивера вновь звучит в ушах, и ему ненадолго становится легче. Нет костяшек, нет игры.

Наконец им удается надеть на мальчишку почти все, если не считать красной кроссовки. Он пытается натянуть ее самостоятельно, но почему-то пяткой вперед. Бедняга совсем беспомощен, и Генри просто теряется в догадках, зачем эти трое над ним издевались. Даже если не обращать внимания на плач, подобного которому Генри никогда не слышал раньше, как можно быть такой гнусью?

– Давай помогу, парень, – говорит Бив.

– Агу? – переспрашивает слабоумный с таким комическим недоумением, что Генри, Джоунси и Пит снова хохочут. Генри знает, что смеяться над больными нехорошо, но не может сдержаться. У парня слишком забавная физиономия, совсем мультяшная.

Но Бивер только улыбается.

– Надеть кроссовку, старик?

– Соку?

– Да, сеньор, все ваши старания бесплодны. – Бив отбирает у него кроссовку, и парнишка с живейшим интересом наблюдает, как тот сует в нее его ногу, уверенно затягивает шнурки и завязывает концы бантиком. Когда он выпрямляется, слабоумный смотрит сначала на бантик, потом на Бивера, стискивает его за шею и громко чмокает в щеку.

– Если вы проболтаетесь хоть одной живой душе, что он это сделал... – начинает Бивер, но при этом довольно улыбается.

– Да-да, ты больше никогда не будешь с нами водиться, хрен моржовый, – ухмыляется Джоунси. Он подбирает коробку для завтраков и протягивает мальчику: – Это твое, парень?

Тот расплывается в восторженной улыбке человека, встретившего старого друга после долгой разлуки. И хватает коробку.

– Уби – Уби-Уби-Ду, я сейчас тее пиду, – поет он. – Поа а аоту.

– Верно, – соглашается Джоунси. – Работы по горло. Прежде всего вот что мы сделаем: доставим тебя на хрен домой. Тебя ведь Дуглас Кэвелл зовут, верно?

Мальчик грязными руками прижимает коробку к груди, любовно гладит и тоже чмокает, совсем как Бивера.

– Я Даддитс! – восклицает он.

– Прекрасно, – кивает Генри, беря мальчика за руку. Джоунси следует его примеру, и вдвоем они поднимают Даддитса с земли. Мейпл-лейн всего в трех кварталах отсюда, и они будут там минут через десять, если, конечно, Ричи с друзьями не шляются поблизости, задумав устроить им засаду. – Давай домой, Даддитс. Мама наверняка беспокоится.

Но сначала Генри посылает Пита выглянуть из-за угла здания. Когда тот возвращается и рапортует, что берег чист, а путь свободен, Генри решает добраться до подъездной дороги. Как только они выберутся на улицу, к людям, никто их не тронет. Но рисковать Генри не намерен. Он высылает Пита вперед еще раз, наказав ему проверить дорогу до самых ворот и свистнуть, если все в порядке.

– Ои уши, – уверяет Даддитс.

– Может, и уши, – говорит Генри, – но все же лучше, если Пит посмотрит.

Даддитс стоит, безмятежно рассматривая картинки на коробке, пока Пит идет на разведку. Он самый подходящий для таких заданий человек. Генри не преувеличил: если Ричи с приятелями задумают наброситься на них, Пит включит свои реактивные двигатели и оставит врагов в пыли.

– Тебе нравится этот мультик, старина? – тихо спрашивает Бивер, взяв у него коробку. Генри с интересом наблюдает, заплачет тот или нет. Но слабоумный не плачет.

– Ои Уи-У, – объявляет он. Волосы у него вьющиеся, золотистые. Генри по-прежнему не может понять, сколько ему лет.

– Знаю, что это Скуби Ду, – терпеливо кивает Бив, – но они никогда не меняют одежду. Пит прав. Ну просто «трахни меня, Фредди», верно?

– Ай! – Он протягивает руку, и Бивер отдает коробку. Слабоумный прижимает ее к себе и улыбается им.

Чудесная улыбка, думает Генри, улыбаясь в ответ. Почему-то вспоминаешь, как мерзнешь, когда долго плаваешь в океане, но потом вылезешь на песочек, закутаешь костлявые плечи и спину, обтянутые гусиной кожей, и снова становится тепло.

Джоунси тоже улыбается.

– Даддитс, – спрашивает он, – а который из них пес?

Слабоумный озадаченно морщит лоб.

– Пес, – повторяет Генри. – Который из них собака?

Теперь Даддитс, совершенно сбитый с толку, поворачивается к нему.

– Покажи Скуби Ду, – просит Бивер, и лицо Даддитса проясняется. Он тыкает пальцем в картинку.

– Уби! Уби – Уби-У! Эо аака!

Все хохочут. Даддитс тоже смеется, и в этот момент слышится свист Пита. Они пускаются в путь и добираются чуть не до половины дороги, но тут Джоунси осеняет:

– Подождите! Подождите!

Он бежит к облупленному окну офиса, прилипает лбом к стеклу, загоразиваясь ладонями от солнечных лучей, и Генри вдруг вспоминает, зачем они пришли. «Киска»! Джин-как-ее-там. Кажется, это было тысячу лет назад.

Минут через десять Джоунси зовет:

– Генри! Бив! Сюда! Оставьте парня!

Бивер бежит к Джоунси. Генри поворачивается к слабоумному и строго говорит:

– Стой здесь, Даддитс. Прямо здесь. Никуда не уходи, ладно?

Даддитс таращится на него сияющими зелеными глазами, все еще обнимая коробку. Потом кивает, и Генри присоединяется к друзьям у окна. Приходится потесниться. Бивер

ворчит, что какой-то мудака наступил ему на ногу, но все в конце концов улаживается. Вскоре появляется удивленный их исчезновением Пит и втискивает физиономию между плечами Генри и Джоунси. Вот они, четверо мальчишек, торчат перед пыльным окном бывшего офиса, прижав ладони к вискам, чтобы лучше видеть. А пятый смиренно стоит позади, на спутанной дорожной траве, благоговейно прижимая коробку для завтраков к узкой груди и глядя в осеннее небо, где солнце пытается прорваться сквозь облачный заслон. За грязным стеклом (на котором остаются полумесяцы их детских лбов) – большая пустая комната. На немытом полу рассыпаны белые сплюснутые личинки, в которых Генри узнает гондоны. На стене, той, что прямо напротив окна, висит доска объявлений, к которой припилены карта северной части Новой Англии и полароидная фотография женщины, поднявшей юбку. Но никакой «киски», все скромно прикрыто белыми трусиками. И она вовсе не школьница. Ей не меньше тридцати.

– Святой Боже, – охает Пит, пронзая Джоунси презрительным взглядом. – И мы тащились сюда за этим?!

Джоунси, похоже, уже готовый оправдываться, внезапно расплывается в улыбке и тычет большим пальцем через плечо.

– Нет, – качает он головой. – Мы пришли за *ним*.

6

Генри вышвырнуло из воспоминаний грубым, но действенным толчком: осознанием поразительного и совершенно неожиданного факта. Он насмерть перепуган, и довольно давно. Обезумел от страха. Нечто новое упорно маячило как раз за порогом разума, сдерживаемое необычайно яркими воспоминаниями о первой встрече с Даддитсом, и теперь рванулось вперед с угрожающим воплем, собираясь занять свое законное место.

Генри притормозил посреди дороги, суматошно размахивая руками, чтобы удержаться от очередного падения, и замер, в ужасе вытаращив глаза. Он всего в двух с половиной милях от «Дыры в стене», почти дома. Что же, во имя Господне, на этот раз?

Облако, подумал он. Нечто вроде облака, вот что это такое. Не могу сказать, что именно, но чувствую, в жизни никогда так ясно не чувствовал. Во всяком случае, во взрослой жизни. Нужно свернуть с дороги. Я должен убраться от него подальше. Убраться от кино. В облаке какое-то кино. Из тех, что любит Джоунси. Ужасник.

– Глупо, – пробормотал он, зная, что это не глупо.

И услышал приближающееся «плюх-плюх-плюх» вертолета со стороны «Дыры в стене» и нарастающий рев снегохода, почти наверняка «арктик кэт», хранившегося в сарае... но быстрее всего надвигалось красно-черное облако с фильмом внутри, какая-то ужасающе злая энергия, пытавшаяся его настичь.

Генри застыл, не в силах шевельнуться, охваченный мириадами детских страхов: чудовища под кроватью, скелеты в гробах, черви, копошившиеся под перевернутыми камнями, мохнатая слизь, останки давно спекшейся крысы, обнаруженные, когда отец отодвинул от стены плиту, чтобы проверить розетку. И страхами уже не детскими: отец, заблудившийся в собственной спальне и воющий от страха; Барри Ньюмен, сбегавший из кабинета Генри: толстая физиономия искажена безмерным ужасом, потому что его настойчиво попросили заглянуть туда, куда он заглядывать не желал, а может, и не мог; он сам, сидящий без сна в четыре утра, со стаканом скотч-виски: весь мир – мертвая пустыня, его собственный мозг – мертвая пустыня, и, о беби, до рассвета тысяча лет, целая вечность, а все колыбельные запрещены. Аннулированы. И все это заключено в красно-черном облаке, устремившемся к нему с неба, подобно коню бледному, все это, и куда, куда больше. Всякие пакости, которые

только могут прийти в голову, сейчас мчатся к нему не на бледном коне, а на старом снегоходе с облупившейся краской. Не смерть, но хуже смерти. Мистер Грей.

Прочь с дороги! – вопит мозг. – Немедленно! Прячься!

Мгновение он не мог пошевелиться, ноги, казалось, приросли к земле. Царапина на бедре от сломанного поворотника жгла раскаленным железом. Теперь он понимал, что чувствует олень, пойманный в капкан неумолимых огней фар, или бурундук, тупо подпрыгивающий перед носом приближающейся газонокосилки. Облако лишило его инстинкта самосохранения, способности вырваться. Он замер, как беспомощный кролик перед коброй.

И как ни странно, к жизни его возвратили все эти мысли о самоубийстве. Разве не он мучился над выбором пятисот бессонных ночей? Только затем, чтобы кто-то неведомый, охваченный охотничьим азартом, сделал это за него? Нет уж, дудки! Страдания сами по себе достаточно неприятны, но позволить своему перепуганному телу превратить эти страдания в пародию покорным ожиданием демонов, заранее потирающих руки от восторга? Ну нет, такого он не допустит!

Итак, он заставил себя сдвинуться с места, медленно, словно в ночном кошмаре, продираться сквозь внезапно загустевший, как кисель, воздух. Ноги поднимаются и опускаются, словно в подводном балете. Словно в замедленной съемке. Неужели еще несколько минут назад он бежал по дороге? Действительно бежал? Сама мысль об этом казалась невероятной, как бы ни были сильны воспоминания.

Но все же он упорно продолжал делать шаг за шагом, шаг за шагом, а вой мотора становился все ближе, превращаясь в рычание зверя. И наконец он вломился в деревья на обочине дороги, футов на пятнадцать в глубину, где почти нет снега, только легкий серебристый пух на ароматных оранжево-бурых иглах. Генри повалился на колени, всхлипывая от ужаса и затыкая рот рукой, чтобы заглушить звуки: что, если его услышат? Мистер Грей, облако – это мистер Грей, и что, если он услышит?

Он прокрался за поросший мхом еловый ствол, обнял его и осторожно выглянул из укрытия, пытаясь рассмотреть что-то сквозь потную завесу упавших на глаза волос. И увидел в хмуром сумеречном свете вспышку света. Она колеблется, дрожит, перемещается. Горящая фара.

Генри беспомощно застонал в надвигающейся тьме. Круг света проник в мозг, пожирая мысли, наполняя его пугающими образами: молоко на подбородке отца, паника в глазах Барри Ньюмена, истощенные тела и огромные глаза, пристально глядевшие в никуда из-за колючей проволоки, женщины с содранной кожей и повешенные мужчины. На какой-то момент его представление о мире вывернулось наизнанку, как карман, и он осознал, что все поражено чумой... или, вероятно, поражено. *Все*. Его доводы в пользу самоубийства ничтожны перед лицом надвигающегося бедствия.

Он прижался губами к дереву, чтобы сдержать крик, чувствуя, как губы впечатались поцелуем в холодный мох, до самых корней, где он сохранил влагу и вкус коры. В этот момент «арктик кэт» пронесся мимо, и Генри узнал оседлавший его силуэт. Узнал создание, породившее черно-красное облако, наполнившее его голову сухим жаром.

Он со сдавленным криком вгрызся в мох, бессознательно втягивая носом сухие, мелкие, похожие на табак частицы, и снова вскрикнул. А потом просто продолжал стоять на коленях, схватившись за дерево и дрожа всем телом. Рев снегохода стал постепенно удаляться на запад, превратился в назойливый скулеж и затих окончательно.

Там Пит. ЭТО доберется до Пита и женщины.

Генри поковылял на негнущихся ногах обратно к дороге, не замечая, что плачет, не замечая, что из носа снова льется кровь. И снова направился к «Дыре в стене», но уже не той уверенной трусцой, как раньше. Теперь он едва плелся, прихрамывая и спотыкаясь. Но, может, это уже не играло роли, потому что в домике все было кончено.

Какие бы кошмары там ни происходили, он все равно опоздал. Один из друзей мертв, один умирает, а один, храни его Боже, стал кинозвездой.

Глава 7

Джоунси и Бив

1

Бив повторял это снова и снова. На этот раз никаких биверизмов: простое короткое ругательство, которое первым приходит на ум, когда ты привалился к стене и нет других слов, чтобы выразить ужас, представший твоим глазам.

– А, блядство, старик, блядство!

Как бы плохо ни было Маккарти, он все же нашел время щелкнуть переключателями в ванной, включив люминесцентные плафоны по обе стороны от зеркала и еще один, круглый, наверху. Неестественно белый, резкий свет придавал окружающему вид полицейского снимка с места преступления – и некий оттенок сюрреализма, потому что лампы не горели ровно, а время от времени мигали, и ты понимал, что питание идет от генератора, а не от электростанции, снабжающей электричеством Дерри и Бангор.

Кафель на полу светло-голубой, и если у двери видны лишь отдельные пятна и брызги крови, то около туалета уже стоят лужицы, от которых тянутся алые ручейки. Кроме того, кафель донельзя затоптан: ни Джоунси, ни Бив не позаботились снять сапоги. На синей виниловой душевой занавеске – четыре смазанных отпечатка пальцев, и Джоунси нахмурился еще сильнее: *Он, наверное, схватился за занавеску, чтобы не упасть, когда садился на толчок.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.